

МАКС ЛЬВОВ

ФИЗИК:

АРТЕФАКТ

Говорят, Создатель покинул тот мир. И вся мерзость того мира проявила себя, извращая его суть и попирая его основы. Те, кто веками стоял на его защите, возжелали крови.

Как раз в те смутные времена угодил обычный преподаватель физики Павел Иванович.

И мир встретил его болью и парой странных спутников, что повели его по тропинке силы и безумства.

Знать бы ещё куда приведёт эта тропка...

— Мне показалось, или по аудитории начал гулять сквозняк? — спросил преподаватель, скосив взгляд на приоткрывшуюся дверь, ведущую в коридор. В проёме двери робко материализовалась голова студента, обладающего рыжей шевелюрой и всеми признаками тяжелейшего похмелья на веснушчатом лице.

— Павел Иванович, разрешите зайти? — произнёс студент.

— Ааа... Господин.... Позвольте-ка. Вы так часто радуете меня своим присутствием, что я запамятовал вашу фамилию. Не напомните? — становилось понятно, что ситуация Павла Ивановича забавляет.

— Скворцов. Семён. 307 группа, — зачем-то добавил Семён.

— Скворцов! Точно! Ну наконец-то я имею счастье Вас лицезреть. Семён, подскажите, пожалуйста, что Вас сподвигло на посещение сей скромной аудитории за пять минут до окончания занятия? — спросил преподаватель.

— Э-э-ммм... — замялся Семён, — я не мог найти ключи от комнаты. Они словно испарились! Прямо мистика какая-то!

— Мистика? — поднял бровь Павел Иванович, или просто Иваныч, как называли его знакомые и коллеги. — Что же, у нас осталось чуточку времени для того, чтоб поdiscутировать на эту тему. Пройдите сюда, к доске, мой юный друг. Не стесняйтесь.

— Итак, мистика, чудеса, религия, нечистая сила.... Это конечно не имеет отношения к нашему предмету, но тема весьма интересна. Каждый из нас, так или иначе, сталкивался с необъяснимыми явлениями в своей жизни. Не так ли? — продолжил свою речь преподаватель.

По аудитории прошелестел одобрителный гомон.

— Так вот! Моя позиция по этому вопросу максимально однозначна. Никаких потусторонних сил не существует и существовать априори не может! Черти, демоны, кикиморы, лешие и прочие представители этой разнообразной фауны являются вымыслом, и не более того! А когда человек начинает придумывать различные небылицы? Ответ прост. Когда он не может что-либо объяснить с логической точки зрения. Возьмём наше не такое уж и далёкое прошлое. Начался падёж скота в деревне? Ведьма постаралась, не иначе. Тем более соседка-клуша Петровна намедни сон видела и свечение непонятное в палисаднике. Об эпидемиях ведь тогда не знали. Или вот вам ещё пример. Прилёт холоп Иван на берегу в тенёчке вздремнуть и не проснулся. Тромб. Но тогда же не было таких познаний в медицине. Не иначе, кикимора к себе прибрала.... Вот Скворцова отчислят за прогулы, тоже порча чья-то на нём, видимо. И таких примеров можно придумать великое множество. Всё сверхъестественное рождается в наших головах от незнания, лени и необразованности. Когда объяснить произошедшее нужно, но возможности сделать это с научной и логической точки зрения нет.

— А как же Бог? — донеслось с заднего ряда.

— Бог? Вы же о религии в целом? Хм... Бог, дьявол, ангелы, демоны.... Тут всё то же самое, с одним нюансом. Вернее, с множеством нюансов. Зачем нам нужна религия? Во-первых, человеку нужно было объяснить своё происхождение на этой земле. Во-вторых, она была сдерживающим фактором. Законов-то толком не было, и заповеди должны были держать общество в неких рамках поведения, отличных от поведения представителей

остального животного мира. В-третьих, религия — это власть. Власть, не подчиняющаяся ни одному правителю, кроме верховных служителей этой религии. Это прекрасный инструмент для манипуляции массами. Ну и в-четвертых, это победа над страхом. Страхом смерти и страхом абсолютного конца. Любой человек боится смерти, и это нормально. Так в нас заложено природой. Так мы устроены. Но, если задуматься, куда страшнее неизвестность и страх того, что после смерти ничего не будет. То есть совсем ничего. Ни тьмы, ни света, ни ада, ни рая. НИ-ЧЕ-ГО! И я считаю, что именно это являлось первопричиной зарождения и популярности религий всех видов и мастей. Страх пустоты.

— Павел Иванович, то есть Бога нет? — спросила миловидная студентка.

— Бога нет... — тихо прошептал преподаватель и произнёс куда уже громче: — А это каждый для себя решает сам. Ну что же, время нашего с вами общения, к сожалению, истекло. Увидимся мы с вами теперь на следующей неделе. Скворцов! Тебе придётся очень постараться, дабы задобрить своего преподавателя физики и не покинуть наше чудесное заведение насовсем. Или предпочитаешь провести юность в сапогах?

— Никак нет! — вытянувшись в струну, ответил рыжий студент.

— Хм... Посмотрим, Скворцов, посмотрим. Все свободны!

— Бога нет... — снова тихо произнёс преподаватель и, глядя в окно, погрузился в воспоминания.

Был ли Павел Иванович стар? Отнюдь. Многие скажут, что после сорока жизнь только расцветает новыми красками. Но физик так не считал. Он чувствовал себя бесконечно старым и бесконечно уставшим от жизни. А ведь не так уж и давно всё было совсем иначе. Обычное советское детство с крышами гаражей и карбидом, юность во дворе с гитарой, институт с хорошим дипломом, амбиции и открытые дороги жизни. Аспирантура и последующая работа в довольно известном ВУЗе. Потом он повстречал её. Елену. Тот чудесный миг, когда понимаешь, что любишь её от макушки до кончиков пальцев, и щенячий восторг от понимания того, что это взаимно. Следом свадьба и рождение дочери Насти. Семейная рутина, серая лямка жизни с её горестями и радостями. Далее вторая беременность Елены, и новый виток счастья и хлопот. Как выяснилось, беременность оказалась с осложнением, но супруга настояла на сохранении ребёнка. Череда больниц, обследований и врачей, дававших в целом оптимистичные прогнозы и надежду на то, что всё будет хорошо.

Тот вечер был вполне обычным. Павел Иванович готовился к предстоящему рабочему дню, Лена хлопотала на кухне с ужином, Настя по счастливому стечению обстоятельств была у бабушки. Грохот и звон посуды неожиданно прервал монотонный бубнёж диктора новостей из телевизора. Павел Иванович уже придумал остроу по поводу ловкости и грации беременной супруги, но, зайдя на кухню, увидел лежащее на полу тело. Тогда внутри него что-то будто оборвалось... Скорая, больница, операционная и изматывающие душу часы ожидания. Все эти часы педагог молился. Был ли он верующим? Как и большинство из нас он редко бывал в церкви, а крестик носил, скорее, по привычке. Но в том больничном коридоре он верил и молился. Молился, не зная слов ни одной молитвы, пытаясь найти поддержки у Бога. И его остатки веры были уничтожены одним жестом. Вышедший из бокса врач с усталым взглядом лишь отрицательно покачал головой.

— Бога нет... — прошептал Иваныч.

Дальнейшие воспоминания сохранились в голове Павла Ивановича лишь лоскутами серости среди чёрного марева. Похороны, соболезнования людей, которых даже не

запомнил, пустота. Пустота начала заполняться алкоголем. Лишь в состоянии бесконечного запоя к нему чуть реже приходили мысли о произошедшем. Дочку жить к себе забрала бабушка, на работе тоже не стали долго терпеть пьющего работника, вокруг появлялись сомнительного вида знакомые и дружки. В общем, Павел Иванович медленно, но верно шёл на социальное дно. К его счастью, дочь Настя не стала забывать своего отца и пыталась всячески на него воздействовать. Там, где не помогали угрозы и увещевания, слёзы и мольбы, внезапно помогло несчастье. У Насти диагностировали серьёзную пневмонию, о чём сухо сообщила Павлу Ивановичу её бабушка. И он испугался. Испугался потерять и её одновременно поняв, что ему есть кого терять и ради кого жить. Потом период реабилитации, устройство на работу в близлежащий колледж преподавателем физики и забота о дочери. Жизнь вышла на новый виток спирали, притупляя боль утраты своей рутинной и заботами. Тяжело ли одному воспитывать подростка? Совсем непросто, но педагог, как он считал, с этим худо-бедно справлялся.

— Мда, Иваныч, — пробормотал преподаватель, отведя взгляд от окна, — получив от жизни в первом раунде нокдаун, посмотрим, получится ли налюбить судьбу и повести хотя бы по очкам во втором... Ладно, раскис что-то я. У Настюхи завтра день рождения, неплохо было бы по магазинам пробежаться, подготовиться.

Выйдя из колледжа, педагог взглянул на июльское небо. Судя по всему, там собиралась если не буря, то как минимум хороший град. Настолько тёмным был небосвод.

— Вот и верь после этого синоптикам! — проворчал Павел, глядя на свинцовые тучи, затянувшие небо. — Обещали же солнце весь день!

В преддверии непогоды обычно оживлённые улицы города стали безлюдными и практически безжизненными. Куда-то даже подевались неизменные выпивохи, которые в это время стреляли мелочь на опохмел у прохожих. Тишину нарушали лишь подвывания усиливающегося ветра, раскаты грома и гул моторов редко проезжающих машин. Начинать накрапывать лёгкий дождь.

— Не вымокнуть бы, — произнёс себе под нос Павел Иванович, щуря глаза от порыва ветра, обдавшего лицо мокрой взвесью, — срежу-ка я через Салтыковку.

Салтыковкой местные называли старый городской парк, старый и неухоженный. Городские власти всёобещали привести его в порядок, но так как обещания эти произносились сугубо на предвыборных кампаниях этих властей, на обещаниях, собственно, всё и заканчивалось. Парк пользовался дурной славой, как притон алкашей, наркоманов и прочих маргинальных личностей, из-за чего горожане старались лишней раз в нём не оказываться. Единственной достопримечательностью Салтыковки была старая церковь, построенная ещё то ли в восемнадцатом, то ли в девятнадцатом веке. От церкви этой остались лишь тёмные стены да купол с покосившимся крестом. Учитывая то, что находилась она в заросшем и заброшенном парке, выглядела она действительно жутковато. Да и несколько поколений горожан, которых она повидала, успели напридумывать про неё целый сонм мистических историй, баек и страшилок. Но единственный путь пролегал мимо нее.

Проходя мимо церкви, Павел Иванович услышал странный скрежет, будто острыми когтями провели по металлу. Подняв голову вверх, он увидел странную картину: на лучах покосившегося креста сидела пара птиц. Антрацитово-чёрный ворон, и белый, как только что выпавший снег, голубь. Первый был настолько же чёрен, насколько белоснежен второй. Оба неожиданных гостя не сводили своих взглядов с проходившего мимо церкви физика.

— Чем обязан, господа? Хлеба и семечек с собой нету! Так что, не нужно сверлить меня взглядом! — Иваныч улыбнулся, и собрался продолжить путь.

Вспышка!

— Мать... Чем это меня так? — простонал педагог. — Ух ты ж...

Зрение Павла Ивановича отказало, в ушах стоял гул, боль в голове неумолимо нарастала, распространяясь волнами по всему телу. Каждый новый прилив боли был сильнее, чем предыдущий, и волны приходили все чаще и чаще. Шум в ушах начал оформляться в шёпот. Слов было не разобрать. Шёпот будто сотен и тысяч голосов с каждым приливом боли становился всё громче и назойливей. Казалось, что он звучал отовсюду и вместе с болью ввинчивался в мозг, сводя с ума. Внезапно тьма в глазах начала расползаться ошмётками в стороны, как утренний туман под порывами ветра, сменяясь белым полотном. Белым до рези в глазах. Чуть притупившаяся боль усилилась двукратно, а в шёпоте уже можно было различить слова.

— Их тела падут на пол... Их тела падут на пол... Их тела падут на пол... — доносилось со всех сторон, будто шелест тысяч лап гигантской многоножки.

— И наступит день! И настанет суд божий! — набатом раскатился трубный голос, заполнив собой всё вокруг.

— Их тела падут на пол... Их тела падут на пол... Их тела падут на пол... — шёпот становился все громче.

— И будут вершить тот суд верные сыны отца нашего, Создателя! — казалось, что каждое слово разбивает голову молотом на тысячи осколков.

— Их тела падут на пол! Их тела падут на пол! Их тела падут на пол! — уже громко произносили сотни тысяч голосов на разный лад.

— И воздастся сторицей по заслугам каждому рабу Его!

— Их тела падут на пол! Их тела падут на пол! Их тела падут на пол! — некоторые голоса срывались на визг.

— И покаявшиеся будут прощены Им, ибо раскаявшийся грешник Ему дороже праведника! Создатель милостлив!

— Их тела падут на ПО-О-О-О-ОЛ! — всё пространство вокруг заполнил inferнальный рёв.

— Сыны Его уже в пути... Аминь! — отчеканил звучный голос.

— Твою же... — Павлу Ивановичу казалось, что тело его расщепляло на атомы, болью и жаром была наполнена каждая клетка.

Вспышка!

— Что это было? — подумал Иваныч, наслаждаясь тишиной и отсутствием боли, — видимо, именно так и выглядит шизофрения.

— Рихард, будь добр, поверни правый на два оборота, — раздался старческий скрипучий голос.

— Будет сделано, господин Золен! — зычно ответил ему обладатель молодого голоса.

Павел попытался открыть глаза, но попытка оказалась безуспешной. Веки сопротивлялись и ни в какую не желали подниматься. В это время раздался мерный скрип, что-то хрустнуло, и к Иванычу пришла боль. Нет, не так. К нему пришла БОЛЬ. В правом колене будто взорвалась граната. Физик задёргался, попытался подняться, но

безрезультатно, он оказался надёжно зафиксирован по рукам и ногам. Закричать тоже не вышло, так как губы не разомкнулись, добавив новую порцию боли. Оставалось только мычать.

— Ну вот, Рихард! Я же говорил, что он не умер. Чем хороши тёмные... настоящие тёмные, как этот щенок, их не так-то и легко убить. И пытаться... хм, направлять на путь раскаяния их можно очень долго и затейливо, — радостно проскрипел старик.

— Это точно, господин Золен. Продолжаем? — заискивающе спросил Рихард.

— Пожалуй, с этой слизи на сегодня хватит. В третью камеру его! — скомандовал старик.

— Хорошо, господин Золен! — прозвучало в ответ.

Послышались кряхтение, удаляющиеся шаркающие шаги и хлопок тяжёлой двери.

— Возись тут с вами, свиньями, — пробубнил Рихард, и вышел из помещения вслед за начальством.

Если бы Павел Иванович мог видеть, то картина бы его слегка удивила. Находился он в самой заурядной средневековой пыточной со всеми её неизменными атрибутами: дыбой, жаровней, крюками и прочими милыми безделушками. Посреди пыточной стоял стол, на котором был ремнями растянут молодой человек лет двадцати, к ногам которого приспособили сооружение из железных полос и пары винтов. Он был худ, как щепка, обладал засаленным колтуном каштановых волос на голове и остроносым лицом. Состояние этого юноши было плачевным: все тело покрывали многочисленные гематомы и порезы, глаза заплыли, лицо было неузнаваемо от запёкшейся кровавой корки, рот небрежно зашит грубой нитью. На шее парня красовался ошейник из идеально гладкого камня темно-зелёного цвета с медными вкраплениями. Ещё больше Иваныч бы удивился, узнав, что он и был этим юношей, так как ещё утром дома из зеркала на него смотрел вполне себе зрелый мужчина с лёгкой сединой на висках и в бороде. Но он этого не видел и всеми силами пытался хоть как-то унять боль в повреждённом колене.

Распахнулась дверь, и в помещение, зевая и почёсывая зад, вошёл здоровенный детина. Вид он имел заспанный и недовольный.

— О, да у нас никак тут свеженький тёмный пожаловал? — произнес вошедший, начав возиться с ремнями, стягивающими конечности Иваныча. — Вижу, мастер Рихард оказал тебе радушный приём. Как тебе гостеприимство Соколиного оплота? Ладно, можешь не отвечать. Сейчас я провожу тебя в твои апартаменты. Ты в таких ещё не бывал! Меня зовут Арчи, и я покажу тебе все красоты подземелья нашей славной крепости!

Освобождение от пут не заняло и пяти минут. Правда, сопровождалось оно постоянными тычками и оплеухами от Арчи, после чего он схватил не сопротивляющееся тело парня за лодыжку искалеченной ноги и волоком стащил со стола. Новой вспышки боли в ноге и встречи затылка с каменным полом организм Павла уже не перенёс, и его сознание наполнила спасительная темнота.

“ 14 средня сего года патрульной группой послушников в трущобах Нижнего района города Тай был пойман и доставлен в Соколиный оплот юноша с даром тьмы. Мною были проведены стандартные процедуры по первичному дознанию. Работой с даром не обучен. Коэффициент объёма магического резерва чуть более пяти искр. Для предотвращения неконтролируемого выброса силы тьмы мастером Рихардом на тёмного был надет “взор Марии”. Обруч благословлён и приведён в действие мной лично. Прошу оставить тёмного в крепости Соколиный оплот для работы с ним на месте.

Старший инквизитор Золен Рейнс.”

Старший инквизитор присыпал специальным песком бумагу, сдул лишнее, сложил её и поставил свою печать.

Золен Рейнс был стар, но крепок. Носил жидкую бородку и обладал заострёнными скулами и крючковатым носом. А ещё он был неофициальным правителем города Тай. Да, формально у города был свой князь, приходящийся родственником местному королю, но его время, по сути, было в прошлом, как и время короля этих земель. Церковь на протяжении многих столетий оставалась в тени правителей, занимаясь лишь борьбой за души людей и не ввязываясь в дела мирские. Всёпоменялось несколько лет назад, когда церковь возглавил Папа Карл второй. Новый глава был молод и жаждал власти. Абсолютной власти. Он сумел склонить в свою сторону большую часть церковной верхушки. Особенно идеи Карла пришлись по душе инквизиции. Настало их время. Цепных псов Создателя спустили с поводка. И началась борьба за власть. Церковь действовала неспешно, но неотвратимо. С шахматной доски последовательно, фигура за фигурой, убирались все значимые монархи и правители. Вместо них ставились свои люди, что были не более чем пустыми говорящими головами.

— Я ведь не соврал в отчёте? Определённо, нет! Коэффициент в пятьдесят искр явно лишь чуточку больше, чем пять! — хохотнул инквизитор и, достав из складок рясы перочинный нож, принялся очинять перо. — Доложи я правду, эти канцелярские твари мигом увезут тёмного к себе. Пятьдесят... Это же как бездонный колодец. Так с ходу и не припомню кого-либо с таким объёмом тьмы. Будь этот щенок хоть как-то обучен, у него, пожалуй, и хватило бы сил залить тьмой добрую половину города вместе с оплотом. Нужно сказать Рихарду, чтоб он работал интенсивнее, эта тварь должна дозреть, как лебийское вино!

Закончив с пером, Золен Рейнс коротко позвонил в стоящий на рабочем столе колокольчик.

— Господин Золен? — в кабинет зашёл служащий.

— Это сообщение отправить в канцелярию, — инквизитор пододвинул к краю стола отчёт. — Оно должно идти к ним как можно дальше. Желательно, чтобы вообще потерялось. А то эти крохоборы готовы и из-за такой малости приехать.

— Будет сделано, господин Золен! — вытянулся в струну вошедший.

— И да... Всё готово? — Золен дождался утвердительного кивка. — Отлично! Просто отлично! Сегодня был трудный день. Можно и немного расслабиться. Свободен!

Старший инквизитор потянулся до хруста в позвоночнике и отправился в свои покои,

располагавшиеся на верхнем этаже крепости. В комнате его ждал стол, сервированный восхитительно пахнущим запечённым мясом и дорогим вином. Взгляд Золен скользнул мимо огромной кровати и на секунду задержался на мальчишке лет восьми, который сидел в углу комнаты и, обхватив руками колени, тихонько поскуливал от страха. Инквизитор ухмыльнулся и, сев за стол, начал неспешно есть. Трапеза проходила в полной тишине, если не считать еле слышных подвываний ребёнка. Закончив с едой и вином и аккуратно утерев губы платком, Золен повернулся к мальчишке.

— Готов ли ты впустить в себя Создателя, отрок? — оскалился инквизитор.

Мальчик взвизгнул, дёрнулся в попытке убежать, но Золен замысловато крутанул кистью. Мальчишку на миг окутало белое сияние и парализовало.

— Ну нет. Кто же ведёт беседы о Создателе нашем второпях? Разговор будет вдумчивым и неспешным, — в руке инквизитора возник перочинный нож. — Когда ты последний раз был на исповеди, отрок?

Золен медленно подошёл к застывшему мальчику, также медленно поднёс нож к его лицу и плавным движением руки срезал ему часть щеки, обнажив белые детские зубы.

— Ммм... Никак благородный? — удивился инквизитор, слизав кровь с ножа. — Давненько я не пробовал вашей крови! Чувствуешь любовь и милосердие Создателя нашего?

Золен хохоча продолжал медленно разделять ребёнка. Со стороны могло показаться, что он препарирует куклу, если бы не живые, полные боли глаза на застывшем детском лице, из которых текли слёзы.

Первое, что Павел Иванович почувствовал, когда сознание вернулось, — это смрад. Пахло потом, кровью и испражнениями.

— Мишико! Миша-а-а-а! Я же говорил, что этот доходяга выживет! Где мои два серебряных?! — раздалось над головой Иваныча.

— Иди к демонам, Вел! Где я, по-твоему, их храню? Тебя хоть что-то может заткнуть? — донеслось в ответ.

Попытка открыть глаза с третьего раза всё-таки увенчалась успехом, приоткрылся левый глаз. Иваныч был достаточно брезгливым человеком, поэтому вид грязных, давно не мытых ног, с длинными почерневшими ногтями, у собственного носа был для него сродни холодному душу. Физик замычал, попытался вскочить на ноги, но в правом колене снова взорвался комок боли. Иваныча повело, и его лоб со всего маху встретился с добротной каменной стеной.

— Малой, ты это... Если хочешь героически расплескать свои мозги по стене, бей, пожалуйста, чуточку левее. Я тут штырь уже пятый день пытаюсь расшатать! — произнёс хозяин чёрных ног.

— Б-У-Э-Э-Э, — голова Иваныча всё-таки не выдержала стольких страданий, решил вывернуть ему желудок. Вот только Павлу повезло, что он оказался пустым, и всё ограничилось лишь звуковыми эффектами, сопровождавшими позывы организма.

— Забери тебя пустота! Захлебнёшься же! — не унимался, всё тот же голос.

После того как Иванычу удалось успокоить свой пытающийся выскочить желудок, он сел и осмотрелся. Находился он в небольшом тёмном помещении с маленьким окошком под потолком. Каменный пол был устлан старой вонючей соломой, в углу стояла бочка с протухшей водой. На этом блага в этом номере заканчивались. Кроме него в помещении

находились ещё два человека. Первый черноволосый господин, с тонкими, торчащими в стороны усами и чёрными глазами, был прикован за руку цепью к стене. Длина цепи была рассчитана таким образом, чтобы прикованный не мог сесть. Второй же был блондином с короткой стрижкой и недельной щетиной на лице. Ему приходилось стоять во всем известном положении, так как шея и запястья его были зажаты массивной деревянной колодкой.

Наблюдая всё это, Павел понял, что он попал. Непонятно ещё куда, но попал однозначно.

— Миш! Миша-а-а! А чего это новенький у нас такой неразговорчивый?

— Вел, как он ответит? У него рот зашит, — со вздохом ответил Мишико из своих колодок.

— Ну мог бы и моргнуть в ответ. Малой, тебя за что замели? — продолжал Вел.

Впервые за несколько часов Павел Иванович хоть как-то отреагировал и пожал плечами.

— Вот! Уже диалог. Меня Велом звать. Мастер-демонолог, — начал представляться Вел.

— Херов... — донеслось с колодок.

— Маг тьмы, есть наработки в области некромантии, — не повелся на подначку Вел, — и да, Миш, чем ты недоволен?

— Недоволен? О нет, Вел. Я доволен всем! А это лишь признание твоего мастерства Высшая ступень развития мага. Магистры, архимаги лишь пыль у твоих ног. Только херов мастер тьмы Вел может в городе, находящемся под властью церкви, забуриться в центральный бордель и призвать там суккуба, а следом и демона! И это из-за твоей выходки мы сейчас сидим в подвале церковников! Это из-за тебя нас ежедневно пытаются! Это из-за твоего херова мастерства нас каждый день доят как коров, заряжая нашей энергией свои артефакты! — в голосе Мишико плескался океан сарказма.

— Мне нужно было снять напряжение, — потупив взгляд, ответил Вел.

— Ты его в каждой деревне снимаешь! И зачем тебе понадобились слуги нижнего плана в борделе?

— Я считал, что вечеринка недостаточно горяча!

— А демоны-то тут при чём? — уже рычал Мишико.

— Ну... Суккуб слегка подстегнул желание у девочек. Ты же знаешь, аура и все дела... — щурясь от приятных воспоминаний, сказал Вел.

— Девочек?! Когда я пришёл за тобой, ты убежал от трактирщицы. В ней сколько? Пудов девять? Кажется, ещё у неё не было глаза, — сарказм никуда не делся.

— Суккуб оказался слишком силён, — Вела передёрнуло, — Сорвало крышу у всех девочек в заведении. В общем, когда я понял, что шансов оттуда выбраться целым у меня нет, я и решил призвать прислужника — демона похоти.

— Это у которого три ноги? — удивился Миша.

— Это была не нога, Мишико! Ноги у него две.

— Огради Создатель... — сглотнул Мишико.

И в темнице повисла тишина. Каждый её обитатель задумался о своём. Вел с ужасом вспоминал одноглазую трактирщицу, Мишико как человек рациональный думал о том, что им в этой ситуации делать, а Иваныч просто пытался собрать разбегающиеся мысли в кучу. Где он? Кто эти люди? Как он вообще тут оказался? И почему, чёрт возьми, ему всё время

так больно?! Ответов на эти вопросы он получить не мог. Под эти размышления Павлу удалось провалиться в сон.

Разбудил Иваныча скрип открывающегося засова с той стороны двери. Дверь распахнулась, и вместе с потоком свежего воздуха в темницу вошёл давешний здоровяк Арчи.

— Господа! Вынужден нарушить ваш покой, — хохотнул Арчи и обвёл взглядом темницу, — тёмный, тебя зовёт для беседы мастер Рихард. Ты ведь не откажешь доброму мастеру Рихарду в тихой беседе при свечах? Я так и думал!

Арчи подошёл к Павлу Ивановичу и, крикнув, закинул его себе на плечо.

— Пойдём. Тебе определённо понравится! — снова хохотнул здоровяк, направляясь к выходу.

Мастер Рихард ждал своего собеседника в пыточной. По крайней мере, так для себя обозначил это помещение Иваныч. Здесь было жарко и смердело кровью, как на скотобойне. И от предстоящей беседы откровенно пахло, мягко говоря, неприятностями.

— Мастер Рихард! Тёмный доставлен, — произнёс Арчи, сбросив Иваныча с плеча на каменный пол.

— А, Арчи! Чудесно! Будь любезен, поставь юношу поближе к жаровне, — от голоса Рихарда Павел Иванович вздрогнул, ведь именно этим голосом в прошлый раз вещала боль.

Арчи схватил Павла за волосы и поволок к указанному месту. Возле жаровни он рывком поднял подопечного в вертикальное положение.

— Прекрасно! Господин Золен приказал подготовить тебя как следует, и в быстрый срок, тёмный. Так что без обид, — хохотнул Рихард. — Спасибо, Арчи! Я тебя позову, когда закончу.

Арчи вышел, а Рихард, одной рукой придерживая пошатывающегося Иваныча, в другую руку взял большой ржавый крюк, прикрепленный к длинной цепи. Другой конец цепи уходил куда-то под потолок.

— Главное, собеседника хорошо закрепить, — казалось, что от удовольствия Рихард начал мурлыкать, — ты ведь понимаешь, о чём я, тёмный?

Рихард хищно улыбнулся и воткнул крюк Павлу в живот, после чего, хекнув, надавил на крюк ещё, выведя жало крюка между рёбер. У Иваныча потемнело от боли в глазах, и он рухнул на пол.

— Хм... Ты снова на полу? Что же, сейчас мы это исправим, — Рихард явно получал от процесса удовольствие.

Палач подошёл к большому деревянному колесу, расположенному в углу пыточной, и, насвистывая фривольную мелодию, принялся его вращать. Цепь с крюком начала подниматься вверх, увлекая за собой к потолку мычащего Иваныча.

— Сегодня тебя ждёт увлекательный вечер, тёмный! — не унимался Рихард, подходя к столу с инструментами. — Ты любишь серебро? Да? Так я и знал. Позволь, но тебе же негде его хранить! У тебя нет карманов! Сейчас мы это исправим.

Рихард повернулся к висящему на крюке Иванычу, держа в одной руке острый нож, а во второй длинные железные щипцы, побуревшие от ржавчины и засохшей крови. Ловким движением руки палач сделал Г-образный надрез на животе жертвы. Затем подцепил щипцами уголок кожи и резко рванул на себя.

— Тихо, тихо, — пытался удержать дергающегося Павла палач. — Вот и готов наш кармашек. Постой, но он же у тебя совершенно пуст! Так не пойдёт! Сейчас мы в него что-

нибудь положим.

Улыбаясь, Рихард повернулся к жаровне и снял с неё раскалённый тигель, в котором плескался расплавленный металл.

— Это, конечно, не серебро, а всего лишь олово. Но какая тебе разница, тёмный? Главное, что кармашек теперь будет полон! — на этих словах палач с влажным хлопом оттянул краешек кожи на ране щипцами и в полученный карман вылил содержимое тигля. Иваныч забился, как тунец на крюке, забыв о железке, торчащей из рёбер. От попытки закричать раздался хруст в районе челюсти, новая вспышка боли в губах, и на грудь Павла полилось что-то тёплое.

— Сук... — сквозь ошметки губ удалось прохрипеть Иванычу.

— О! Наш немой заговорил! Воистину, скромные служители Создателя нашего являют чудеса пастве своей, — хохотнул Рихард. — Но это не все сюрпризы для тебя на сегодня, мой тёмный друг.

Палач отвернулся от затихшего Павла и начал что-то искать щипцами в недрах жаровни.

— А вот и мой сюрприз! — мастер пыточного дела повернулся к жертве.

В руках у него находились все же щипцы, в которых был зажат багровый от жара кусок угля.

— Правда, он очень красив? Ты только посмотри, какой у этого уголька глубокий, благородный цвет! Ну же! Посмотри поближе! — на этих словах Рихард вонзил уголь в правый глаз Павла. Раздалось шипение, и помещение наполнилось криками и запахом жжёного мяса.

Спасительная темнота так и не пришла. Павел Иванович уже даже не мог распознать очаг боли, так как болело абсолютно всё. Кровь молотом стучала в его голове всё чаще и чаще, превращаясь в монотонный гул, который становился всё громче и громче. И Павла начала наполнять ненависть. Ненависть к боли, ненависть к своей беспомощности, ненависть к себе, ненависть к тому, что он ничего не может понять, и, конечно же, ненависть к этой пыточной, к Золену и к Рихарду. Она становилась настолько плотной и сильной, что, казалось, ее можно потрогать. Выглядела в воображении Иваныча она как искрящийся белоснежный шар, который вращался вокруг своей оси, ускоряясь с каждым оборотом.

— Тебе понравился мой подарок? — улыбаясь, Рихард принялся выковыривать кончиком ножа остатки угля из пустой глазницы Павла. Полный ненависти взгляд жертвы встретился со смеющимся взглядом его палача. Один глаз против двух.

— Неужели не понравился? Не беда. Поверь, у меня ещё будет много времени, чтобы тебя удиви... — Рихард внезапно осёкся. Смутило его то, что с глаза Павла исчезла радужка, оставив лишь чёрный зрачок на полностью белом глазном яблоке.

— Гори ты в аду, ублюдок! — выплюнул вместе с кровью из себя слова Иваныч. Искрящийся шар ненависти в его голове раскрутился до сумасшедших скоростей. Гул от его вращения заглушал все звуки извне. Внезапно раздался звук, похожий на звук рвущейся струны, и сознание пленника затопил белый свет.

— Что прои... — Рихард не успел договорить, так как раздался хлопок, и его отбросило на стену, ломая кости о каменную кладку. Огромный столп белоснежного света ударил от пленника вверх, сметая всё на своём пути. В стороны от столпа расходились волны света, круша стены и обращая в пепел всё живое, что оказывалось в зоне их действия. Глядя на то, как с его мучителя слетает пеплом сгоревшая плоть, обнажая белый скелет, Павел попытался

улыбнуться, и в который раз его сознание погрузилось во тьму.

— Вел, долго ты ещё будешь с ним возиться? — спросил Мишико, наблюдая за потугами друга.

Вел тем временем не оставлял попыток победить штырь в стене, отделявший его от свободы. Схватившись за кольцо на конце штыря и уперевшись ногами в стену, он, кряхтя и отфыркиваясь, пытался раскачать злосчастную железяку.

— Уффф... Мне бы пожрать еще чего-нибудь. Сил совсем не осталось, — ответил покрасневший от натуги мастер тьмы. — О! Кажется, он шевельнулся!

Хрясь!

Стена разлетелась на куски, отправив Вела в полёт. Приземлился любитель снимать напряжение, к его счастью, на что-то мягкое. Что-то мягкое при этом хрустнуло и, крякнув, начало тихо материться.

— Да слезь ты уже с меня! — взревел Мишико. — И выпусти меня из этих чёртовых колодок! Скорее! Не иначе, сам Создатель дал нам такой шанс.

— Сейчас, Миш, сейчас... — пробормотал изрядно дезориентированный взрывом Вел.

— Фуух. Светом несёт за лигу. Здесь крепостной накопитель энергии взорвался, что ли? — пытался разогнуть затёкшую спину Мишико. — Нужно срочно уносить отсюда ноги, Вел.

— Полностью поддерживаю, — мастер тьмы пытался тем временем куда-то пристроить обрывок цепи на руке так, чтобы он не мешал передвижению.

Наконец, собравшись с силами, парочка вышла за пределы темницы. Пыль ещё не успела до конца осесть, но уже было видно, что этому крылу крепости сильно досталось. Недалеко от входа они наткнулись на своего тюремщика Арчи.

— Здравова, Арчи! Солдат спит, служба идет? — заговорщицки подмигнул ему мастер тьмы. Но, как ни странно, обуглившийся кусок мяса, который ещё не так давно выжимал из них энергию для артефактов, ему ничего не ответил.

— Вел, — произнес Мишико, указывая кивком головы на помещение бывшей пыточной.

Вместо пыточной образовался просторный зал, в центре которого медленно покачивалось на крюке бессознательное тело Павла.

— Вот тебе и накопитель, — задумчиво протянул Вел, — только не говори, что мы поволокём его с собой! Он же уже помер! Ну, или близок к этому. Да на нём живого места нет!

— Вел! — с нажимом произнёс Мишико и направился к висящему телу.

— Чего ты такой правильный-то, Миш? Ладно, демоны с тобой! — поспешил за приятелем мастер тьмы. — Но понесёшь его сам! Ну и что, что неделю в колодках? А у меня спина не болит?

Золен Рейнс был зол. Очень зол. Зол на то, что ему приходится тратить своё время и силы на это ничтожество, которое именовало себя Николасом Третьим, князем Тайским, сидевшее перед ним на прекрасной террасе, в роскошной резиденции. Этот напыщенный, заплывший жиром идиот был настолько туп, что до сих пор не мог осознать того факта, что

он тут уже давно ничего не решает. Он был лишь бледной тенью его могучего прадеда, наводившего порядок в этих землях стальным кулаком армии. И гнить бы ему в подвалах Соколиного оплота, если бы не протекция короля этих земель, который доводился двоюродным братом Николасу. Короля пока ещё поддерживает слишком много родов, представляющих серьёзную силу. Но всё это временно. И король, и протекция, и Николас. Церковь только начала свою экспансию в этом регионе, и ничто её не может остановить. Церковь умеет ждать. И когда придёт время, эта жирная свинья будет верещать в уютных подвалах оплота вместе со всем своим выводком. А пока... Пока придётся делать вид, что этот великородный болван имеет вес и власть. На этой мысли инквизитор улыбнулся, достал из складок рясы чёрный, отполированный до блеска каменный шарик и принялся перекачивать его между пальцами.

— Золен! Я произнёс что-то смешное?! — взвизгнул Николас. — Так и передай своим начальникам, что ваша шайка больше не получит ни клочка моей земли! Хватит с вас и Соколиного оплота в столице!

— Вы отказываете скромным слугам Создателя? — приподнял бровь Золен.

— Скромным? Ваши серые рясы и так уже суют свои длинные носы в каждую щель моего княжества! А ты решил прибрать ещё моей земли? Да не где-нибудь, а в западной провинции! Лучшие виноградники княжества! Может, ещё и восточные рудники подарить?! Будь моя воля, я бы гнал вас отсюда поганой метлой! Но, какого-то демона, к вам лоялен мой братец, — лицо князя пошло бурыми пятнами. — Ты меня услышал? Всё! Убирайся, Золен!

— Я вас услышал, Ваша светлость, — инквизитору стоило большого труда не расплескать содержимое черепной коробки Николаса по стенам приёмной, — я вас услышал...

Путь из летней резиденции князя в западных землях до Соколиного оплота занимал целый световой день. Золен Рейнс терпеть не мог долгие поездки. Весь день трястись в душной карете было для него невыносимо. Хуже было бы только весь день трястись в седле. Стоит ли говорить, что и так отвратное от поездки настроение инквизитора было окончательно испорчено разговором с князем Николасом? Золен сейчас напоминал закипающий котёл.

— Господин Золен? — возле кареты к инквизитору подошёл монах в серой рясе.

— Да, — ответил старший инквизитор.

— У меня для Вас срочная весть из оплота, — произнёс монах.

— Слушаю, — Золен уже не ждал от этого дня ничего хорошего.

— Крепость атакована. Правое крыло фактически разрушено. Мастер Рихард и его подчинённые погибли, — доложил монах.

— ЧТО-О-О?! Кто посмел?! — такого поворота инквизитор не ожидал.

— Не знаем. Судя по всему, в подвале сработал очень мощный артефакт света. Выброс светлой энергии был чудовищен.

— Незаложённое заклинание? Чистая энергия? — удивился Золен.

— Да, господин Золен.

— Это кто же у нас так богат и безрассуден... Что с пленниками? — задал вопрос инквизитор.

— Большая часть погибла. Выжили лишь шестеро, — прозвучало в ответ.

— Мальчишка выжил? — инквизитор прикрыл глаза, пытаясь сдержать гнев.

— Не знаем. Среди выживших его нет. Возможно, он до сих пор под завалами.

— Надеюсь, город оцепили? Разослали патрули на поиски? — металл в голосе Золен не предвещал ничего хорошего.

— Н-н-нет... — впервые за время разговора церковный служащий проявил эмоции. И эмоциями этими был коктейль из страха и ужаса.

Золен резко крутанул кистью, сложив пальцы в замысловатую фигуру. Едва заметная вспышка света, и кожа на лице служащего начала расползаться лоскутами, обнажая тлеющую плоть. Монах рухнул на землю, осыпав полы рясы инквизитора пеплом, вылетевшим из пустых глазниц.

— Идиоты, — тихо прорычал старший инквизитор, отряхнув рясу небрежным движением руки, — все нужно контролировать самому.

Первое, что увидел Павел Иванович, открыв глаз, — чёрный от копоти, бревенчатый свод потолка. Тишину нарушал лишь мерный стук капель дождя по деревянной крыше. Павел попытался подняться, но тщетно. Тело не хотело реагировать на команды, посылаемые мозгом. Сухости во рту позавидовала бы любая пустыня. Боль, как ни странно, стихла, напоминая о себе лишь смутными отголосками. Повернув голову, Иваныч понял, что он находится в небольшой избушке из сруба с парой окон и примитивным очагом в углу. У Павла возникла ассоциация с охотничьей избушкой из незапамятных времён.

— Я бы на твоём месте лишний раз не двигался, малыш, — донеслось откуда-то сбоку.

Этот голос Павлу был знаком. Мишико. Кажется, так звали того человека, заключённого в колодки в тёмном подвале.

— Воды, — удалось выдавить из себя Иванычу.

Павел почувствовал, как его голову аккуратно приподняли и поднесли к губам большую глиняную кружку с водой. Живительная влага глоток за глотком потекла по обезвоженному пищеводу.

— Спасибо, — вдоволь напившись, произнёс Павел.

— Не за что... По сути, ты помог нам выбраться из этой задницы, парень. Мы лишь возвращаем долг. Как твоё имя? — спросил Мишико.

— Павел. Паша.

— Паша... — задумчиво повторил Мишико. — Ответь мне, Паша, на один вопрос. Как?

— Что как? — не понял Иваныч.

— Как тебе удалось обвести вокруг пальца церковников с их артефактной проверкой? Где ты этому научился? Выдать свет за тьму... Как ты это провернул? — вопросительно приподнял бровь Мишико.

— Свет, тьма, артефактная проверка, церковники... Я ни черта не понимаю, — Павлу всё это казалось каким-то бредом.

— Кто тебя этому научил, парень? — с нажимом произнес блондин.

— Я! Ни черта! Не понимаю! Где я? Кто вы? И какого хрена тут вообще происходит?!

— Хм... Кажется ты всё-таки не врешь. Дерьмо! — Мишико ненадолго задумался. — Что с тобой произошло в тех подвалах?

Иваныч закрыл глаз, пытаясь привести мысли в порядок, но тут протяжно скрипнула входная дверь, и избушку огласил настолько мощный утробный рёв, что в стенах начали

поскрипывать брёвна, ворочаясь в своих сёдлах. Следом в домик вошел улыбающийся и перепачканный какой-то бурой слизью Вел с мешком в левой руке. В вытянутой правой руке он гордо нёс за лапу бесформенное зелёно-коричневое нечто. Нечто было размером с упитанную индейку, и общими чертами напоминало жабу с солидным таким шнобелем, похожим на переваренную сардельку. Огромная пасть жабы была усеяна мелкими заострёнными зубами, каждую лапу украшало по три огромных когтя. На груди одинокими островками рос редкий рыжий мех. В помещении начало пованивать тухлыми яйцами.

— Мишико! Сегодня у нас на ужин болотистый рыгун! Говорят, его вырезка благотворно сказывается на мужской силе! — ещё шире улыбнувшись, произнёс Вел.

— Дерьмо! — выдохнув, констатировал Мишико.

— Дерьмо! — испуганно тараща единственный глаз, подтвердил Иваныч.

— Р-Ы-Э-Э-Э, — протяжно рыгнула жаба, извергнув комок жёлтой слизи Велу на сапог.

— Дерьмо! — согласился Вел, смотря на повалившийся от обуви дым.

— Так что там с историей, Павел? — успокоившись, спросил Мишико, поглядывая на разворачивающуюся борьбу демонолога и явно не желающего идти под нож рыгуна. Кажется, жаба начинала вести этот поединок по очкам.

— Хм... — Павел наблюдал, как противники перешли в партер. Рыгун оказался сверху, вонзив коготь в мягкую ягодицу заверещавшего Вела. — Даже не знаю, с чего начинать.

— Начни сначала. С самого начала. Там разберёмся, — посоветовал блондин.

— Миш! Миша-а-а! Готовь сковороду, я уже почти закончил! Мясо готово к разделке! А-а-а-а! — Вел с помощью лавки ушёл в глухую оборону от внезапно пошедшего в атаку рыгуна. Жаба оказалась настоящим бойцом. Несмотря на торчащий в хребте нож, она умудрилась плюнуть слизью на второй сапог демонолога и попыталась когтем подрезать ему сухожилие на ноге.

— Может, ему помочь? — поинтересовался Иваныч.

— Не-е-е, — улыбнулся Мишико. — Пусть сам. Хочу историю.

— Ладно. Историю, так историю, — согласился Павел.

Начал он своё повествование с того момента, как, выйдя с работы, решил срезать свой путь через старый парк. Рассказывал он сумбурно, часто прыгая с одного на другое, но, как выяснилось, Мишико оказался внимательным слушателем. Редкими короткими вопросами блондину удавалось направить Иваныча на нужную ему тему, не упустив ни одной мелочи. Особенно его интересовало то, что происходило с Павлом во время его “отключки” в парке, во время разговора с ним Золеня, во время произошедшего в том чёртовом подвале. Мишико спрашивал обо всех деталях и, казалось бы, ненужных подробностях и мелочах. Кто где находился, что Павел чувствовал в тот, или иной момент, что видел, что слышал. Момент со смертью палача Рихарда Иванычу пришлось описывать снова и снова, пока не была восстановлена вся хронология ужасной сцены, вплоть до каждой секунды, до мельчайших деталей. Что ты ощущал тогда? Точно ненависть? Шар, или веретено? Какого размера шар? Искры белые либо красные? Вопросы сыпались и сыпались, словно из рога изобилия. Наконец, Мишико удовлетворенно кивнул и, прикрыв глаза, крепко о чём-то задумался.

Повернув голову вбок, Павел увидел очень необычную картину: Вел выглядел так, словно рыгун его пережевал, проглотил и отправил на свободу весёлой кишечной тропой. Тем не менее глаза демонолога и мага тьмы пылали азартом, а губы были растянуты в хищной улыбке. Нахохлившаяся жаба, сидящая в углу домика, взирала на всех с холодным безразличием. Вел еще шире улыбнулся, и с его рук сорвались несколько крупных чёрных

смолянистых капель, которые мигом оказались на голове рыгуна, залепив ему глаза. Выглядело это так, словно жаба окунулась мордой в нефть и теперь сидела в горючей омолаживающей маске. Внезапно чёрная субстанция ожила, резко выстрелила десятком тягучих щупалец не ожидавшему такой подставы рыгуну в пасть и втянула всю тягучую массу в утробу болотистой твари.

— Ха! Получил, дерьмоед?! Чувствуешь, как тьма приобняла твоёсклизское сердечко?! Ты у меня теперь сам на задних лапках на сковородочку попрыгаешь! — радостно оскалился Вел.

— Р-Ы-Э-Э-Э, — закатив глаза, зычно опорожнился рыгун, шмыгнув носом, расчесал лапой редкий рыжий лесок на груди и звонко и влажно пустил ветер.

— Мишико! Друг! Слушай, может, ну его это мясо? Я там в мешке корней колчуна принёс. Запечём, посидим, как в старые времена, — у демонолога начал мелко подёргиваться глаз. — Да и в борделях на силушку мужицкую вроде бы никто не жаловался... А, Миш?

— Электи анима... — тихо протянул Мишико, не открывая глаз. — Бред! Старые сказки, поросшие древним мхом. Создатель давно отвернулся от нас... Эй, парень! Как давно в вашем мире являл свою волю Создатель?

— В нашем мире? То есть ты хочешь сказать, что... — не понял Павел.

— До тебя еще не дошло? — ухмыльнулся блондин.

— Я... Я, — кажется, до Иваныча начало доходить. — Ну это же бред... Так не бывает!

— Ага, — ответил Мишико, — не бывает. И именно в этом бреде тебе сломали колено, проделали пару дыр в брюхе, угостили свинцом да выжгли глаз. Ты не ответил на вопрос.

— Вопрос? — растерянно переспросил Павел.

— Как давно в вашем мире являл свою волю Создатель, Паша?

— Создатель? В смысле, Бог? — уточнил Иваныч. — Не знаю. Кажется, никогда. Хотя, если верить Библии, то пару тысяч лет назад что-то такое было.

— Библия? — слово было незнакомым для Мишико. — Так у вас называлось священное писание? Понятно. Две тысячи лет... Вот тут ты ошибаешься, парень! Создатель сказал слово своё не позднее, чем пару дней назад.

— То есть...

— Да! Только Он может распоряжаться столь ценным ресурсом! — ответил на незаданный вопрос блондин.

— Ресурсом?

— Души, Паша. Наши души лишь ресурс в Его руках. И Он волен поступать с ними так как ему заблагорассудится. Так как Он считает нужным.

— Зачем? Почему именно я?

— Хм... — улыбнулся Мишико. — Кто знает, Паша. Кто знает... Неисповедимы пути Его. И вряд ли нам дано понять замыслы Его.

— Бред, — повторил Иваныч.

— Кто знает, парень. Кто знает... — донеслось в ответ.

— Вел... Кажется, так его зовут? — после продолжительной паузы начал Павел.

— Да, — ответил блондин.

— Когда он бился с этой тварью... У него с рук слетели какие-то чёрные кляксы... Что это было?

— Бился? О нет, парень. Вел... Как бы тебе объяснить... Он неплохой маг. Он точно не

самый худший человек во всём этом дерьме. Но он с особенностями. Понимаешь, каждый, кто достигает высот в искусстве, так или иначе меняются сами.

— Искусстве? — перебил Иваныч.

— Простой люд называет это магией. Сами маги называют это искусством. Вижу твоё удивление. В вашем мире нет магов? Как же вы... Ладно, позже расскажешь. Так вот, те, кто достигает высот в искусстве, вынуждены очень долго и плодотворно работать с даром. С силой. И сила меняет их. Это неизбежно. Меняет не сразу, постепенно. День за днём, год за годом. Так, что сам маг и не замечает этого. И всех по-своему. Кто-то становится кровожадным психопатом, кто-то замыкается в себе и становится отшельником. Чем сильнее дар, тем скоротечнее и сильнее изменения. Вел же... У него свои странности.

— Бред!

— В этом бреде ты теперь по самую маковку, Паша! — рассмеялся Мишико. — И тебе придётся его принять во всей его дерьмовой красе! Ну, или сдохнуть. У тебя же дар, парень! И судя по тому, что ты устроил у церковников, дар редкий. Ты способен за развыдавить из себя охренеть какое количество света! Так что решать тебе: принятие бреда и попытка выжить, либо отрицание и хреновая смерть. Думай. Эй, Вел! Мы жрать-то сегодня будем? Я сейчас сам себя переварю! И убери эту хрень отсюда! Воняет как от твоей трактирщицы!

— Да не моя она! Она там случайно оказалась, Мишико! Сколько можно об этом говорить?! — взвился Вел.

— Случайно... Ага. Как же.

Иваныч сидел прямо на земле, прижавшись спиной к бревенчатой стене домика, приютившего беглецов. Подставив своё лицо тёплым солнечным лучам, он аккуратно сгибал и разгибал правую ногу, прислушиваясь к ощущениям в колене. Удивительно, но колено работало, и боли не было совсем. Да, было лёгкое онемение, будто мышцы ноги затекли от долгого сидения в неудобном положении, но не более того!

Сколько прошло времени с того момента, когда ему сломали колено? По словам Мишико, не более трёх суток. Всего три дня, и его истерзанный коленный сустав вполне сносно работает. Даже не поскрипывает. От дыр в брюхе и грудице остались лишь красные зудящие рубцы. Глаз? Вот тут всё плохо. Новый глаз не вырос, оставив на своём месте зияющую дыру в глазнице.

Но даже так процесс заживления полученных ран прошёл быстро. Слишком быстро. О таком Иваныч ранее не слышал. И это тело. Это не его тело! Где его чуть полноватые руки, полноватые ноги со шрамом от неудачного падения с велосипеда над коленом, где начавший образовываться “пивной” живот? Где это всё? Но вместо них Павел мог наблюдать сухие, жилистые руки с мозолистыми ладонями и столь же жилистые ноги. И судя по состоянию кожи этому комплекту конечностей было лет двадцать от силы.

Точности в определении возраста Иванычу добавило лицо, взглянувшее на него в отражении из лужи. На него смотрел худощавый паренёк лет двадцати от роду, со спутавшейся паклей каштановых волос, острым носом, тонкими губами и пустой глазницей. Второй же глаз был без радужки. Просто маленькая точка зрачка посреди белого яблока.

И было кое что ещё. То что бывший педагог понял моментально, стоило ему подняться и немного пройтись. Его новое тело, при всей кажущейся subtilности, было куда как сильнее и ловче, в сравнении с его родным, оставшимся в том парке. Хотя он никогда не считал себя слабаком.

— Мда... — тихо пробурчал Павел — Дела-а-а. Вот дерьмо же!

— Рефлексируешь, парень? — спросил вышедший из домика Вел, неся в руках довольно объёмный свёрток, закутанный в ткань.

— Ага, — ответил Иваныч.

Демонолог положил ношу на землю и уселся рядом с Павлом.

— Я тут тебе одежды и снаряжения кой-какого принёс. В дороге пригодится, — произнёс Вел.

— Спасибо! — на автомате ответил Павел. — Подожди! Ты сказал в дороге? Вы уходите? И откуда одежда?

— Да. К вечеру лучше покинуть этот приютивший нас тихий уголок, пока хозяева не вернулись, — улыбнулся Вел.

— Хозяева?

— Они самые. Гостим мы сейчас у личных егерей его светлейшества Николаса Третьего, чтоб его кровавый понос пробрал! Это один из их охотничьих домиков. Пока он пустует, но, когда они сюда вернутся, неизвестно. Так что лучше бы уйти до того, как это произойдёт, чтоб лишних вопросов у господ не возникло. Тем более мы тут слегка поживились... Одежда, кстати, из их запасов.

Иваныч, приоткрыв свёрток, увидел высокие сапоги из коричневой кожи на жёсткой

подошве, кожаные штаны, хлопковую рубашу, шерстяной серый свитер крупной вязки, хлопковый вощёный плащ и довольно объёмную походную сумку на одном ремне. Неплохо. Учитывая, что сейчас у него из имущества только чужое тело, непонятный обруч на шее да каменной твёрдости чёрные пятки, — это действительно неплохо.

— Спасибо! — повторил Павел. — Спасибо за всё!

— Ты, никак, куда-то собрался? — удивился Вел.

— Так вы же уходите, — не понял Иваныч.

— Уходим, — кивнул брюнет.

— Ну, так и мне куда-то нужно идти... — продолжил бывший педагог.

— Нужно, — подтвердил Вел.

— Мы же тут вроде как без разрешения...

— Ага. Егеря тебе за такое самоуправство быстро дымоход прочистят, — важно кивнул маг тьмы.

— Ну, вот я и...

— Вел! — донёсся из дома злой голос Мишико. — Не морочь парню голову! Он и так не в себе!

— Да я и не собирался, — сник демонолог.

— Не собирался он, — проворчал вышедший на улицу Мишико. — Паш, ты что собираешься дальше делать?

— Не знаю, — честно ответил Павел.

— Зато я знаю. Пойдёшь с нами. Или у тебя другие планы? — поднял бровь блондин.

— Нет, — не раздумывая ответил обрадованный Иваныч.

— Ну и славно. Одевайся. Хотя, нет. Сначала вымойся. За домом бочка с водой. А то несёт от тебя, как от того куска болотистой слизи, — поморщился Мишико.

Покинув временное пристанище в виде егерского домика, компания углубилась в лес и добрых пять часов прошагала узкими звериными тропками, пока не вышла на небольшую опушку, на которой Мишико скомандовал о привале и ночлеге.

В пути Павел старательно вертел головой, рассматривая новый для него мир, в поисках отличий и схожести. Бывший педагог не был большим знатоком ботаники, но точно был уверен в том, что некоторые растения вряд ли могли встретиться на его родной планете. По крайней мере, он раньше не слышал о стройных древесных исполинах, с ярко сиреневой корой, либо о небольших пышных кустарниках с огромными и одуряюще пахнущими оранжевыми цветами, что выстреливали длинным липким языком по пролетающим мимо насекомым.

На опушке же, демонолог отправился на поиски пропитания, а блондин начал организовывать навес из веток на случай ненастья. Иваныч как мог ему в этом помогал.

Зайчатина, тушённая с корнями колчуна и добавлением каких-то местных трав, по фирменному рецепту дядюшки Вела — это вкусно! Если, конечно, бывают зайцы размером с крупную собаку, четырьмя длинными ушами и оскалом, которому позавидует добрая стая волков. По крайней мере, Иваныч уплетал зайчатину за двоих. Вслед за чуть утихшим стрессом к нему пришёл зверский аппетит. И теперь Павел, обжигаясь и рыча, его унимал. И не только он. Так же рыча и громко чавкая, рядом насыщались Мишико и Вел. Над чуть дымящим костерком висел котелок, в котором варился отвар из собранных демонологом плодов, похожих на сморщенные, битые жизнью огурцы. Отличались от привычных Иванычу огурцов они запахом, напоминающим запах шиповника, и тем, что при сборе с дерева

огурцы матерились, как бордельные уборщицы в грязном порту, при чистке пытались договориться, а перед тем как отправиться в кипяток, несколько из них, затаив боевой марш, норовили плюнуть кислым соком в Вела. Но пахло от котелка вкусно! Шиповником и цитрусами.

Смеркалось.

Утолив голод, Иваныч откинулся спиной на ствол дерева и посмотрел в сторону. Там, на границе сумрака и света от костра, что-то тихо скулило, чавкало, плюхало и завывало. Иногда мелькала пара больших жёлтых глаз.

— Зачем он нам? — спросил Павел.

— Вел к нему привязался, — улыбнулся Мишико.

Мастер тьмы поперхнулся очередной порцией зайчатины, что пошла не в то горло, и зашлёлся в сильном кашле. При этом он начал дико вращать глазами и показывать рукой за спину, явно на что-то намекая.

— Погляди! Они же как братья! — заржал блондин, с размаху прикладываясь по спине демонолога.

Огонь в костерке вспыхнул чуть ярче и высветил болотистого рыгуна, который ни на шаг не отставал от компании в их коротком походе, а после первого часа пути и вовсе забрался Велу на спину, намертво вцепившись острыми когтями в одежду. Но сейчас жаба оказалась в патовой ситуации, сама себя туда и загнав. Когда маг тьмы разделявал зайца-переростка, рыгун соорудил самую жалостливую мину, на которую был способен, выпучил глаза, и, похрюкивая и бурча животом, решительно направился к месту разделки тушки. Охреневший от такого зрелища Вел кинул в тварь заячьей головой с висящими на ней остатками пищевода и потрохов, которую в грациозном прыжке жаба и поймала. Вот только снаряд для неё оказался великоват, застряв где-то в зобу. Сейчас же рыгун напоминал рождественского эльфа, который, тряся плюшевой кровавой бородой из заячьих ушей и кишок, пытался проглотить или выплюнуть слишком большой кусок. Делал это он, громко сопя, урча и поскуливая.

— Мишико, вот Вел, он демонолог, маг тьмы и всё прочее. Хотя для меня это всё лишь непонятный набор слов, знакомый из детских сказок. А кто ты? — задал вопрос Иваныч.

— Кто он? — рассмеялся, откашлявшись, Вел. — Он один из твоих друзей, что пихали раскалённые предметы во все твои потаённые места!

— Ты из инквизиции? — удивился Павел.

— Нет, — вороша сухой веткой багровые угли в костре, тихо произнёс Мишико, — я паладин Создателя нашего... Был им когда-то.

— Был?

— Брось, Мишико! Ты же сам прекрасно знаешь, что заслуживаешь это звание больше, чем весь оставшийся там сброд, — снова влез демонолог.

— Там ещё осталось достаточно тех братьев, кто не сбился с пути. Так что лучше не произноси этих слов, — мягко ответил паладин.

— Ой ли... А не эти ли братья первыми бросились выполнять ТОТ приказ? Не эти ли братья с улыбкой на лице тщательно пережёвывают всё то дерьмо, что полилось на вас сверху, и просят ещё добавки? Скажи, Мишико, не из-за них ли мы оказались здесь? — завёлся Вел.

— Они не ведают... — начал Мишико.

— Они что, дети?! Они не могут задать себе и окружающим элементарные вопросы?!

Мишико, признай ты уже тот факт, что ваша шайка превращается совсем не в то, чем должна быть! Или спроси мнение у Нарии! Спросишь? Ах да, совсем забыл... Её ведь совсем недавно заживо освеживали твои милые братья! Очнись уже, паладин! Ты же, мать его, гроза Сурийских Врат! При упоминании твоего имени вся падаль в тех местах пускала жидкого по внезапно вспотевшим ляжкам! Твой молот узнавали все! А теперь?! Я вижу перед собой лишь мясной кисель, из которого разом выдернули хребет, — взорвался Вел.

— Мне нужен мой молот. И ответы на вопросы. Что-то их слишком много скопилось... — после длительной паузы тихо произнёс Мишико.

— Наведаемся к дядюшке Золену на душевную беседу? — оскалился демонолог.

— Не знаю. Но другого варианта я, к сожалению, не вижу, — продолжал ворошить угли в костре паладин. — Паш, а тебе ведь тоже нужен этот старый хрыч.

— Мне? — удивился Иваныч.

— Тебе, — ухмыльнулся Вел.

— Взор Марии. Снять его может лишь тот, кто его активировал. Ну, либо его преждевременная кончина. Узнать, кто накладывал активирующую печать мы можем либо в канцелярии крепости, либо у старшего инквизитора. Все доклады наверх проходят через него. А доложить о тебе были должны, — ответил Мишико.

— Ты об ошейнике? — Павел провёл пальцем по прохладному камню на шее, — Я как-то его уже и не замечаю.

— Он слишком приметен. Любой более-менее понимающий человек, увидев тебя, тут же вызовет патруль. Это раз, — отчеканил паладин. — Нося эту безделушку на шее, ты магически кастрирован. Это два. Хотя тут история какая-то мутная... Зачем тебя наградили Взором Марии, если ты светлый? Он полностью блокирует тьму, действуя на остальные стихии лишь вполсилы... Вопросы. Одни только вопросы. И нет ответов.

— Кастрирован? Да будь я даже без этого ошейника, я ни черта не понимаю в происходящем. Как пользоваться тем, о чём не имеешь понятия?! — возмутился Иваныч.

— Хм... — паладин кинул ветку в костёр, повернулся к Павлу и вытянул перед собой руку ладонью вверх. — Что ты видишь?

Над ладонью Мишико появился крошечный шарик из ослепляюще белого света. Пульсируя, шар начал постепенно увеличиваться в размерах. После того как он достиг размера теннисного мячика, пульсация пропала, и ярко светящийся шар повис в сантиметрах десяти от ладони паладина.

— Что ты видишь? — повторил свой вопрос Мишико.

— Шар. Ярко светящийся шар над твоей ладонью, — ответил Иваныч.

— И только? Всмотрись в него внимательней. Напряги содержимое своей черепашки! Сконцентрируйся, парень! — надавил паладин.

— Как? Что мне делать?! — воскликнул Павел.

— Сосредоточься на центре шара! Постарайся разглядеть сердцевину светляка! — прикрикнул Мишико.

— Да скажи хотя бы, что я должен там разглядеть? — не понимал бывший педагог.

— Узнаешь. Сосредоточься! Не отвлекайся ни на что! Старайся! — уже кричал на Павла паладин.

И Иваныч старался. До конца не понимая, зачем, но он старался! До рези в оставшемся глазу и головной боли. Он тужился и пыхтел, пучил глаз и раздувал от напряжения щёки. Он взмок и учащённо дышал, но, кроме очень яркого комка белого света, так ничего и не видел.

И в тот момент, когда Павел хотел уже сдать и сказать об этом Мишико, он внезапно почувствовал! Это было словно чьё-то холодное прикосновение к шее. Будто что-то упругое и склизкое коснулось шеи и медленно начало её обвивать. Иваныч продолжал усердно всматриваться. Неладное он почувствовал, когда давление на шею увеличилось и приток воздуха в лёгкие начал понемногу снижаться. Павел попытался дернуться, но тщетно. Что-то надёжно прижало его руки к телу и зафиксировало в сидячем положении.

— Так и должно быть? — прохрипел физик, не отводя взгляда от светящегося шара.

— Не отвлекайся, — донеслось в ответ.

Иваныч решил, что это очередные странности этого проклятого места. Места, о котором он точно никогда не слышал. Места, где при встрече тебе ломают ногу и заливают олова под шкуру. Места, где живут непонятные твари, а люди умеют зажигать свет в ладонях и швыряться чёрными кляксами. Но всё же он решил следовать советам своих новых знакомых. Таких непохожих друг на друга, таких странных, но... честных. Павел терпеть не мог лжи и, как он считал, умел распознавать лгунов. Эти двое такими не казались. И они ему помогали. Поэтому, несмотря ни на что, он решил следовать их странным советам и продолжал пялиться на светящийся шар.

Снова холодное липкое прикосновение. Теперь левое ухо, следом затылок, лоб, бровь...

— А-а-а-а!!! — заорал ошалевший Иваныч, глядя на кончик бурого щупальца, обильно покрытого вязкой тянущейся слизью, свисающего с его головы, — Что это за срань?!

Щупальце нежно скользнуло по щеке и медленно направило свой кончик в пустую глазницу бывшего педагога, устраиваясь в тёплой мясной пещерке.

— А-а-у-а! — Павел напоминал сейчас ревущую тревожную сирену.

— Молчать! — в голосе Мишико лязгнула сталь. — Смотри на этот долбаный светляк! Не своди с него своего взгляда!

— Какого хе... Агх! — ещё одно щупальце вползло Иванычу в рот и начало активно там обживаться, пытаясь проникнуть ближе к желудку.

В ушах Павла начал свой размеренный стук пульсирующий молот. Бах! Бах! С каждым ударом темп всё увеличивался. На мгновение прикрыв глаз, Иваныч увидел уже знакомый по событиям в подвале пыточной искрящийся шар ненависти, что размеренно вращался. Но это пока размеренно. Вот только никакой ненависти Павел сейчас не испытывал. Лишь дикий, животный страх.

Внезапно щёку Иваныча обожгло. Открыв глаз, он увидел замахающегося Мишико, который тут же свободной рукой вlepил ему ещё одну пощёчину по второй щеке.

— Не отвлекайся! — рявкнул паладин. — Не отводи взгляда от центра этого светляка! Сфокусируйся на нём!

От нехватки воздуха у Павла начало темнеть в глазах. Удары молота в голове все ускоряли и ускоряли свой темп. Щупальца же активно елозили во рту и глазнице. Но Иваныч всё же нашёл в себе силы и устоял на долбаный светляк над ладонью паладина.

— Миша! Сейчас жахнет! Жопой чую, сейчас полыхнёт! — раздался крик демонолога.

— Что ты видишь, парень? — кричал Иванычу Мишико. — Скажи мне, что ты видишь перед собой?!

Гудящий вращающийся шар в голове всё набирал и набирал обороты. Павел по наитию моргнул и взглянул на светляк, расфокусировав зрение. Что это? На фоне расплывчатого пятна светляка проявилась геометрическая фигура. Пирамида! Обычный тетраэдр, вершины которого светились ровным мягким светом. И всё?

— Тэ-кха-ээ... — попытался выдавить вместе с упругим, смердящим серой, отростком из себя Иваныч.

— Есть! — устало улыбнулся Мишико, — Вел! Щит!

Паладин стряхнул с руки светляк, кувырком отскочил на пару метров назад и, хлопнув ладонью по земле, накрыл себя полупрозрачным искрящимся куполом.

— Мать! — раздался за спиной Иваныча голос Вела.

Удар молота в висках Павла выдался особенно гулким, и на мгновение мир для него замер. Бам! Иваныча выгнуло дугой, раздался оглушительный хлопок, и сознание вновь затопило белым светом, что спустя несколько секунд сменился приносящей покой тьмой.

— Хм... Интересно, — задумчиво протянул Иваныч, глядя на распостёртое у его ног тело.

То, что это было именно телом, можно было лишь догадаться. Так как Павел видел лишь серый силуэт человека, наполненный... всяким. Например, в области головы можно было спокойно рассмотреть мозг, в левом полушарии которого неспешно ворочался белый с перламутром густой туман. Малая часть левого полушария скрывалась под чёрно-зелёной, с медными вкраплениями, потрескавшейся скорлупой. Эта же скорлупа, но уже целая, скрывала под собой всё правое полушарие мозга. От светлой половины отходили толстые белёсые жгуты, расходящиеся сетью артерий к каждому органу лежащего тела. Точно! Артерии! Вот что напоминала эта сложная вязь из белых линий Иванычу. Вот только почему она брала своё начало от мозга, а не от сердца?

Павел нервно сглотнул. Одна из артерий резко обрывалась у правого глаза. Так же довольно толстые жгуты, проходя через скрытую чем-то зелёно-чёрным область шеи, теряли в диаметре и интенсивности свечения раза в два. Нетрудно было догадаться, кому этот силуэт принадлежал.

— У-и-и-и-и! — раздавшийся громкий визг заставил Иваныча зажмуриться.

Несколько секунд головокружения и тошноты, и Павел по впившимся в кожу щеки жёстким стеблям и приятному запаху разнотравья осознал себя лежащим ничком на прохладной земле. Открыв глаз и с кряхтением усевшись, он удивлённо рассматривал изломанные, перекрученные и поваленные деревья вокруг небольшой опушки. Рядом, на пеньке, сидел Мишико и беззастенчиво ржал.

— У-и-и-и и-и! — знакомый визг повторился. — Наглая смертная слизь! Чтоб тебя хор ангелов под зычный зов трубы имел! Говорила же Зирга, что с тобой нельзя связываться!

— Плата была отдана! Что тебе ещё нужно от меня, мелочь?! — рявкнул Вел.

— Плата была слишком низкой, человечиска! — визгливый тонкий голосок не унимался.

Массируя виски, Иваныч медленно повернулся на звук и уставился на отвратительное существо. Кстати, он почти не удивился, когда увидел его перед собой. Тощее, бурого цвета тело с огромным животом опиралось на целую копну покрытых густой слизью щупалец. Хорошая треть щупалец сейчас была оторвана и потихоньку чадила тлеющими измочаленными кочерыжками, хаотично торчащими из тела. Рук у него не было. Тощее тело венчала маленькая голова с безгубым ртом, усеянным множеством мелких заострённых зубов, провалом на месте носа и огромными коровьими глазами. То, что это именно он, Павел понял по солидному мужскому достоинству, которое выделялось среди щупалец ярко красным цветом.

— Четыре капли крови слишком мало за такое! Мне жопу светом подпалили, смертный! Где мои милые щупальца?! Нет их! А я ведь был самым красивым в домене! Я на такой блудняк не подписывался! — не унимался гость.

— Плата! Была! Отдана! Свободен, мелкий! — отчеканил Вел.

— Свободен?! Как, по-твоему, я попаду в свой родной домен? Пока тлеет свет, мне домой не попасть. Путь на нижний план для меня закрыт! И всё из-за тебя, человечиска! — уже скулил копчёный осьминог.

— А меня это волнует? Свободен! — рыкнул демонолог.

— Кхм... — вклинился в диалог Павел, подтягивая поближе к себе увесистую палку. — Вел, будь добр, подскажи. Какого цвета щупальце побывало у меня во рту? Случаем, не красного?

— Паш, да ты чего? Да я бы ни за что не... — мастер тьмы примиряюще выставил руки перед собой и начал потихоньку пятиться назад. — Это же только в целях обучения! Мы же хотели как лучше, понимаешь?

— Обучения?! — взревел Иваныч, вскакивая и замахиваясь тяжёлой палкой. — И что это за образовательная программа такая?! Ну-ка, расскажи мне, Вел! Мне вот прямо не терпится послушать!

— Паш, ну мы же как лучше хотели! — произнёс Вел уже на бегу, задавая стрекача в сторону уцелевших деревьев. — Это же был ка-та-ли-за-тор!

— Сейчас я тебе и прокатализирую кое-что! — Павел неуверенной походкой отправился в погоню. — Ты куда, учитель?! Стой!

Раздосадованный обитатель нижнего плана взглянул на катающегося по земле хохочущего паладина и лишь глубоко вздохнул, поняв, что и тут его слушать не будут. Следом он перевёл взгляд своих печальных коровьих глаз на застрявшего в ветвях поваленных деревьев рыгуна, который, блаженно похрюкивая, всасывал в себя последнее заячье ухо. Вздохнув ещё глубже и картинно возведя очи горе, мелкий демон протяжно завыл.

— И почему я не послушал милую Зиргу? Нет же, повелся на лёгкую кровь! Чтобы я ещё раз связался с этими смертными?! Да ни за что! Эх, Зиргуленька, как же ты там теперь? Кто тебе будет приносить жареные ушки лжецов? А маринованные подмышки блудниц? Ты же так их любишь! Или тебя уже обмазывает свежей горячей серой Азир? Он ведь давно уже положил на тебя пяток своих гнойных глаз! Эх, Зиргуля... — проыввшись, запричитал щупальценогий, медленно бредя с опушки куда-то в лес и оставляя после себя лишь горькое послевкусие шекспировской драмы. Ну, или это горчил густой дымный шлейф, оставляемый тлеющим от мощного выброса света демоническим задом.

Когда он ушёл, над лесной опушкой воцарилась тишина, нарушаемая лишь редким пением птиц, похрюкиванием находящегося в истерике паладина, глухими звуками ударов чего-то твёрдого о что-то мягкое да всхлипами мастера тьмы и усталым, но ритмичным хеканьем Иваныча. В общем, ночной лес жил своими обычными, привычными каждому путешественнику звуками.

Золен Рейнс, привычно перекатывая небольшой шарик из отполированного чёрного камня между пальцами, занимался тем, что, сидя на одной из смотровых площадок Соколиного оплота, созерцал прекрасный алый закат.

— Какая же гнида посмела? — находясь в глубокой задумчивости, инквизитор не заметил, как сказал это вслух. — Хотя чего это я? Кому я последнее время стал занозой в жирном тупом заду? Только этому напыщенному индюку может прийти в голову подобная затея. И только этот идиот может позволить себе разбрасываться столь мощными и дорогими артефактами. И ведь время-то как подгадал. Вопрос только в том, как он его доставил внутрь, причём в самое сердце крепости. Хотя...

Золен встрепенулся, взял стоящий на полу колокольчик и громко в него позвонил.

— Да, господин Золен, — через пару мгновений на площадке появился служащий в серой рясе.

— Пригласи ко мне Августа. Передай ему, что это срочно! — не отрывая взгляда от заката, произнёс старший инквизитор.

Служащий, выслушав приказ, молниеносно и молча унёсся его исполнять. Золен Рейнс же поставил колокольчик обратно на пол и взял в руки стоявшую рядом глиняную бутылку.

— Хм... — сделав долгий глоток прямо из горлышка, сказал инквизитор. — А вино у него действительно отличное.

Солнце окончательно скрылось за горизонтом, и за спиной инквизитора бесшумно появился человек, лицо и руки которого скрывала коричневая ряса.

— Август, ты похвально расторопен. Впрочем, как и всегда. Присядь, — старик кивком головы указал на стоящий рядом пустующий стул и протянул вошедшему бутылку вина.

Август, не издав ни звука, сел на указанное место, проигнорировав протянутую руку с бутылкой.

— Скажи мне, Август, в день нападения на крепость доставляли ли в подвалы новых пленников? — задал вопрос инквизитор.

Ответом ему послужил утвердительный кивок капюшона, полностью скрывавшего лицо Августа.

— Их доставили наши люди?

Медленный отрицающий жест.

— Их привели люди князя?

Снова утвердительный кивок.

— Сколько было доставленных?

Август вынул из широкого рукава рясы иссохшую кисть руки, обтянутую почерневшей, изъеденной язвами кожей, и показал два пальца. Золен Рейнс вскочил со стула, энергичными широкими шагами пересёк смотровую площадку и упёрся локтями и грудью в каменный парапет, окружающий вершину башни.

— Август, как ты думаешь, реально ли спрятать в живом обычном человеке мощный артефакт света с отложенной активацией? — задал очередной вопрос инквизитор.

Короткое раздумье и очередной утвердительный кивок.

— Вот ты и доигрался, высокородный хряк. Вот ты и доигрался... — хищно улыбнулся Золен. — Август, помнишь, мы обсуждали планы захвата одной из провинций на западе княжества?

Молчаливый кивок.

— Так вот к демонам все эти планы! — резко развернулся инквизитор. — Мы берём всё княжество! Нельзя упускать такой отличный шанс! Этот тупой боров и сам не понял, какой подарок нам преподнёс! Собери братьев! Нам нужно торопиться!

Ответом Золену послужила всёта же тишина, лишь в пустоте капюшона на миг блеснула пара янтарно-жёлтых глаз.

На завтрак снова была дичь. Вообще, Иваныч не привык питаться одним лишь мясом, но это начинало ему нравиться. С добычей пропитания проблем не возникло. На опушке, среди

изломанных деревьев, там и сям были разбросаны трупы птиц и мелких животных. Оставалось лишь подобрать наиболее целые. Все приготовления, как и сам завтрак, проходили в абсолютной тишине.

— Ох, — нарушил гнетущую тишину насытившийся паладин. — Пац, ты это...

— Да? — ответил Павел, впиваясь зубами в сочную птичью ляжку.

— Ты же не в обиде на нас? — дождавшись положительного ответа, Мишико продолжил. — Ты пойми, так было нужно! Так что ты видел, Папа?

Иваныч очень ярко и красочно вспомнил все приключения прошедшего вечера: вонючую слизь, щупальца уродца и перекошенное в крике лицо паладина, орущего эту навсегда впечатавшуюся в память фразу, и непроизвольно вздрогнул. Откушенный им кусок мяса пошёл куда-то не туда, и Павел зашёлся в сильном кашле. Мирно же жующий рядом демонолог, услышав это, вжал голову в плечи и нырнул рыбкой в ближайший куст, сдав на “отлично” норматив упражнения “вспышка справа”. Влажно шмыгнул носом в ожидании новой порции зрелищ рыгун.

— Тетраэдр, — откашлявшись, хриплым голосом произнёс Павел. — Самый обычный тетраэдр.

— Самый обычный? — удивился Мишико. — Расскажешь потом, когда это для простого человека искусство вязи стало “самым обычным”. Как ты его назвал? Тетра... Мне не знакомо это слово. Сможешь нарисовать его на земле?

Иваныч, присев на корточки, быстро начертил обломанной веткой на земле простейшую пирамиду.

— Вот здесь, здесь, здесь и здесь, — проговорил Павел, поочерёдно указывая на вершины многогранника палочкой, — было ровное, мягкое свечение. Что это было?

— Отлично! — улыбнулся паладин. — Просто отлично! Всё гораздо лучше, чем я предполагал! Вел, ты видел это?

— Ага, — из-за ближайших поваленных деревьев робко выглянул мастер тьмы. — Как ты назвал литарис? Тетрадр?

— Тетраэдр, — поправил его Иваныч.

— Название мне незнакомо, но суть ты уловил верно, — расхрабренный Вел подошёл к рисунку и, так же взяв палочку, принялся чертить на земле. — А сможешь ли ты повторить вот такое?

— Шар, вписанный в усечённый конус, — не задумываясь, ответил Павел и тут же повторил рисунок.

— Миша, а тыл прав! Всё гораздо лучше! — рассмеялся мастер тьмы. — Он повторил “тёмный прыжок”! Причём сходу! Прямо с первого, мать его, раза! И с соблюдением всех пропорций и углов!

— Что я повторил? — не понял Иваныч.

Вместо ответа Вел резко присел, ударил ладонью по рисунку и с едва слышным хлопком исчез. Оглянувшись, Павел обнаружил скалящегося демонолога метрах в десяти позади себя.

— А, это... — бывший педагог перевёл взгляд на паладина.

— “Тёмный прыжок”, — кивнул паладин. — Ты воспроизвёл на земле его структуру. И сделал это точно. Где ты получил этот навык и эти знания?

— У нас этому всех детей учат. Геометрия. Базовый предмет.

— У вас все дети являются магами? — удивился Мишико.

— Нет. У нас вообще всего этого нет.

— Ущербный мир, — сморщился паладин. — Тогда зачем вам знания об искусстве? Хотя, не надо. Не отвечай. Оставим эту историю для вечерних посиделок у огня. Ты спрашивал про вершины тетдрра... тетру... Тьфу! Про вершины литариса. Они как бы светились, всё правильно. Это точки приложения силы. Ими ты регулируешь размер, яркость, высоту подъёма и время жизни светляка.

— А сразу нельзя было так объяснить? — нахмурился Иваныч. — Ну, без вот этих вот влажных объятий с местными красавцами?

— Это не так просто... — начал Мишико.

— И скучно! — добавил Вел, падая на землю для того, чтоб пропустить над собой полетевший в него камень.

— Понимаешь, Паш, то, что ты сделал вчера... Мы называем это рождением высшего.

— А у тебя вчера было зачатие, Паша! А! — короткий вскрик дал понять, что на этот раз Иваныч не промахнулся.

— Вчера ты узрел суть дара. Ты начал видеть структуру искусства, по сути, став начинающим полноценным магом, а не просто человеком с даром. К этому готовятся. Готовятся обычно долго. Месяцами. Изнуряя себя различными медитациями и уймой как нужных, так и лишних знаний. Сделать это впервые действительно сложно! — продолжил паладин.

— Ты готовился именно так? — спросил Павел.

— Нет, — улыбнулся блондин. — Я родился в тот момент, когда меня за кражу пары пирожков с молодецкой удалью и азартом в глазах забивал дубинками и тяжелыми сапогами городской патруль на грязной мостовой.

— Мда... Весёлая история, — протянул Иваныч. — Подожди. То есть ты хочешь сказать, что... Так вот почему вчера херов мастер орал про какой-то катализатор! Вел! Извини! Часть ушибов, полученных тобой вчера, была незаслуженной! Ве-е-ел! Ну, извини! Был не прав!

— Мастер Вел! И ты несёшь на себе жабу! Всё равно она от нас, похоже, не отстанет, — донеслось из кустов.

— Пошёл ты к демонам, мастер Вел! — ответил Павел, посылая на звук очередной камень.

— Всё верно, Паш. Катализатор, — продолжил разговор паладин. — А у тебя есть мозги, что не может не радовать. Запомни! Важна не сила, важны мозги! Только тщательно всё продумывая, ты можешь выжить! Ладно, вернёмся к катализатору. Ты верно догадался. Чтобы всё получилось, нужен страх. Нужна паника.

— Хочешь сказать, что в экстремальной ситуации наш мозг сам всё сделает?

— Именно! Когда человек думает, что он на грани смерти, его мозг кидает все ресурсы организма на поиски выхода из сложившейся задницы. Да, это непопулярный метод, но он в большинстве случаев работает!

— Подожди, но я так и не запомнил, что я сделал перед тем, как у меня получилось рассмотреть этот ваш литарис. Я просто расфокусировал зрение и всё! Как я смогу это повторить? — спросил Иваныч.

— Всё ты помнишь, — проворчал паладин, зажигая над ладонью светящийся шарик. — Пробуй!

Павел уставился на светляк и расфокусировал зрение. Ничего. Попробовал ещё раз. Тот же результат.

— Да ты не тужься, не в кустах же сидишь! — раздался у Иванныча над ухом голос демонолога. — Просто нужно захотеть. Как ты отдаёшь команду руке согнуться или пальцам схватить предмет? Подумай.

Павел закрыл глаза и попытался расслабиться. Следом он согнул и разогнул руку, пошевелил пальцами и почесал ногтем нос.

— Согни, разогни... Я никогда не задумывался над тем, как я это делаю. Хотя... — пробормотал Иванныч, открывая глаза и предпринимая ещё одну попытку. — Есть!

— Вот видишь! — усмехнулся Вел и постучал себя пальцем по виску. — Твой мозг сам всё знает. Нужно его лишь подтолкнуть на уже проторенную дорожку. Самое трудное — эту дорожку проложить.

— Вот только я не могу понять, зачем вы со мной няньчитесь. Зачем это вам? Зачем это мне, в конце концов? — задал давно терзающий его вопрос Павел.

— Зачем? — удивился Мишико. — Как насчёт того, чтобы для начала просто выжить? Хорошая цель?

— Неплохая, — согласился Иванныч. — А дальше? Я-то вам зачем?

— А дальше посмотрим по обстоятельствам, парень! Предлагаю найти какое-нибудь поселение. Мне необходимо снять напряжение! — произнёс демонолог.

— Только без обычных твоих выходов, Вел! — помахал пальцем перед носом мастера тьмы паладин. — Паша! У тебя с сегодняшнего дня отдых закончился! На первом же привале продолжим занятия.

— Отдых?! — поперхнулся Павел.

— О, да-а! — протянул Вел. — Есть у меня на примете один демон, он поможет тебе с обучением. Вон Миша его видел! Миш, помнишь, он ещё ту одноглазую трактирщицу в борделе поперёк спины оттянул своим огромным...

— ВЕЛ! — синхронно рявкнули Павел и Мишико.

— Да я предложить только хотел... — замялся демонолог.

— Ладно, — подвёл черту паладин. — Выйти к людям нам действительно необходимо. Нужна провизия и оружие. И свежие новости.

— Давайте только ускоримся. Жаба, кажется, куда-то запропастилась. Может, получится оторваться? — заговорщицки прошептал Вел.

— Р-У-Э-Э, — мурлыкающе рыгнула жаба, спрыгнув с ближайшего дерева, и ласково потёрлась о голенище сапога демонолога.

— Дерьмо! — горестно выдохнул мастер тьмы и отправился собирать свои немногочисленные пожитки.

— Брат Корди, долго нам ещё трястись по этому забытому Создателем тракту? — задал вопрос упитанный человек в серой рясе, подставив лысину палящему обеденному солнцу.

— Не поминай Создателя всуе, брат Верг, — заученно ответил ему тощий монах с исцарапанным лицом. — Жара-то какая!

— Жара-а-а-а, — зевая, подтвердил лысый монах, завершая вялый диалог.

Тишину нарушали лишь мерное поскрипывание колёс старой телеги да редкое фырканье двух немолодых и многое повидавших в этой жизни лошадок, неспешно тянущих эту самую телегу. Дно деревянной, грубо сбитой телеги было устлано прелой соломой, на которой расслабленно развалились четыре человека в серых рясах. Пятый же, тот самый брат Корди, крепкий и угрюмый малый, сидел на козлах, в полглаза приглядывая за дорогой. Всех одолевала дневная духота и дремота. Среди соломы в телеге были разбросаны предметы, которые сложно было бы отнести к мирной церковной утвари. Тут были несколько кинжалов, два коротких одноручных меча, топор, булава и даже пара арбалетов с полными колчанами болтов к ним. Возле брата Корди покоился внушительных размеров двуручный фламберг. Такое соседство ничуть не беспокоило смиренных слуг Создателя, впрочем, как не беспокоили их и следы подсохшей крови на лезвиях кинжалов, и даже клоч чьих-то волос, который вместе со срезанным куском кожи прилип к лезвию топора.

— Брат Корди! Так долго ещё? — не унимался брат Верг.

— К вечеру будем, — чуть подумав, хрипло ответил брат Корди.

— Ох, скорее бы! Духота, сил нет, — простонал брат Верг, прикладываясь к объёмному кожаному бурдюку с вином.

— А что там будет? — спросил тощий.

— Деревня. Домов на сорок, — произнёс брат Корди.

— И послали же нас в эту дыру! — сонно возмутился рыжий монах, поглаживая приклад арбалета.

— А что тебе не нравится, брат Дори? — поинтересовался брат Верг.

— Скучота же, — зевнул брат Дори.

— Скучота? — удивлённо поднял бровь брат Верг. — В городах-то, само собой, интересней. Вот только там ещё стража есть, да личная гвардия его светлейшества Николаса. А они-то уж головы сносить мастаки. Или тебе твоя голова недорога, брат Дори?

— Дорога, брат Верг, — кивнул рыжий.

— Ну, вот сиди и радуйся тому, что сейчас в телеге тихо дремлешь, а не на городских улочках мух кормишь, брат Дори, — ответил лысеющий монах, снова прикладываясь к бурдюку.

— Ну, наши братья тоже кой-чего умеют, брат Верг, — возразил рыжий. — Вот взять хоть брата Корди. Как он ловко этой ночью в давешней деревне старосту своей железкой надвое развалил? А? Я и понять-то ничего не успел. Тот как про князя завернул, так брат Корди мигом возле него оказался. Бум! Хрясь! Фонтан крови, да две половинки старосты в пыль падают. От паха и до макушки одним ударом! Я такого ещё не видывал. Брат Корди! Ты где так мечом орудовать научился?

Монах, сидящий на козлах, в ответ лишь раздражённо цыкнул зубом.

— Хорошая была деревушка, — улыбаясь, потянулся исцарапанный. — Мне

понравилась!

— То-то тебе там рожу исцарапали, брат Лари! — хохотнул брат Верг.

— Так то же от любви большой, брат Верг! — ещё шире улыбнулся брат Лари. — Любо мне такое! Молодая, пышная, мягкосисая! Но уже с перчинкой в характере!

— Это ты по любви большой ей нож в печень засадил, после того как свою перчинку показал, брат Лари? — заржал лысеющий.

— Грех это, — донеслось с козел.

— Грех, — подтвердил исцарапанный, продолжая улыбаться. — А то, что ты вчера мальчонку куда-то уволок, не грех, брат Корди? То-то же! Тем более, передали указание отца Августа о том, что мы это всёво благо Создателя нашего делаем! Пост, конечно, потом блюсти придётся, но душа-то чиста останется!

— Тихо! — прошипел брат Корди, подтягивая поближе к себе фламберг. — Идут. Спереди. Трое.

— Кажись, без оружия! — всматриваясь вперёд, доложил рыжий.

— Ага. По одежде больно уж похожи на егерей его светлейшества, — подтвердил брат Лари.

— Точно! Один на спине что-то несёт. Видимо, решили князя диковинкой побаловать, — вклинился в обсуждение брат Верг. — Ох, и идиоты, раз без оружия сюда сунулись! А один-то, гляди, по такой жаре и свитер напялил! Как там нам слова отца Августа передали? Ликвидри... Ликвидит... Убить, в общем, всех пособников светлейшего! Тебе скучно было, брат Дори? Сейчас повеселимся трошки!

Телега, наполненная затаившимися в предвкушении лёгкой добычи монахами, медленно, но верно нагоняла троих неспешно идущих путников. Путники же были настолько беспечны, что даже ни разу не оглянулись на приближающийся к ним скрипящий источник потенциальных неприятностей. Они с жаром что-то обсуждали, периодически срываясь на крик и толкаясь.

— По небу? На железке? Сидишь, на облака под собой смотришь да попёрдываешь? Ага, как же! — воскликнул обладатель черноволосого затылка, несущий на спине непонятное существо. — Это невозможно! Пащ, ну сознайся уже! Скажи, так, мол, и так. Прости меня дурака. Обманул я тебя, мастер Вел! Что?! Ещё и девушки еду разносят?! Красивые?! Бре-е-ед!

— Именем церкви! Остановитесь! — зычно крикнул брат Верг.

Троица и не подумала останавливаться. Более того, они даже не обратили ни малейшего внимания на потуги брата Верга.

— А этот твой, с щупальцами, не бред?! — возразил черноволосому путник в свитере — И ничего! Поверил! До печёнок пробрало! Хотя я такую мерзость впервые видел!

— Пьяные они что ли, — пробормотал брат Верг, заряжая арбалет. — Или просто головой скорбные. Эй! Именем церкви! Стойте!

— А как можно не поверить в мелкого демона? Это же не байки про железных птиц, — не унимался черноволосый. — Демоны — это неотъемлемая часть нашего мира! Такая же, как и... Да вот этот камень, например! Или вот это дерево. Ну, или тот придурок, что в нас сейчас целится из арбалета!

— Именем... Что-о-о?! — опешил брат Верг и нажал на спуск.

Но болт, предназначавшийся Велу, улетел в лес, так как демонолог внезапно исчез. Увидевший это брат Корди, схватив двуручник, в красивом кувырке спрыгнул с телеги и

помчался к стоящим на дороге Павлу и Мишико.

— Быстро. Очень быстро, — пробормотал впавший в ступор Иваныч и отлетел с пути несущегося на них монаха от сильного толчка паладина, прокатившись пару метров по пыльной дороге. Сам же Мишико ушёл от удара огромного меча при помощи одного лишь шага в сторону. Короткого, но оченьбыстрого.

— Приве-е-е-ет! — с едва слышным хлопком Вел появился посреди телеги и растянул губы в широкой улыбке прямо перед исцарапанным лицом брата Лари. — Как здоровьице?

— А? — любитель перчинок, почувствовав, как потекло что-то тёплое по ляжкам, посмотрел вниз и увидел рукоять кинжала, торчащую из паха. — А-А-А-А!

— Вел! — рывкнул Мишико.

Демонолог схватил лежащий на дне телеги меч и кинул его в сторону паладина. После чего резко крутанулся в сторону, поднёс ладонь к лицу и сдул с неё чёрную пыль в лицо замахающегося на него арбалетом брата Верга. В следующую секунду он всё с тем же тихим хлопком исчез, оставив на своём месте огромную носатую жабу.

— А-А-А-А! — заорал дуэтом с братом Лари брат Верг, раздирая своё лицо ногтями.

Ошалевший от увиденного рыжий брат Дори вскочил и с силой рубанул мечом по оставшейся в телеге жабе. Меч отпрыгнул от жабьей спины, нанеся гостю едва заметный порез. Повернувшись, рыгун шмыгнул огромным носом и уставился на него наливающимися кровью глазами. Брат Дори замахнулся ещё раз, но, почувствовав резкую боль в лодыжках, он понял, что ноги его больше не держат и он падает на пол. Рыжий посмотрел, как четвёртый монах схватил топор, и... спрыгнул с телеги. Следующее и последнее, что он увидел, — это то, как жаба неспешно забирается ему на грудь и медленно приближает свой длинный коготь к его глазу. Через мгновение в телеге завывало уже трио.

Мишико, оттолкнув с дороги замешкавшегося Павла, коротким полушагом увернулся от несущегося на него монаха с двуручником. При этом, пропуская его мимо себя, паладин попытался подсечь ногу брата Корди, но безуспешно. То, что бой будет не самый простой, Мишико понял ещё в тот момент, когда монах спрыгнул с телеги. Все движения выдавали в нём воина. Неплохо подготовленного воина.

— Вел! — рывкнул паладин и улыбнулся.

Гудящий звук разрезаемого сталью воздуха дал понять, что демонолог его не подвёл. Оставалось лишь поймать метко брошенный другом меч и, заведя его за спину, принять на него удар фламберга. Принять под нужным углом, слегка изменив направление его удара. Резко крутанувшись, Мишико ожидал увидеть провалившегося вслед за двуручником противника, тогда осталось бы лишь рубануть его по незащищённой, так удобно подставленной шее.

— Хм. А ты неплох! — улыбнулся паладин.

Монах всё же умудрился сохранить равновесие и теперь застыл в паре шагов от него в оборонительной стойке.

— Умри! — хрипло ответил брат Корди, делая шаг навстречу паладину и нанося свой излюбленный удар снизу вверх.

Иваныч, дезориентированный коротким полётом и падением, сейчас сидел и пытался понять, что происходит. Обернувшись на звук лязгнувшей стали, Павел увидел застывших друг напротив друга паладина и того монаха с огромным мечом. Следом со стороны телеги донеслись истошные вопли. Взглянув на неё, Иваныч увидел мелькнувшего там Вела. А это что? Какой-то малый в рясе, выпрыгнул из филиала ада, устроенного демонологом, и сейчас

с вытаращенными от ужаса глазами бежит прямо на него. Всё бы ничего, но в руках у него был топор. И топором этим он уже замахнулся.

Павел пошарил рукой рядом с собой и нащупал камень. Недолго думая, он вскочил на ноги и запустил этим камнем, метя в бегущего. Тот легко увернулся от снаряда, но внезапно обо что-то споткнулся и несколько метров пыльной дороги пропахал своим лицом.

— Ну уж нет. К вам я точно больше не хочу! — прорычал Иваныч, глядя на то, как монах пытается подняться. Следом он подобрал ещё один камень и устремился к упавшему.

Мишико быстрым перекатом ушёл в сторону от противника и нанёс сильный удар мечом тому ниже пояса, повернув меч плашмя. Раздался звон разлетающейся на осколки стали и треск лопнувшего таза брата Корди. Спустя секунду голова монаха взорвалась как переспевшая тыква, орошая всё вокруг мозговым желе.

— Наигрался? — участливо спросил Вел.

— Ну и зачем? Он действительно был неплох. Для обычного послушника, — поморщился паладин. — И где нам теперь отмываться? Кстати, как там Паша?

— Паша? — переспросил мастер тьмы, оборачиваясь на доносящиеся до них влажные чавкающие звуки. — Паша нормально.

— Кхм, — посмотрев туда же, произнёс Мишико. — Действительно, нормально.

Иваныч же в этот момент сидел на спине лежащего на дороге монаха, и, матерясь, с размеренностью камертона поднимал и опускал здоровый камень на голову бедолаги. Сплюснутая голова и издавала чавкающий звук при каждом ударе, разбрызгивая вокруг своё содержимое.

— Да-а-а, — протянул Вел. — А у парня есть свой стиль. Там в телеге вроде бы кто-то ещё стонет. Пойдём, поболтаем.

— Пойдём, — согласился Мишико, подбирая с земли фламберг, и, крутанув его в руке, поморщился. — Пойдёт на первое время. Но мне нужен мой молот!

— Будет тебе молот, — пробурчал демонолог, направляясь к телеге.

Вся перепачканная в крови жаба сидела на ещё дергающемся в агонии рыжем монахе и, прильнув к его лицу, шумно пыталась что-то высосать из его глазницы. Делала она это, мелко подрагивая и томно закатывая глаза от удовольствия.

— Миш, ты только погляди, какая прелесть! — с придыханием произнёс увидевший эту картину Вел. — Ну милота же! Миш, давай назовём его Вали? Малыш Вали! А?

Паладин на это лишь махнул рукой, разглядывая труп монаха с изорванным лицом, синюшной кожей и пустыми провалами вместо глаз.

— “Поцелуй преисподней”? — хмыкнув, спросил Мишико.

— Ага, — ответил мастер тьмы, поглаживая по холке рыгуна Вали.

— Пожалуйста, не надо! Я всё расскажу! — запричитал брат Лари, поглядывая на рукоять ножа в собственном паху.

Подошедший к нему Вел, улыбаясь, с силой ударил ногой по этой самой рукояти, утопив её ещё глубже.

— А-А-А-А! — заорал монах. — Я же... Я же сказал, что всё расскажу!

— А зачем мне твой рассказ? — удивлённо поднял бровь демонолог.

— Ну, вы же за этим вернулись? Вы же хотели узнать? — зачастил брат Лари.

— Узнать что? — Вел, схватившись за рукоять ножа, начал медленно её проворачивать.

— А-А-А! — выгнулся дугой монах, — Узнать... Узнать, что мы тут делаем. Разве нет?

Вы не похожи на егерей!

— Нет. Не хотели, — деланно зевнул мастер тьмы. — Но думаю, что в твоих интересах убедить нас в обратном. Давай! Начинай уговаривать доброго дядюшку Вела на то, чтоб он тебя выслушал!

— Пожалуйста, пожалуйста! — заверещал тощий монах.

— Как тебя звать-то? — вяло поинтересовался Вел.

— Лари! Брат Лари! — выпалил монах.

— А кровушка-то убегает, братец Лари! — потискал за щёку любителя перчинок Вел. — Хочешь, я помогу тебе с кровотечением?

— Да! Да! Да! — брат Лари размазал рукой сопли и слёзы по лицу.

— Ну, тогда говори, — кивнул Вел.

— Что? Что говорить? — спросил монах.

— Всё! Какого демона вы тут забыли всеотрядом, да ещё и целый арсенал оружия с собой прихватили? Не слишком-то это вяжется с мирными беседами с деревенской паствой, — демонолог присел рядом с ним и приготовился слушать.

— Развлекаетесь? — устало спросил подошедший Павел. Его слегка потряхивало и пошатывало.

— Ага, — ответил Мишико, оглядев Иваныча. — Первый раз?

— Д-да, — посмотрев на свои испачканные в чужой крови руки, ответил Павел. — Как-то я себе это иначе представлял.

— Иначе?

— Думал, что буду рефлексировать, долго сомневаться... А тут, стыдно признаться, даже азарт какой-то проснулся, — улыбнулся Иваныч.

— Неплохо, — хлопнул ладонью ему по плечу паладин. — Для первого раза неплохо. Теперь нужно припрятать трупы, собрать всё оружие и где-то отмыться. А то мы выглядим как после дня работы на скотобойне. Пойдём, начнём с того здоровяка на дороге.

Всё припрятывание трупов сводилось к тому, чтобы банально оттащить тела чуть глубже в лес и неаккуратной кучей навалить друг на друга. Закончив с уборкой на дороге, парочка принялась наводить чистоту в телеге, попутно пинками попросив стонущего брата Лари освободить гужевого транспорт. С телом посиневшего брата Верга проблем не возникло, но вот с рыжим возникла заминка. Малыш Вали, видимо, перепил дурной постной крови и, сидя прямо на остывающем трупе, шипел, как кипящий чайник. Иваныч предположил, что жаба так пела, банально нажравшись. Мишико же с отеческой улыбкой схватил Вали за загривок и с силой швырнул за борт телеги. Судя по сдавленным ругательствам, начавшим изливаться с места приземления шипящего снаряда, попал он в мастера тьмы. Конечно же, совершенно случайно.

— Фух, — выдохнул Вел, запрыгивая в телегу и усаживаясь. За лапу он нёс малыша Вали, перекинув его через плечо, словно мешок. Малыш самым бесстыдным образом храпел. — Поехали! Я закончил!

Сидящий напротив него Мишико удивлённо поднял бровь, продолжая очищать от крови трофейный кинжал.

— Не, я на козлы не полезу! Мастеру тьмы и квалифицированному демонологу по статусу не положено подрабатывать извозчиком! — увидев ещё более удивлённый взгляд, Вел решил переключиться. — Павел! Как наиболее младший в нашей компании, ты обязан...

— Я этой ерундой вообще ни разу в жизни не управлял! — прервал его Иваныч. — И не нужно на меня так смотреть!

— Что-то быстро у тебя зубы прорезаться начали, — проворчал демонолог. — Может, бросим кости?

— Кстати, о костях, — не отрываясь от чистки вклинился паладин. — Где твой словоохотливый друг?

— В лесу, — прозвучал ответ.

— Вел, надеюсь, ты не отпустил его в благородном порыве? — спросил Мишико.

— Отпустил, — кивнул демонолог.

— Хм... — паладин поднял тяжёлый взгляд. — Зачем? Ты же понимаешь, что было бы гораздо лучше, если бы о нас не знали? А если ему удастся выжить и дотянуть до своих?

— Ему осталось недолго, Мишико. Слишком много крови он уже потерял, — серьёзно ответил Вел. — И я не смог отказать ему в последнем желании. Ты же знаешь, это святое!

— И? — спросил паладин.

— Он на протяжении всей нашей доброй дружеской беседы вспоминал какую-то мягкосисую перчинку. И сетовал на то, что так и не смог получить более интересный опыт в части блуда. Хоть и грех это, — ответил демонолог.

— И? — уже куда мягче повторил вопрос Мишико.

— Ради последнего желания умирающего и десяти капель крови не жалко, брат паладин! — показал порезанное запястье Вел.

— И ты позвал суккуба? Не ради себя? — удивился Мишико, отложив в сторону начищенный до блеска кинжал.

— Хотел. Но я же не знаю, чем вы церковники занимаетесь в своих тёмных подвалах? Может, это для него было бы обыденностью... — подозрительно глянул на паладина демонолог.

— Ты же знаешь, что я уже не...

— Не на-а-адо! За что-о-о?! — раздавшийся из леса душераздирающий вопль прервал паладина.

Из леса слишком быстро для умирающего от кровопотери человека выбежал брат Лари и, приподняв повыше рясу, припустил вдоль дороги.

— Стой! Ты куда, смертный?! За всё уже уплочено! Я всё равно выполню этот договор! — вслед за Лари из леса выбежал краснокожий, атлетически сложенный демон с козлиными лохматыми ногами. Издалека было сложно разобрать, но, казалось, что ноги у него было три.

— Это тот, который помогает Велу с одноглазыми трактирщицами? — вытарашив в изумлении единственный оставшийся глаз, спросил Иваныч.

— Ага, — сглотнул Мишико.

— Видимо, всё-таки угадал, — расплылся в довольной улыбке демонолог. — Такого у него точно не было. Вот люблю я делать людям приятное! Может, это моё призвание? Как думаешь, Мишико? Заброшу я всё вот это. Пристроюсь в каком-нибудь уездном городке. Заведу себе помощницу. А лучше пару. И буду людям помогать с исполнением их желаний. Денежки полноводной рекой сами в карман польются. А я знай себе, сиди, да девах тискай. А, паладин?

— Не дай Создатель! — Мишико машинально сложил щепотью пальцы и осенил себя знаком, напомнившим Иванычу знак бесконечности. — Ладно, этот вопрос закрыли. Давай на козлы, благодетель. По пути расскажешь, о чём тебе поведал этот мученик.

— Куда едем? — сразу сник демонолог.

— Вперёд, Вел. Только вперёд! — улыбнулся паладин.

— Понимаешь, вся твоя сила, она не плещется океаном по всему твоему телу, как почему-то принято считать среди масс. Она сконцентрирована в одном единственном месте, — Мишико постучал указательным пальцем себе по виску. — В нашем мозге. Как правило, в левом полушарии. Изредка — в правом. Это у уникамов. У тех, чей коэффициент объёма резерва восемнадцать искр и выше. Такие люди рождаются крайне редко. Судя по тому, что ты пару раз устраивал, ты один из них.

— Слева, — задумчиво произнёс Иваныч. — У меня слева. Правая часть мозга покрыта какой-то дрянью, похожей на корку, или скорлупу.

— Откуда ты... — изумлённо посмотрел на него паладин. — Только не говори, что ты побывал в состоянии Эменди!

— Я не знаю, что это за состояние. Я лишь видел себя, будто со стороны. Я стоял над собой же, лежачим и беспомощным. Я бы сказал, бессознательным. Это я остро ощутил. В левом полушарии медленно бурлил перламутровый туман. Правое было затянуто этой непонятной скорлупой. От мозга отходят артерии. Толстые и широкие у основания. Но они словно пережаты этой дрянью, — Павел провёл пальцем по своему ошейнику. — Ниже шеи они значительно тоньше. Что такое искры? И о каком коэффициенте ты говорил?

— Ве-е-л! — протянул Мишико, ещё больше округляя глаза. — Кого мы вынесли из Соколиного оплота?!

— Да слышу я, — проворчал с козел демонолог. — Это оно. Он всё верно описал. Я одиннадцать лет готовился к тому, чтобы попасть в Эменди! И мне говорили, что я сделал это быстро! Слишком, мать его, быстро! Но и это ерунда. Что там под скорлупкой? За чем там приглядывает Мария?! Если это то, о чём я думаю... Но так не бывает!

— Бывает, — задумчиво возразил паладин. — Ты не мог не слышать про тот случай. Он произошёл у вас, но слухи про него докатились и до нашего лагеря. Тогда ещё долго мусолили эту тему.

— Помню, — помрачнел Вел и без нужды стеганул лошадей.

Телега чуть ускорила, наигрывая дорожную музыку скрипучими колёсами под аккомпанемент храпящего в углу малыша Вали.

— Вы о чём? Это связано со мной? — непонимающе спросил Иваныч. Он почему-то почуял неладное во время разговора двух старых знакомых. Будто острая холодная искринка кольнула в правом виске.

— И да и нет. Не бери в голову, парень. Это дела давно минувших лет, — отстранённо махнул рукой Мишико, заминая тему.

— Давно минувших? — удивился Павел. — Вам от силы чуть больше тридцати!

— Мне девяносто два, — улыбнулся паладин. — Вел! Тебе сколько?

— А демон его знает! — донеслось с козел. — После ста четырнадцати надоело считать.

— Кхм, — Иваныч перенял эстафету по удивлённому вытаращиванию глаз. — Можете смело называть меня пацаном, парнем, мелким и дальше. Вел, а я тебя... Вас бил...

— Не обращай на это внимания. Ему только на пользу! — хохотнул Мишико, обнажая ровные белые зубы. — Век мага долог! И нас не так просто уничтожить. Особенно тёмных. Чтоб гарантированно убить носителя дара, нужно уничтожить его резервуар. И запомни!

Если даже тебе кажется, что маг мёртв, всё равно расхреначь ему голову в кашу! Так чтоб мозги разлетелись брызгами по округе! Или испепели! В общем, неважно, как ты это сделаешь, но уничтожь резервуар! Иначе он может внезапно очухаться и ударить в спину, либо, что ещё хуже, его подберёт культ забвения.

— Это кто ещё? — спросил Иваныч.

— Вел тебе потом расскажет, — продолжил паладин. — У тебя сейчас другая задача. И если раньше я ещё сомневался в удачном исходе этой авантюрной затеи, то теперь шансы повысились. Сильно повысились.

— Шансы на что? — поднял бровь Павел.

— Сделать из тебя мага! Настоящего боевого мага, — вклинился в разговор Вел.

— Всё верно, — кивнул Мишико. — И сделать это желательно до того, как очередной увалень раскроил тебе череп грязным топором. Учítывая, что ты за несколько дней сам сделал то, на что у многих уходят десятилетия... Демоны! Тебя будто поторапливает кто-то свыше... Но это точно будет интересно! Кстати, Паш!

— Да? — выразил готовность слушать Павел.

— Физическая форма для мага не менее важна, чем тренировки с резервом и энергетическими каналами. Так что...

— Энергетические каналы? — почувший неладное Иваныч решил потянуть немного времени.

— Те, как ты назвал их, артерии, что отходят от резерва. Их тоже нужно развивать. Чем объёмнее и плотнее каналы, тем больше энергии из резерва ты можешь выдать за один раз. Зачастую от этого зависит жизнь, — спокойно объяснил Мишико, но потом резко рявкнул: А теперь с телеги брысь, послушник! Гусиным шагом за телегой марш! Без приказа не вставать!

К слову, и сам паладин спрыгнул вслед за Павлом и пошёл с ним рядом тем же самым гусиным шагом. Следующие три часа показались для Иваныча адом на земле. Тут было всё: и прыжки, и отжимания, и бег с ускорениями, и кувырки с перекатами, и какие-то дикие упражнения на растяжку, от которых, казалось, рвутся мышцы и сухожилия. И так по кругу. Раз за разом. Три часа. Сначала Иваныч терпел. Потом он вошёл во вкус. Потом он робко спрашивал, когда они уже закончат с занятиями. Потом он умолял. Потом он рыдал. Потом он требовал его добить. Потом он угрожал паладину жестокой расправой. В итоге Павел просто рухнул без сознания, уткнувшись лицом в пыльную дорогу.

— Слабовато, — сокрушённо покачал головой Мишико, забрасывая на плечо бессознательное тело. — Ну, ничего. Мы из тебя человека вырастим!

Очнувшись, Иваныч осознал себя лежащим в обнимку с малышом Вали на дне злосчастной телеги. Поморщившись от дикого сивушного амбре, которое источала жабыя пасть, Павел попробовал пошевелиться, зажмурившись, и приготовившись к худшему. К его удивлению, он не потерял вновь сознание от мышечных болей. Да, боль была, но вполне терпимая. С крихтением встав, он осмотрелся. Телега уже никуда не двигалась и, свернув с дороги, нашла своё пристанище у берега живописного, поросшего разнотравьем и разноцветьем берега. Недалеко от телеги горел небольшой костерок, над которым на прутьях была развешена выстиранная одежда, а его новые знакомые с блаженством, легко читаемым на их лицах, отмокали, лёжа в озёрной воде. Солнце уже было готово спрятаться за горизонт, даря путникам возможность насладиться багрово-розовым закатом. Иваныч непроизвольно съёжился, так как с приближающимися сумерками в последнее время у него были не самые

приятные ассоциации.

Увидевший его Вел приглашающе махнул ему рукой, и Павел на плохо гнущихся конечностях побрёл к воде. Вода была что надо! В меру прохладная. Дарующая ощущение свежести и заряжающая бодростью. Вода, лаская тощее тело, растворяла в себе последние отголоски боли и ощущение деревянности в измученном теле. Но прежде чем плюхнуться в чарующую воду, Иваныч нашёл в себе силы постирать испачканную потом и чужой кровью одежду и развесить её над костром. Так же он не поленился затащить в воду малыша Вали, так как смердело от жабы невыносимо.

— Так на чём мы остановились? — с ленцой в голосе задал вопрос Мишико.

Иваныч дёрнулся было в попытке убежать, но ему оказалось банально лень покидать столь уютное озеро.

— На том, что Паша обещал замариновать твою отрезанную голову, чтоб она жила подольше и могла всё наблюдать. Позвать того козлоногого накачанного демона. И пока он будет выполнять свои обязательства по договору на литр крови, Павел лично самым тупым ножом будет мелко нарезать твоё паладинское садистское тело на какое-то сашими, — с той же ленцой ответил Вел.

— Не. Я про то, что было до разминки, — невозмутимо пояснил паладин.

— Разминки?! — Иваныча эта новость, мягко говоря, пробрала до глубины души.

— Да, разминки, — ответил Мишико. — Тренировки мы начнём чуть позже. Кажется, ты спрашивал про искры и коэффициент?

— Да, — вспомнил их недавний разговор Иваныч, слегка расслабившись.

— Так вот, — прокашлявшись, лекторским голосом продолжил паладин, — искры и коэффициенты. Точнее, наоборот. Коэффициент и искры. Как я уже говорил, вместилищем энергии является наш мозг. Соответственно, физический объём сосуда у всех примерно одинаков. Но то количество энергии, которое способен выдать из себя один маг, может разительно отличаться от количества энергии, выдаваемого вторым магом. Но, если объём резерва у двух магов одинаков...

— То разница в плотности. Концентрации этой самой энергии. Тогда понятно. Коэффициентом является множитель, показывающий концентрацию энергии в резервуаре отдельно взятого мага. Коэффициент — число постоянное, и у каждого мага оно своё? — догадался Павел.

— Именно! — многозначительно поднял палец вверх паладин. — А у тебя неплохое образование, парень! У каждого значение коэффициента своё. И измерять его принято в искрах.

— И каким образом эту величину вычисляют? — Павлу эта беседа явно доставляла удовольствие, ненадолго вернув его в привычную среду той, старой жизни.

— Для этого существуют специальные артефакты, — произнёс Мишико и, увидев непонимание в глазах Иваныча, пояснил: Артефакты — Это особые предметы, как правило, рукотворные, которые, так или иначе, взаимодействуют с энергией. Их множество. Они бывают простыми, как, например, накопители, которые могут только хранить в себе энергию, чтобы в нужный момент отдать её магу либо на атакующий артефакт. Бывают сложными, содержащими в себе десяток различных заложенных заклинаний. Объединяет их друг с другом лишь две вещи. Они все могут взаимодействовать с энергией. И они все дико дорогие.

— Мы тоже, по сути своей, артефакты, — хмыкнул Вел. — Только куда как дешевле.

Или дороже. Зависит от того, с чьей стороны посмотреть.

— Ясно, — кивнул Павел, пытаясь усвоить новую для него информацию.

— Искры, — убедившись, что Иваныч всё понял, продолжил блондин, — То, с чего начинается свой путь каждый одарённый. Существуют специальные артефакты для определения коэффициента у одарённых. Синий лёд. Назвали их так из-за внешнего вида. Ведь артефакт изготавливается из голубого, прозрачного, как слеза младенца, хрусталя. Он небольшой, размером лишь с кулак взрослого мужчины. Так вот если поднести Синий лёд к голове одарённого и подождать, то там, в сердце артефакта, начинают разгораться багровые искорки, словно звёзды на лазурном небе.

— Понятно, — отозвался Иваныч. — Остаётся лишь эти искры подсчитать?

— Верно, — согласился паладин. — Мы тут с Велом прикидывали и так и этак. И сошлись во мнении, что тебе под силу зажечь от двадцати двух до тридцати искр.

— Это много? — спросил Павел.

— Это до хрена, парень! — влез в разговор демонолог. — Я в своё время увидел целых тринадцать огоньков. Целых, понимаешь?! Я этим гордился!

— Это много, — подтвердил паладин. — И это очень хорошо. Но в этом и основные трудности.

— Трудности? — не понял Иваныч.

— Ага, — ответил блондин. — Чем больше сила, тем тоньше приходится работать с энергией. Там, где маг с пятью искрами вывалит в одно заклинание плюс-минус пятую часть резерва, тебе нужна одна лишь капля. Дозированная и хорошо просчитанная капля. Понял?

— Да. Иначе, если я вылью, как ты сказал, половину резерва, получится в четыре раза больше нужного. А что бывает при переизбытке энергии?

— Разное. Зависит от конкретного случая, — отфыркиваясь после нырка с головой, ответил Вел. — Например, кратно увеличивается мощность заклинания. И там, где нужно было сработать точно, ты превращаешь в фарш целую толпу на большой площади.

— Так это же хорошо. Не? — не понял Иваныч.

— А если там есть твои союзники? — в свою очередь спросил паладин. — Ладно, заканчиваем с вводной теоретической частью. Пойдём, подкрепимся, чем Создатель послал, и приступим к практике.

— Вел кого-то будет звать для занятий? — вкрадчиво уточнил Павел.

— Справимся сами, — усмехнулся в ответ блондин.

Создатель в лице почивших запасливых монахов послал вяленое мясо, хлебные лепёшки и вино. Еда незатейливая, но вкусная. Иваныч невольно сравнил эту пищу с той, к которой он привык, и внезапно понял, чем она отличается. Тут не было привкуса синтетики, к которому он привык. И это ему нравилось.

— Вел, — насытившись, обратился к демологу Павел. — Вот в этом вашем состоянии Эменди свет выглядит как жемчужный туман. А как выглядит тьма?

— Бездна, — ответил мастер тьмы. — Ты будто заглядываешь в чёрную, тягучую, маслянистую бездну, не имеющую дна. Если долго всматриваться, то порой кажется, что из бездны в ответ на тебя начинает смотреть сама смерть.

— Прямо глаза моей тёщи описал, — пробурчал Иваныч. — А у магов огня это будет багровое зарево?

— У магов чего?! — чуть не поперхнулся лепёшкой от удивления демонолог. — Огня?! Ха! Бред! Ты слышал, Мишико?!

— Ну, у нас так принято было считать, — виновато развёл руками Павел, поняв, что ляпнул что-то не то. — Что если где-то и существует магия, то обязательно стихийная. Огонь, земля, вода там всякая...

— Звучит, как хреновая шутка! Вел — повелитель булыжника! Или Вел — адепт гнилой лужи! — деланным басом произнёс мастер тьмы и засмеялся.

— Есть только свет и тьма, — сквозь улыбку ответил Мишико. — Но они очень многогранны. Тьмой можно как вылечить, так и убить. Можно даже мёртвого вернуть к подобию жизни. То же самое и со светом. Но основ всегда только две.

— Три, — влез демонолог.

— Ты про южные народы? — уточнил у Вела паладин — То, что они делают, трудно назвать основой. Но как дополнительная переменная — да, вполне. Ещё в давние времена у наших предков была сила, даруемая Создателем. Но это уже легенды, поросшие мхом.

— А что делают южане? — спросил Павел.

— Пронырливые хитрожопы, что прикидываются тугодумами, наострились в состоянии Эменди шляться по астральному миру и договариваться там со всяким дерьмом, — любезно объяснил мастер тьмы.

— Астральному миру? — Иваныч почувствовал, что его мозг переполнен новыми знаниями, которые нужно ещё освоить, но не спросить не мог.

— Так! Хватит уже прохлаждаться, — Мишико хлопнул себя ладонями по коленям, поднялся, решительно подошёл к Павлу и широко улыбнулся. — Пожалуй, начнём.

Сумерки, лес, горящий костерок и улыбающийся во все свои тридцать два белоснежных зуба паладин, сильно желающий его чему-то научить. Кажется, Иваныч заполучил к себе в копилку новую фобию. И посильнее сжал челюсти. На всякий случай.

— Держи! — подозрительно довольный паладин протянул Павлу палочку. — Помнишь структуру светляка?

Иваныч аккуратно взял палочку двумя пальцами и постарался сжать вообще все отверстия в своём организме. По той же причине. После этого он медленно и осторожно нарисовал на земле пирамиду.

— Отлично, — Мишико коснулся рисунка и достал, будто прямо из земли, светящийся шарик. — Повтори.

Павел принялся рисовать второй тетраэдр.

— Не рисунок, — покачал головой паладин. — Мне нужен светляк. Давай! Создай его!

— Как? — сквозь плотно сцепленные зубы промычал Иваныч.

— Коснись его пальцами и представь, что одна из его вершин едва светится белым. Этого должно хватить. Главное, смотри на рисунок, — ответил паладин.

Павел положил три пальца на нарисованное геометрическое тело и представил, что ближняя к нему вершина едва светится. Ощувив лёгкое покалывание в пальцах, он, продолжая смотреть на рисунок, оторвал пальцы от земли и повернул руку ладонью вверх. Что это? Боковым зрением Иваныч увидел небольшой, размером с мячик для настольного тенниса, шарик. И он светился! Чувство какой-то детской эйфории и щенячьей радости захлестнуло Павла с головой. Одно дело видеть магию со стороны, а другое — сотворить заклинание самому. Самому! Только сейчас он понял, что до конца не верил во всё происходящее вокруг. Относился к этому, как к какому-то навороченному фильму с полным погружением. Он ощущал себя лишь зрителем. Даже когда ему было безумно больно, он всё равно оставался лишь сторонним наблюдателем. Но сейчас он понял, что всё это по-

настоящему! Плохо это или хорошо, но он здесь. В этом долбанном, пока ещё чужом для него мире! И эти люди, которые сейчас рядом с ним, настоящие! И они не раз спасли ему жизнь. Павел только сейчас заметил, что, погрузившись в размышления, он перестал смотреть на рисунок, и светляк давно уже исчез. Но он был. Он точно был! И Иваныч рассмеялся, отдаваясь чувству эйфории целиком, без остатка.

— Я долбаный маг из детских сказок! Я долбаный маг! — сквозь смех выдавил из себя Павел.

— Первый раз всегда особенный, — так же звонко рассмеялся Мишико. — И да! Ты долбаный маг!

— Поздравляю, Паша! Поздравляю! Запоминается, не так ли? — стоявший рядом Вел широко улыбался.

Когда страсти немного улеглись, Вел сбегал к телеге, вернувшись с объёмным кожаным бурдюком.

— Обычно по такому поводу закатываются многодневные застолья! Так что немного вина нам точно не помешает, — произнёс демонолог, потрясая над головой этим самым бурдюком.

— Немного! — строго сказал паладин. — Он хоть и маг, но начинающий. Впереди сегодня ещё масса работы. Так что буквально по паре глотков!

— Спасибо, Вел! — посмотрев в глаза демонологу, серьёзно произнёс Павел и протянул ему руку для рукопожатия.

— За что? — спросил мастер тьмы.

— За всё! За помощь, за жизнь, за то, что возитесь со мной, — ответил Иваныч, продолжая держать руку.

— Пожалуйста, Паш, — столь же серьёзно ответил Вел и крепко пожал протянутую руку.

— Спасибо, Мишико, — Павел повернулся к паладину.

— Пожалуйста, ученик. Надеюсь на взаимность, — посмотрел в единственный глаз Павлу Мишико и протянул ему руку.

— Слово! — теперь уже Иваныч пытался сжать твёрдую, словно отлитую из стали, ладонь паладина.

— Слово! — кивнул Мишико, сдавливая в свою очередь ладонь новоявленного мага.

Глава 8

У принесённого демонологом вина было всего лишь два недостатка: оно оказалось креплёным, и его у монахов в телеге было припасено лишь три бурдюка литра по четыре каждый, что для троих взрослых мужчин было совершенно не серьёзно.

— Она была словно боги-и-иня! — схватив малыша Вали за рыжую поросль на груди, с придыханием орал ему в морду мастер тьмы. — Богиня, сошедшая с небес прямо в бордель! Понимаешь, жаба ты бессловесная?!

— РУ-РУ? — пробурчал ошалевший от такого поворота событий рыгун.

— А я тебе о чём! Ик! Ты таких в своём болоте не топтал! Ох! Подожди, — демонолог резко хлопнул ладонью рот и по синусоиде устремился к ближайшим кустам. Малыша Вали он отпустить при этом банально забыл.

— И это меня! Мишико Молота! Как щенка отчитывал! Перед моими людьми! И главное кто?! Какая-то крыса подвальная, нежити не выдавшая! Представляешь?! — ревел на весь лес паладин.

— Угу, — смотрел на него остекленевшим взглядом Иваныч. — Не по-пацански это! За такое только на перо фраера садить!

— Сечёшь! — одобрил паладин, прикладываясь к горлышку бурдюка. Вина там не оказалось, и после нескольких непродолжительных попыток вытряхнуть хоть каплю алкоголя себе на язык Мишико запустил пустой сосуд подальше в лес.

— Погуляли и будет! — блондин поднялся и, уперев руки в бока, взглянул на Иваныча. — Ученик! Продолжаем занятия!

— Сейчас?! — Павел даже чуточку протрезвел. — Мы же слегка выпивши...

— 3-запомни, Паш! Маги! Не! Пьянеют! Ни-ког-да! — помахал перед лицом Иваныча указательным пальцем паладин.

— Подтре... Подстве... Подтверждаю! — собственно, и подтвердил мастер тьмы, выползая из кустов, вытирая тыльной стороной ладони губы. Руку же он вытер об малыша Вали, которого так и таскал с собой.

— Так! Все вот эти твои писульки на земле — это хорошо, но так уважаемые люди не работают, — продолжил лекцию Мишико.

— Точно! Ик! — поддакнул Вел, усаживаясь рядом.

— Так вы же сами мне это показали! Что за наезды, братва? — не понял Иваныч.

— Спокойно! Спокойно. Не кипятись, — примиряюще выставил перед собой руки паладин. — Ты меня уважаешь?

— Железно! — ответил Павел.

— Тогда послушай! Это неэффектри... Тьфу! Западло, короче, пацанам так работать. Попробуй закрыть глаза и струк-ту-ру... О! Смог!... Так, о чём я? — почесал затылок блондин.

— Глаза закрыть, — напомнил Иваныч.

— Точно. Короче, заклинание над ладонью представь. И глаз свой закрой. Так легче попервой, — подытожил Мишико и упал, как озимый, на землю.

Павел посмотрел на сидящего рядом демонолога. Тот попробовал ему подмигнуть и показал большой палец, поднятый вверх.

— Говно вопрос, — пробормотал Павел и закрыл глаз.

То ли виной был алкоголь, то ли Иванычу действительно кто-то свыше помогал в магическом деле, но сильно стараться и пыhtеть ему не пришлось. Мгновенье, и Павел нарисовал в своём воображении правильный тетраэдр и щедро заполнил его светом. Целиком. Руку сильно обожгло, и в возникшем зареве Иваныч разглядел все близстоящие деревья, несмотря на закрытое веко.

— ГЛАЗА-А-А-А-А, — оглушающий вопль мастера тьмы разнёсся над ночным лесом доводя до инфаркта местную фауну, — МОИ ГЛАЗА-А-А! СОЗДАТЕЛЬ! ОН МНЕ СЖЁ ГЛАЗА-А-А-А!

Павел отвлётся, и зарево резко потухло. Открыв глаз, Иваныч увидел, как обхвативший ладонями лицо Вел вскочил и со спринтерской скоростью ломанулся вперёд. Через пять метров дорогу орущему сиреной бегуну преградило большое, раскидистое дерево, которое демонолог решил взять на таран. Дерево хоть и содрогнулось от удара, но всё же выстояло, недовольно шевельнув ветвями, в отличие от мастера тьмы. Вел уже находился в мире грёз и радужных единорогов.

— Отбой! — махнул рукой Иваныч и свернулся калачиком прямо на земле, недалеко от такого тёплого и приятно пахнущего дымом костерка, моментально погружаясь в сон. Снился в эту ночь ему малыш Вали, почему-то топчущий на болоте субтильного монаха с большой книгой и пером в руках. Делал он это неспешно. С деловитостью и обстоятельностью прожившего долгую жизнь в курятнике петуха, избежавшего и хозяйского топора, и острых лисьих зубов. На всё это смотрел, громко смеясь и подбадривающе хлопая в ладоши, тот козлоногий демон.

— Я ничего не подпишу! — выдавил из себя статный седовласый мужчина с ухоженной седой бородой. Вся его внешность просто кричала о породе. О том, что она была результатом многовековой селекции аристократического рода.

— И не нужно, господин Джереми, — вошедший в помещение Золен Рейнс ногой пододвинул к себе табурет и сел напротив. — Напомните мне, пожалуйста... Вы же владеете восточными провинциями княжества Тай?

— Да, — слова давались Джереми с трудом. — Земли от Кирских гор до реки Быстротечной принадлежат моему роду.

— Прекрасно! — хлопнул в ладоши старший инквизитор. — Кстати, Вы замечательно держитесь, несмотря на Ваше... Хм. Положение.

Положение господина Джереми, графа, владельца восточной провинции княжества Тай, действительно было сложным. Дело в том, что он сейчас гостил в гостеприимных подвалах крепости, которая носила название Соколиный оплот.

— Я повторяю, господин Золен. Я ничего не подпишу! — повторил Джереми.

— Это уже неважно, господин Джереми, — слегка улыбнулся инквизитор. — Вы, наверное, не в курсе последних новостей? Не так ли?

— Был занят, знаете ли, — ответил граф Джереми.

— Так вот! Пока вы тут гостили, ваше графство перешло под наш полный контроль, господин Джереми. Большая часть ваших людей мертва. Так вышло, что конец правления светлейшего князя взял своё начало именно с Ваших земель, — развёл руки в извиняющемся жесте Золен, — и физически ни Вы, ни Ваши писульки нам не нужны. Но если посмотреть

на ситуацию с юридической стороны, то лишними они не будут. Повторяю. Они не нужны, но на всякий случай мы перестрахуемся. Ситуация в королевстве пока не совсем понятна. И это первая причина, по которой вы здесь.

— Я не понимаю, о чём Вы, — граф мотнул головой, пытаясь скинуть с носа каплю пота.

— Ох! Не пытайтесь выглядеть глупее, чем Вы есть, господин Джереми, — шутливо погрозил графу пальцем инквизитор, — Вы старый, хитрый лис, граф! Вы же ещё вчера ночью поняли, к чему всё идёт, и быстренько услали всё своё почтенное семейство к родному брату, чьи земли расположены на другом конце королевства. Сами же зачем-то остались. Что это? Глупость? Или желание сохранить честь?

— Вам не понять, — хрипло ответил Джереми. — И откуда, демоны Вас побери, вы пронюхали про мою семью?!

— О! Маска холодного безразличия и официоза дала трещину? Чудесно. Чудесно, — хищно улыбнулся инквизитор. — Откуда? Как сказал ваш светлейший князь, наши серые рясы везде суют свои длинные носы. И в этом я не могу с ним не согласиться.

— С ними всё в порядке? — уточнил граф.

— Итак, мы подошли ко второй причине Вашего пребывания у меня в гостях, — проигнорировал вопрос графа Золен. — Что же Вы, ваша светлость, скрывали тот факт, что владеете даром? Да ещё каким! Семнадцать искр!

— С ними всё в порядке? — граф Джереми умел быть настойчивым.

— Молчать! — рявкнул Золен, нанеся графу сильную пощёчину тыльной стороной ладони.

Голова Джереми резко мотнулась в сторону и повисла. На подбородке начала скапливаться в большую тягучую каплю кровь, побежавшая пока ещё тонким и робким ручейком из разбитых губ.

— Они живы, если Вы об этом, — успокоившись, продолжил старший инквизитор. — Так почему же Вы скрывали факт наличия у Вас дара, граф?

— Я правитель. Плохой или хороший, но правитель, — медленно проговорил Джереми, подняв взгляд на инквизитора, — и на мне лежит ответственность за моих людей и мои земли. Дар же, особенно сильный, если им часто и долго пользоваться, постепенно сводит с ума. Если бы я начал активно использовать дарованное, то смог бы принимать адекватные решения?

— Bravo! — Золен медленно захлопал в ладоши. — Достойный ответ зрелого человека. Знали бы Вы, насколько мало людей разделяют Вашу точку зрения. Даже немного жаль, что так всё повернулось. Итак, вернёмся ко второй причине... Вы же, надеюсь, не питаете ложных иллюзий по поводу того, что сможете покинуть эти стены?

— Да, — тихо произнёс граф, окинув своё тело взглядом.

Он висел у стены, растянутый цепями за руки. Все тело покрывали многочисленные гематомы, ожоги и порезы. Гениталии были отрезаны, а рана попросту прижжена раскалённым в жаровне железом. Кожа на ногах до колен отсутствовала, обнажив сочащиеся кровью мышцы и сосуды. Сдирали её ржавыми щипцами. Сдирали медленно, лоскут за лоскутом, начиная с пяток. Относительно целым оставалось лишь лицо.

— Прекрасно! Так вот, вероятней всего, мы бы обошлись без всего вот этого, — обвёл взглядом помещение пыточной старший инквизитор, — и Вас бы попросту ликвидировали. Тихо и спокойно. Или, может быть, даже Вам бы дали спокойно сбежать из княжества,

надумай Вы это сделать. Но мои люди сунули свои носы куда нужно и разнюхали про Вашу одарённость. Да ещё какую! Вам интересен источник информации?

— Нет, — всё так же тихо ответил Джереми.

— Ваше право, — кивнул Золен. — И это в корне изменило ситуацию! Понимаете, допустить утрату такого количества энергии, как у Вас, было бы кощунством с моей стороны! Я бы себе этого не простил! И вот Вы здесь. Но, к сожалению, мы столкнулись с проблемой.

— Вы больны, господин Золен. Ваш мозг воспалён, — поморщился узник.

— Совершенно верно, граф! Совершенно верно, — рассмеялся инквизитор. — Дар всех нас, так или иначе, меняет. Но конкретно в этом случае Вы заблуждаетесь. Я могу сделать так, что Ваша сила пойдёт на благое дело! Но для этого нужно соблюсти ряд условий. И главное из них заключается в том, что Ваша кровь должна буквально бурлить от отрицательных эмоций. Негатив должен сводить Вас с ума! Он должен превратить Вас в умоляющее о смерти, пускающее кровавые слюни и сопли существо. Ваша кровь, подобно винограду, должна перебродить на этих чувствах и превратиться в прекрасное вино! А что лучше всего подходит для этой задачи? Правильно! Боль! Вот тут-то и возникла проблема.

— Шесть веков случек отборных кобелей с лучшими сучками королевства, господин Золен, — грустно улыбнулся разбитыми губами граф.

— В точку! Мне определёнno доставляют удовольствие беседы с Вами, граф. Вы даже сейчас изволите шутить. Как же хорошо, что князем являетесь не Вы, а это ничтожество. Чувствую, в противном случае всё бы шло не так гладко, как идёт сейчас, — смеясь, продолжил Золен, — так что болью Вас, граф, оказалось не пронять. Да, Вы, так же как и все её чувствуете, кричите, бьётесь в цепях. Но она не сводит Вас с ума. Нет нужного мне эффекта! — с улыбкой проговорил Золен.

— Патовая ситуация? — участливо поинтересовался граф. — Не могу ничем помочь.

— О! Вот тут Вы заблуждаетесь! — возразил Золен и кивнул стоящему у выхода из пыточной монаху. — Но не буду портить Вам сюрприз, господин Джереми.

Монах исчез за дверью, а инквизитор достал из складок своей рясы чёрный, отполированный до блеска каменный шарик и принялся неспешно, но ловко перекатывать его между пальцами правой руки, задумчиво рассматривая подвешенного перед ним пленника.

— Вы больны, господин Золен, — нарушил затянувшееся молчание Джереми. — То, о чём Вы говорите, невозможно. Да, я не пользовался даром. Практически не пользовался. Но я достаточно глубоко изучил тему Искусства. У человека невозможно отобрать его дар. Можно лишь забирать энергию в накопители. Но я сильно сомневаюсь в том, что Вы меня позвали к себе в гости лишь для того, чтобы я подзарядил ваши артефакты. Поэтому повторяю: то, о чём Вы говорите, существует лишь в Вашей воспалённой голове.

— Вы вольны считать, как Вам вздумается, граф, но сути это не меняет, — Золен ловко подкинул шарик вверх, и тот повис в воздухе прямо перед глазами Джереми, — Вы же, как человек образованный, наверняка знаете, что служителям церкви в давние времена была доступна кроха силы Создателя нашего?

— Я читал об этом, — не отрывая взгляда от медленно вращающегося перед ним шара, ответил граф Джереми.

— И не сомневался, граф. Так вот, когда-то церковь была самой могущественной организацией на континенте. Тогда была единая империя и был император. Церковь же

стояла над императором. Церковь все уважали. Церковь все боялись. Церковь все слушали. Решающее слово всегда было за скромными слугами Создателя. И всё это благодаря лишь малой крохе силы Его. Малой крохе! Вы представляете, Джереми?! До наших дней сохранились только обрывки информации о тех временах, но и их достаточно для того, чтоб было понятно, что десяток хорошо подготовленных и истово верующих паладинов мог уничтожить армии. Армии, граф! Чтобы стереть с лица земли всё ваше княжество, понадобилось бы от силы десять человек! Десять! Теперь вы осознаёте, что против церкви не мог пойти никто! Не было в мире силы, которая бы посмела бросить вызов слугам Создателя.

— У них был такой сильный дар? — чёрный камень будто заморозил Джереми, притягивая к себе всё его внимание.

— Дар? О нет, граф! Я думаю, Вас это удивит, но у них не было дара! Или был, но это не имело никакого значения. Чтобы стать воином Создателя, нужно было лишь верить! Истово верить в Создателя и в правоту своих действий. И не пускать в себя грех, естественно. И ЭТО ВСЁ ИСЧЕЗЛО В ОДИН МИГ! — вскочив со своего места, взревел Золен, выбивая вес воздух из лёгких графа Джереми сильным ударом ноги в его живот.

Графа согнуло, насколько это позволяли цепи, и вырвало. Голова его бессильно повисла, но медленно вращающийся шар сместился в воздухе так, чтоб вновь оказаться перед глазами Джереми.

— Он отвернулся от нас, граф, — закрыв глаза, тихо произнёс старший инквизитор, после того как немного отдышался и пришёл в себя, — он покинул этот мир. Наигрался со старой игрушкой и выбросил её на помойку мироздания. Вы понимаете это? Мы тут одни, граф! Целый мир остался предоставлен сам себе. И величие церкви кануло в лету. НАШЕ ВЕЛИЧИЕ!

Джереми безмолвно содрогнулся от нового удара. Теперь в голову. Но граф так и не смог отвлечься от завораживающего полёта чёрного шара.

Золен Рейнс, тяжело дыша, подошёл к небольшому резному шкафчику, стоявшему в углу помещения. Выудил из него бутылку вина и, откупорив её, надолго припал к горлышку.

— Мы стали слабы, граф, — после затянувшейся паузы хрипло продолжил инквизитор, — с нами никто не считается. Мы словно мелкая брехливая собачонка, что может только визгливо лаять под ногами монархов, раздражая их своим голосом. Только лишь раздражая... Но мы не способны были укусить. Для этого мы были слишком слабы и трусливы.

— Были? — сплюнув на пол кровь из разбитых губ, спросил Джереми.

— О, да, граф! Наш новый лидер смог расшевелить седое замшелое болото! Карл смог показать нам путь к былому величию! Даже согбенные и консервативно настроенные старцы зашевелили своими мощами! И Вам, граф, предстоит стать одной из тысяч тех ступенек, что приведут нас к Нему, — во взгляде Золена при этих словах полыхнул фанатичный огонь.

Раздался скрип открываемой двери, и в помещение грубо втолкнули связанных по рукам женщину и двух детей. Женщине было явно под пятьдесят, и она выглядела внешне спокойной. Дети же, светловолосый мальчик и кудрявая, словно пшеничное облако, девочка, бросали на всех испуганные взгляды, но держались.

— Золен! — дёрнулся в оковах граф Джереми. — Ты обещал!

— Что? — удивлённо поднял бровь инквизитор. — Я лишь сказал Вам граф, что они живы. Не более того! Кстати, это и есть обещанный мной сюрприз! Вам он пришёлся по

душе, граф?

— Отпусти! Отпусти их! — прохрипел Джереми. — Я всё подпишу! Я всё сделаю!

— Граф, позвольте выразить Вам своё уважение! Так воспитать супругу и потомство, это дорогого стоит, — произнёс Золен, рассматривая графиню и детей. — Наблюдать как наполовину освежеванный муж и отец бьётся в цепях, словно птица в силках, и при этом смолчать... Вы удивительное семейство! Снял бы перед вами шляпу, будь она на мне.

— Отпусти их, Золен! Отпусти их! — повторял, словно читая спасительную мантру, граф.

Старший инквизитор резко повернулся к растянутому у стены графу и выкрикнул несколько слов на непонятном языке. Языке гортанном, шипящем, режущем слух нормального человека. Казалось, что такие слова не предназначены для человеческого речевого аппарата.

После этих произнесённых Золеном слов зависший перед Джереми шар начал светиться мёртвенно-зелёным светом. От этого света несло гнилью и смрадом, гноем и разложением. У графа желудок снова подкатил к горлу.

— Граф, чтобы Вы не питали ложных иллюзий... — инквизитор хищно улыбнулся графу Джереми, облизнув кончиком языка свои мелко подрагивающие от предвкушения губы. Следом он резко развернулся и, выхватив из складок рясы перочинный нож, наотмашь полоснул им по горлу графини. Немолодая, но ещё красивая статная женщина, протяжно хрипя и булькая, начала оседать на грязный каменный пол. Завизжала девочка. Застыл в ступоре мальчик.

— Золен! Я убью тебя, тварь! Я выпущу твои седые кишки! — бесновался в цепях граф.

— Отлично! Отлично, — удовлетворённо произнёс инквизитор, слизав кровь с ножа. — Вот видите, граф, всё же нашлась брешь в Вашей крепости хладнокровия. Осталось лишь развить результат. Кого Вы любите больше, господин Джереми? Наследника, или этого златокудрого ангелочка?

— Не тронь их! Отпусти хотя бы детей! Они ни в чём! Ни в чём не виноваты! — граф Джереми рыдал от чувства бессилия, выворачивая свои суставы в попытках вырваться из оков.

Бледно-зеленый свет, пустив тонкие отростки и проникнув подвешенному пленнику в дыхательные пути, начал медленно, толчками накачивать графа своим гнилостным содержимым.

— Решено, граф! Начнём, пожалуй, с наследника. Очаровательную особу же оставим на сладкое, — после недолгих размышлений констатировал Золен Рейнс.

Едва заметное, короткое движение инквизитора кистью руки, и дети оказались опутаны парализующим заклинанием. Словно искусно сотворённые куклы с живыми, полными страха, детскими глазами. Золен Рейнс неспешно присел на колени перед юным наследником и столь же неспешно, словно мастер резьбы по дереву, начал тщательно прорисовывать ножом кровавый узор на нежной коже детского лица.

В оковах же, рыча и воя, как пойманный в капкан дикий зверь, бился, ломая себе кости рук, граф Джереми, владетель восточной провинции княжества Тай.

Похмелье. Сколько в этом простом и внешне неприглядном слове людских мук и страданий? Сколько несбывшихся надежд и разрушенных судеб? Вряд ли Иваныч сейчас над этим задумывался. Он просто хлебал блаженную прохладную воду прямо из озера.

Закончив с водными процедурами, Павел устроился в углу телеги и прикрыл глаза в ожидании спутников, параллельно стараясь удержать выпитую воду в сопротивляющемся желудке. Содержимое головы тоже хотело покинуть Иваныча из желающего расколоться на тысячу осколков хранилища. В общем, Павел пытался бороться с его величеством бодуном. Помогало ему в борьбе лишь то, что его новый организм был молод, а от выпитой воды его начинало стремительно развозить на старые дрожжи.

Первым у телеги появился мастер тьмы и, коротко глянув на Иваныча красными, воспалёнными буркалами, тяжело вздохнул и поплёлся к лошадям.

— Доброе утро! — громко произнёс подозрительно бодрый паладин и широко улыбнулся Павлу. — А чего ты тут уселся?

— Только не говори, что сейчас настало время для... — Иваныча посетило нехорошее предчувствие.

— Разминки! — воскликнул Мишико и, запрыгнув в телегу, с лёгкостью поднял вяло сопротивляющегося Павла и перебросил его через борт. Паладин громко и заливисто расхохотался. Начинаящий маг жалостливо заскулил. Телега тронулась с места и, мерно скрипя колёсами, неспешно направилась в сторону тракта.

— И куда мы сейчас? — Иваныч начал приходить в себя лишь спустя полчаса после разминки.

— Вел! Как там эта деревушка называется? — Мишико же, напротив, только ещё больше посвежел после физических занятий.

— Старые Дубки, — ответил демонолог, держа одной рукой поводья, а другой почёсывая холку мурлыкающего и млеющего малыша Вали.

— И что мы там забыли? — спросил Павел.

— Закупим еды и фуража лошадям. По уверениям того похотливого церковника, деревня не из самых маленьких. Может, получится продать скопившийся у нас хлам. Деньги лишними не будут, — ответил непривычно смурной Вел.

— Вел, — извиняющимся тоном нарушил повисшую после ответа демолога паузу Павел, — ты это... Извини меня. Я тебе, кажется, вчера глаза повредил... Я не специально, мастер Вел. Не по злему умыслу.

Мастер тьмы, выслушав Иваныча, лишь глубоко вздохнул и кивнул ему в ответ. Паладин же снова звонко рассмеялся.

— Не обращай внимания, Паш! — сквозь смех произнёс Мишико. — Старый пенёк банально завидует тебе!

— Чему? — не понял Павел.

— Он же из родовитой, богатой семьи! Лучшие учителя, хороший коэффициент, отличный багаж знаний. Всегда лучший, и всегда среди первых! — продолжал веселиться паладин. — А ты, сопляк безродный, берёшь и втаптываешь все его достижения в грязь, с лёгкостью, словно походя, преодолевая ступень за ступенью.

— Так это, вроде бы, несложно... — недоумённо развёл руками Иваныч.

Демонолог дёрнулся, покраснел и стал напоминать закипающий фыркающий чайник. Паладин, хохоча и держась за живот, медленно оседал на дно телеги.

— Больше так не говори, — отсмеявшись, произнёс Мишико. — Тебе, видимо, благоволят сверху. Или твой разум настолько отличается от нашего. Ладно! Что-то мы расслабились! Занятия никто не отменял!

Сильно напрягшийся при слове “занятия” Павел немножко расслабился, когда узнал, что занятия будут по работе с даром. Как оказалось позже, зря. Работа с даром выматывала едва ли не сильнее, чем физические нагрузки. Паладин заставил Иваныча раз за разом разжигать и тушить пресловутый светляк. Делать его больше, меньше, ярче, тусклее. Снова и снова. Сотни повторений. Каждый раз надевая пирамиду каплей силы, Павел ощущал лёгкую волну блаженства и эйфории. Но уже спустя час он понял, что выжат как лимон.

— Устал? — участливо улыбнулся Мишико.

— Странно, — кивнул ему в ответ Иваныч, — каждый раз пользуясь даром, я ощущал лёгкость в теле. словно глотнул чего-то приятно бодрящего. Но стоило ненадолго прерваться, как я сразу превратился в разбитую развалину. Почему так?

— У тебя пока ещё слабые энергетические каналы. Их постоянно нужно развивать, — ответил ему паладин.

— Как? — спросил начинающий маг.

— Существует только два пути, — снова подпустил лекторского тона в голос Мишико, — постоянные изнурительные тренировки и работа со своим телом в состоянии Эменди. И я буду не я, если ты не научишься пользоваться обоими способами!

— С первым способом всё вроде бы понятно. Это как развитие мышечных волокон? Чем больше я нагружаю эти каналы, тем крепче они становятся. А что за второй способ? — Павел понял, что после всех занятий ему резко захотелось есть, и нащупал у себя в сумке свёрток с вяленным мясом.

— Верно. Тут главное — не переборщить. Надорванные и изломанные после чрезмерных усилий каналы восстановить можно, но процесс крайне неприятен, — паладин, глядя на ученика, тоже решил подкрепиться. — Что касается второго способа, мы называем его работой в плане Эменди. Южные народы называют этот процесс входом в Астрал.

— Астрал? Это слово мне знакомо, — Иваныч протянул ещё одну полоску вяленого мяса управляющему лошадьми Велу, но, наткнувшись взглядом на пытающуюся состроить милую просящую мордочку жабу, содрогнулся и кинул ещё одним куском в малыша Вали, — Из той жизни.

— И что оно у вас там обозначало? — заинтересовался блондин.

— Понятия не имею, — развёл руками Павел, — знаю лишь, что это было как-то связано с мистикой, духами и прочей ерундой, при помощи которой различные шарлатаны так любили облапошивать доверчивых людей.

— Интере-е-есно, — протянул жующий паладин, — магов у вас нет, а понятие Астрала есть. Так вот тут никакой мистики в Астрале нет. Это вполне себе реальный мир. Он словно отражение мира нашего, но в собственной, извращённой манере. И он неразрывно связан с этим миром. Если что-то произойдёт здесь, то оно обязательно найдёт свой отклик там. И наоборот. Только вот населяют его отнюдь не привычные для нас существа.

— Это как? — удивился Павел.

— Ты обращал внимание на то, что происходило вокруг тебя, когда оказался там? — задал вопрос Мишико.

— Нет, — чуть подумав, ответил Павел, — я был сосредоточен на лежащем у моих ног собственном теле. Единственное, мне показалось, что вокруг небольшого, едва освещённого островка, на котором я находился, клубился какой-то тёмный густой туман. Но я в этом не уверен.

— Всё правильно, Паш. Там всюду этот проклятый туман! — как-то слишком эмоционально влез в разговор Вел. — И в нём заблудиться легче лёгкого! Однажды я отошёл от островка метров на пятьдесят, и меня чуть не схарчила такая образина, что и на нижнем плане ничего страшнее не сыщешь! И ей было плевать на магию. Она её банально не замечала! Меня спасло лишь то, что я успел дать от неё стрекача обратно в круг! Слава Создателю, туда она за мной не полезла. О! Кажется, приехали.

За очередным поворотом извилистой дорожки открылась прямо-таки пасторальная картина. На границе могучего многовекового леса стояла небольшая деревушка с приземистыми избами из сруба, украшенными затейливой резьбой по дереву. Вокруг деревеньки раскинулись небольшие огороды, на которых местное население выращивало различные овощи, большую часть из которых Иваныч не припоминал из своей "той" жизни. Старые Дубки встречали путников обращёнными к небу крепкими крестьянскими задами, хаотично торчащими из буйной поросли этих самых огородов.

— Мда... — с грустью в голосе протянул Вел. — Здесь борделей нет.

— Это точно, — хмыкнул Мишико. — Раз уж приехали, давай-ка найдём старосту.

Староста нашёл их сам, когда путники продвинулись до середины деревни, что представляла собой одну длинную улицу с двумя рядами домов по обеим её сторонам. Так вот посреди села было что-то вроде местной небольшой площади, по центру которой был вымощен камнем знак бесконечности. Рядом с этой площадью уже обосновались жилища побогаче, ограждённые высокими заборами и деревянными воротами, украшенными искусной резьбой.

Как раз из одних таких ворот, частично скрывающих за собой добротный каменный дом на два этажа, выбежал и что есть мочи припустил к компании грузный, оплывший жиром лысый мужичок. Он пыхтел, как паровоз, истекал потом, но старательно бежал, усердно пуча глаза и жадно хватая ртом воздух.

— Староста этого захолустья? — грозно приподняв бровь, громко спросил Мишико.

— А? — остановившийся у телеги мужичок вцепился в узды лошадей и, согнувшись, попытался прийти в себя после непродолжительной пробежки.

— Мне повторить вопрос? — паладин подпустил в голос стали.

— А? — поднял голову староста, но, увидев, как блондин начал медленно вытягивать из ножен огромный двуручный клинок, отчаянно замахал руками. — Нет! То есть да! Староста я! Митроном зовут! А вы, я вижу, люди государевы?

— Егеря его светлейшества, — кивнул Мишико. — Нам бы переночевать, помыться нормально да снеди какой с собой в дорогу собрать, Митрон.

— Всё будет в лучшем виде! У нас тут как раз для важных людей изба имеется. О лошадаках не переживайте! Сейчас же скажу, чтоб позаботились, — оживший Митрон погладил одну из лошадок по гриве. — Баньку, считайте, что уже топят. Да что я вас посреди улицы-то держу! Вы уж простите старого дуралея! У нас в Старых Дубках важные люди редко бывают. Прошу за мной, гости дорогие!

Нужно отдать должное старосте, он и впрямь всё моментально организовал. Отвел путников в просторный одноэтажный дом, находящийся тут же, неподалёку, где передал их в

руки двух крепких разбитных девиц, при виде которых демонолог сально улыбнулся и, подмигнув им масляными глазами, встопорщил жидкую щётку усов. Девушки жест не оценили и бесцеремонно, в приказном порядке, заставили гостей раздеться и бежать в баню. Сами же положили на лавку у входа по комплекту ношеного, но чистого домотканого белья, сверху на него водрузили по куску мыла, собрали всю их грязную одежду и деловито удалились прочь. Лишь одна на выходе обернулась, придиричиво осмотрела Иваныча, тело которого покрывали ещё свежие рубцы от ран, и, глубоко вздохнув, пробормотала что-то невнятное про тупых дуболомов, что не смогли уберечь мальчонку.

По возвращении из бани чистых и довольных людей государевых ждал щедро накрытый стол и расплывшийся в широкой улыбке староста Митрон с бутылью вина в обнимку. Иваныч при виде объёмной бутылки тяжело вздохнул. Слишком свежа ещё была в памяти утренняя похмельная тренировка. Не так он себе представлял будни боевых магов. Определённо, не так.

— Паш! Па-аша! А куда... ИК! Куда Вел делся? — протянул красный как рак Митрон, медленно жуя свисающий изо рта длинный стебель лука. Вообще, староста оказался мировым и душевным мужиком. Кроме бани, стирки и душевного застолья, он ещё обеспечил компанию недельным запасом воды, провизии и фуража. Также в телеге оказалось несколько бурдюков вина, кожаная сумка с комплектами сухой и чистой одежды и добротные дождевики из вощёной ткани. Увидевший такое отношение демонолог настолько был тронут, что отгрузил всёлежащее в телеге лишнее железо прямо в руки охнувшему и посиневшему от натуги, отнекивающемуся старосте.

— Пошёл это... Налаживать связь с местным населением. Во! — произнёс Павел, кидая очередной кусок мяса малышу Вали. Малыш Вали от количества съеденного уже едва шевелился и напоминал собой надутую через соломинку лягушку, но всё же нашёл в себе силы открыть пасть и проглотить новую порцию.

— Слова-то у вас всё мудрёные. Сразу видно, что городские вы. Так бы и сказал, что девок мять собрался, — пробурчал староста. — Главное, чтобы он к кузнецу нашему не наведалься. Дочки-то у него уже спелые, да мужик он суровый. Может и погорячиться. Как бы беды не случилось какой.

— Не переживай, Митрон. Ему на пользу только пойдёт, — хмыкнул сидящий рядом Мишико. — Папа, ты, надеюсь, не забыл, что нам ещё предстоят занятия?

— Сейчас?! — Павел от этой новости, кажется, даже протрезвел.

— Самое время, ученик, — улыбка паладина не предвещала Иванычу ничего хорошего, — самое время.

— Может, завтра, — пробубнил ошарашенный новостью Павел, после чего резко схватил стоящую на столе деревянную перечницу и, сыпанув её содержимым паладину в лицо, рыбкой нырнул в открытое окно.

— Не так быстро, ученик! — расхохотался Мишико, держа стальной хваткой начинающего мага за лодыжку. — Но задумка была неплоха. Не хватило скорости. Сейчас мы это будем исправлять!

— Ферьмо... — прошипел сквозь разбитые о подоконник губы ученик.

— Пойду и я, пожалуй, — вытаращив глаза, произнёс Митрон, вставая и направляясь вдоль стенки в сторону выхода. — Дома-то, поди, заждались уже.

— Ага, — отстранённо произнёс паладин и, повернувшись к старосте, взглянул ему в глаза и протянул руку. — И, да. Спасибо тебе!

Староста молча кивнул и пожал протянутую ладонь. Следом он развернулся и, шатаясь, как колосок на летнем ветру, с грацией беременной слонихи побрёл к себе домой. Комната погрузилась в зловещую тишину, нарушаемую лишь всхлипами Иваныча да скрежетом когтей малыша Вали, который, едва доставая лапами до пола, пытался втащить свою перекормленную тушу под лавку. На всякий случай.

— Где же тебя так людей мордовать-то научили, Мишико? — Иваныч медленно приходил в себя после тренировки, лёжа на полу ещё не совсем остывшей бани. Периодически его окатывал водой прямо из ведра весело фыркающий блондин, смывая кровь и пот с постанывающего ученика. После стандартной двухчасовой разминки паладин провёл учебный спарринг с едва держащимся на ногах Иванычем. За десяток минут он успел знатно отметелить Павла, пытаясь показать тому несколько защитных стоек, тут же проверяя пудовыми кулаками усвоение теоретического материала. Нужно ли говорить, что вяло соображающий после разминки ученик не запомнил ничего из показанного и даже уже не пытался сообразить, за что его так славно месят.

— Кузница Творца. Там, — Мишико неопределённо указал рукой, — далеко на севере, среди снега, вечного холода и бескрайних льдов, в краю, где месяцами не видно солнца, одиноко стоит монастырь. В нём я прожил семь лет. В нём я стал тем, кто я есть. Кем был.

— Был? — недоумённо спросил Иваныч.

— Я был Мишико Молотом. Паладином Создателя нашего, — помрачнел паладин, — и я нарушил Устав.

— Да, да, да, — протянул сияющий, как кот, который нашёл кадку, полную сметаны, вошедший демонолог. — Кто ещё не слышал эту душещипательную историю Мишико Молота, Паладина Создателя. Скоро уже даже самый заваливающий бард в дремучем лесном углу будет исполнять эту балладу ради пары монет для опохмелки. Мишико и Нария. Молот и Искра. Гроза Сурийских врат и всего континента. Страшный сон ковена забвения. Скольких ты укокошил, Миш?

— Понятия не имею, — не поднимая взгляда от пола, ответил паладин. — И не трогай, пожалуйста, её.

— Мда, — Вел уселся на лавку рядом с лежащим на полу Иванычем. — Тебе нужно отвлечься, Миш. Раз-ве-ять-ся! Ты это понимаешь?

Паладин в ответ лишь побурел да стиснул челюсти до зубного скрежета и резко вышел из парной.

— Я уже, кажется, второй раз об этом слышу, — после затянувшейся паузы Павел поднялся с пола и сел рядом с демонологом. — Кто такие паладины, Вел? И что за история случилась с Мишико? Я же вижу, как он остро реагирует на эти вопросы.

— Воины Создателя, — задумчиво ответил мастер тьмы. — Можешь считать их лучшими бойцами из всей церковной шайки. Я бы даже сказал, единственными настоящими бойцами. Это, по сути, очень закрытый орден, практикующий весьма интересные техники Искусства. О них мало что известно. Паладины всегда на передке. Всегда на острие атаки. И они всегда выполняют поставленную задачу. Мишико, пожалуй, был лучшим из них. Или, быть может, сильнее была Искра. Хотя их невозможно было сравнивать.

— Кто такая Искра? — спросил Павел.

— Нария, — демонолог грустно улыбнулся. — Мишико называл её половиной своей души. Она была прекрасна. Нежная, как первый весенний цветок, робко пробивающийся сквозь грязный снег. Но внутри неё бушевала раскалённая сталь. Они всегда были

неразлучны. Ещё с Кузницы Творца. Лучшие в выпуске. И всегда вместе. И в жизни, и в бою. Разделяли пополам и жизненные радости, и ратные подвиги, и кровавые горести. Они даже разработали собственную технику ведения боя, в которой могли дополнять друг друга максимально эффективно. О да! Его огромный молот и её испепеляющий свет сносили всех на своём пути. И они никогда не разлучались. Почти никогда.

— Почти, — Иваныч понял, что ничем хорошим эта история не закончится.

— Верно, — кивнул Вел. — В тот злополучный день её вызвали к приехавшей важной шишке из церковных верхов, а его отправили в дикие леса на поимку очередного тёмного мага из ковена. Мага он-таки выловил, хотя в одиночку это было совсем не легко. Но спустя два дня уже лишь в часе пути от крепости, что носила имя Сурийские Врата, возвращающегося с добычей Мишико встретил верный ему человек и посоветовал в оплоте церкви не появляться. На вопрос паладина о супруге, тот лишь сокрушённо покачал головой.

— И Мишико ушёл? — подобрался Иваныч.

— Ушёл? О нет! Ты, видимо, плохо знаешь этого дуболома! — хохотнул демонолог. — Он предложил пленённому тёмному сделку — свободу и жизнь в обмен на помощь. Помощь в одной из самых безрассудных затей этого мира. Он предложил ему штурм, пожалуй, самой неприступной крепости востока. Крепости, которая веками была кошмаром и самой вожделенной целью ковена. Это было верной смертью.

— И этот тёмный согласился? Перспективу ты обрисовал не самую радужную, — удивился Павел.

— Как видишь, — демонолог встал и театрально поклонился.

— Постой, — ошарашенно взглянул на собеседника Иваныч. — Так это был ты? Я почему-то считал, что вы давнишние друзья. Я думал, что ты тоже из церковников.

Вел лишь рассмеялся и поднял вверх руку, обнажая небольшую татуировку на внутренней стороне плеча. Вглядевшись в искусно нанесённый рисунок, Павел рассмотрел уже знакомый ему знак бесконечности. Вот только он был обвит колючими ветвями терновника, с длинных игл которого стекали крупные капли красной крови. Над знаком был изображён человек, сжигаемый заживо на костре.

— Что она обозначает? — спросил Павел.

— Что церковь слишком зажилась в этом мире. Даже Создатель отвернулся от них. Но они продолжают тиранить народ, сея лишь горе, боль и смерть. Какое право имеют они решать, жить человеку или умереть ему в муках? Знаешь, чем они руководствуются, отправляя молодую девушку на костёр? Нет? Слухами и сплетнями! И тем, может ли семейство жертвы заплатить откупные! И если не заплатит, то её сначала попользует инквизитор. Спустя пару дней, когда она ему надоест, он отдаст ненужную игрушку своим подчинённым. Те наиграются с ней и через недельку отдадут её рядовым братьям, где она будет просто мясом для развлечений у нескольких десятков человек! И потом её истерзанное тело сожгут! Заживо! За, мать их, грехи! Какие грехи могут быть у пятнадцатилетней девчонки?! А?! Скажи мне! — уже кричал в лицо Павлу мастер тьмы с вздувшимися венами на лбу и налившимися дурной кровью глазами.

— Вел! — рявкнул вернувшийся паладин, протягивая демонологу бутылку с вином. — Ты же знаешь, свершившегося не вернуть!

— Знаю, — глухо произнёс Вел, принимая вино. — Лучше бы не знал. Дерьмо!

— Кем она была? — сипло спросил Иваныч.

— Дочь, — ответил за демонолога Мишико.

— Извини. У меня тоже есть дочь. Где-то там. А я здесь, — тихо произнёс Павел, борясь с сопящими комьями воспоминаний, что застряли в горле.

— Дерьмо, — односложно высказался Вел, передавая бутылку Павлу. — В общем, нам удалось. Мы прошли по грани, но взяли эту демонову крепость! Хотя, как по мне, было бы лучше, сложи мы там головы.

— Настолько всё хреново? — уточнил Иваныч, передавая бутылку паладину.

— О да! Слишком большой гнойник мы вскрыли. Даже я не ожидал увидеть столько смердящего дерьма, приправленного серыми и коричневыми рясами, — ответил начинающий остывать демонолог.

— А что случилось с Нарией? — спросил Павел.

— Дерьмо, — ответил паладин. — Когда я выдавливал глаза смотрителю крепости, он сказал мне лишь то, что ей заблокировал дар и увёз старший инквизитор Золен Рейнс. Большого я из него вытрясти не смог. На его поиски мы потратили два грёбаных месяца! И опоздали! Я опоздал! Опоздал лишь на несколько дней!

— Она была в Соколином оплоте? — догадался Павел.

— Да! И то, что там с ней сделали... — голос Мишико дрогнул. — Я доберусь до этой твари. И у нас будет долгая, неспешная и содержательная беседа.

Повисшую в уже холодной бане тишину нарушил истошный женский визг. И судя по нарастающей громкости, источник визга быстро приближался к ним.

— Вел, ты с кем там контакты налаживал? — удивлённо спросил паладин.

— Ты же знаешь, что я не терплю насилия. Всё только по большой и незамутнённой любви! — мастер тьмы был удивлён не меньше.

— Пойдём посмотрим на результаты проявлений твоих чистых и незамутнённых чувств, — вздохнув, скомандовал паладин.

И троица решительно поднялась и направилась к выходу.

Стоило компании выйти во двор, как тут же мимо них пронёсся заливисто визжащий снаряд и скрылся в их временном жилище, громко захлопнув за собой дверь. В снаряде Иваныч опознал давешнюю девушку, что остановила на нём свой задумчивый взгляд, когда забирала с подругой у путников грязную одежду.

— Ве-е-ел? — вопросительно протянул Мишико.

— Да я её второй раз в жизни вижу, Миш! — начал оправдываться демонолог. К слову, он тоже был изумлён происходящим.

— Стой, грешница! Стой! Ты всё равно от меня не спрячешься! Папочка Гримми тебя всё равно найдёт! Я обещаю, что тебе даже понравится! — во двор ввалился запыхавшийся упитанный монах с уродливой волосатой бородавкой на щеке.

— А ну, брысь, чернь! Именем Создателя, на колени! — пробасил монах, заведя трёх мужчин, стоящих практически в исподнем, и даже сурово топнул ногой в знак серьёзности своих намерений. — Доставьте сюда скрывающуюся в этом доме деву! Немедленно!

— Откуда здесь это дерьмо? — недоумённо спросил Мишико.

Раздался чуть слышный хлопок, и демонолог оказался за спиной у миглом вспотевшего человека в рясе.

— Ты откуда, дерьмо? — вкрадчиво спросил Вел, положив подбородок на крепкое плечо вошедшего.

— А? — переспросил монах.

— Не расслышал? Это всё от недостатка гигиены! Вечно вы церковники пренебрегаете мытьём. Ухи хоть иногда нужно чистить, — проворковал Вел и, отпрянув от крепкой спины и широко разведя руки в стороны, резко ударил ладонями по мясистым монашьям ушам.

Любитель дев ухнул, схватился за уши и, рухнув на колени, тихо заскулил. Спустя несколько секунд скулёж перешёл в утробное бульканье. Глаза стоящего на коленях почернели и лопнули, словно две перезрелые черешни. По щекам обмякшего и рухнувшего в траву тела потекла чёрная, густая, как смола, кровь.

— Собираемся! Быстро! — скомандовал паладин, и троица похватила ещё влажную, развешенную во дворе одежду и поспешила в дом.

Сборы действительно были скорыми. Нужно отдать должное паладину, он оказался прекрасным управленцем и лидером. Мишико с лёгкостью мог организовать выполнение любой задачи, произнеся лишь несколько коротких фраз. И каждый в разношёрстной компании знал, за что он отвечает. Задачи, поставленные паладином, выполнялись по-армейски споро, чётко и рационально. Весь немногочисленный скарб был мгновенно собран, рассортирован, разложен по сумкам и закинут в уже ставшую такой родной и уютной телегу. Повозиться довелось лишь с малышом Вали, которого так и не удалось добудиться. Пришлось демонологу аккуратно выдрать его из-под лавки за заднюю лапу и столь же аккуратным движением запустить спящей жабой в телегу. Сами же господа маги вооружились и тихо и неспешно вышли со двора на залитую лунным светом улицу, оставаясь в тени раскидистого дерева у ворот.

В деревне было шумно. Отовсюду доносились крики, испуганные вопли и грозные окрики. Павел уже догадывался, к чему приведёт эта нарастающая какофония. Ничего хорошего жителям села эти звуки не сулили.

На небольшой площади у дома старосты собралась многочисленная и шумная гомонящая толпа. В неверном свете факелов, которые держали пришедшие, приглядевшись, можно было увидеть, что облачены они были в уже надоевшие Павлу серые рясы.

— Больше двадцати. Только тут. Сколько же вас ещё расплодилось по селу? В таком отряде непременно должны быть маги, — задумчиво произнёс паладин. — Определённо есть!

Свет факелов сместился и сконцентрировался ближе к вымощенному на площади знаку бесконечности, и в освещённое пятно втокнули старика из местных. Старик не удержался на ногах и рухнул на землю, подняв облако пыли. К нему из толпы монахов неспешно вышел высокий, широкоплечий человек в стальном, окрашенном белой эмалью латном доспехе, без шлема.

— Именем церкви! На колени! — раскатился над селом его зычный голос.

— О! И братец твой тут нарисовался! — ехидно сказал мастер тьмы, на что паладин лишь раздражённо цыкнул зубом.

Старик тем временем спешно поднялся на ноги и тут же бухнулся на колени, склонив голову и осенив себя знаком Создателя.

— Где живёт староста, червь? — так же зычно спросил человек в доспехе.

Старик указал дрожащей рукой на дом Митрона и тут же рухнул обратно в пыль от мощной пощёчины, полученной от паладина в доспехах. После падения старик даже не попытался встать, едва шевелясь на земле. Воин в белом доспехе на него уже не смотрел. Он неспешно развернулся и отправился в направлении, указанном стариком.

— Именем Церкви! — проревел паладин в доспехе и нанёс сильный удар ногой в крепкие деревянные ворота. Удар, от которого мощная деревянная конструкция содрогнулась и застонала, скрипя расщепляемыми древесными волокнами. Удар слишком сильный для обычного человека.

— Именем Церкви! — новый возглас пронёсся над селом. И новый удар сотряс ворота. Деревянные створки заскрипели и задрезжали ещё сильнее. Одна из створок перекосилась. Павлу показалось, что, перед тем как нанести удар, паладина на миг окутал белый свет.

— Пац, сейчас самое время продолжить занятия, — буднично произнёс блондин.

— Может, сейчас не самый удачный момент? — недоумённо спросил Павел.

— Самое оно, ученик! — хищно улыбнулся Мишико. — Самое оно!

— Слушаю, — внимательно посмотрел на блондина Иваныч. Он уже узнавал этот безумный блеск в глазах паладина. Перечить смысла не было. Куда проще было согласиться.

— Вел, готовься! Зови друзей, — повернулся к демонологу Мишико. — Павел начнёт, ты подхватываешь. Я замыкаю.

— О да! — широко оскалился мастер тьмы. — Чему учить будешь?

— "Небесному столпу", — это казалось невозможным, но паладин улыбнулся ещё шире.

— О-о-о! — закатил глаза в экстазе Вел. — На полную катушку?

— Пока на полшишечки, — ответил ему Мишико. — Мы не знаем его реального объёма.

— Да-а-а, — мастер тьмы даже задрожал от предвкушения. — Ладно, пора начинать веселье.

Демонолог отошёл от них метров на пять, достал нож и начертил им на земле круг. Следом он сделал небольшой надрез на запястье и уронил на линию круга несколько капель собственной крови. Рисунок едва засветился багровым. Удовлетворённо кивнув, Вел начал

быстрыми и выверенными движениями выводил внутри круга сложный, витиеватый узор, что тут же начинал излучать мягкий багровый свет. Павел не мог оторвать взгляда от искусной работы его тёмного товарища.

— Отворись! — голос человека в белом доспехе был подобен раскатам грома. Третьего таранного удара многострадальное сооружение из крепкой древесины не выдержало. Одна из створок ворот брызнула в стороны шrapнелю из щепок и медленно рухнула во двор старосты Старых Дубков, подняв непроглядное облако пыли.

— Смотри, — привлёк к себе внимание Павла паладин, — Это щит. Один из самых простых, но его должно хватить. применишь его сразу после Столпа.

— После чего? — Иваныч как ни старался, пока не мог понять, чего от него хотят.

— Не перебивай! — в спокойном приглушённом шёпоте Мишико проявилось что-то, от чего начинающего мага пробрало до печёнок, и он лишь часто закивал головой в ответ.

— Отлично! Смотри сюда, — паладин указал глазами на землю и принялся чертить на ней ножом фигуру.

— Куб, вписанный в усечённый конус, — описал увиденное Иваныч и в точности повторил рисунок за Мишико.

— Странное название, но всё верно, — произнёс блондин, разглядывая работу Павла. — Пропорции именно те, которые нужны. Сможешь повторить у себя в голове?

— Легко, — ответил Иваныч. — На сколько его необходимо заполнить?

— Хватит и пятой части, — немного поразмыслив, сказал Мишико. — Заполняешь силой только фигуру внутри. "Солнечный кокон" защитит тебя как от физических атак, так и от магии среднего пошиба. Больше мы вряд ли тут увидим. Главное, держи его после активации! И не вздумай рассеять! И ничего не бойся. Мы рядом. Понятно?

Иваныч снова часто закивал. И мельком посмотрел на площадь, где староста Митрон спешно приближался к расслабленно стоящему прямо на знаке Создателя паладину в белом доспехе.

Мишико коротко ткнул кулаком Павла в плечо, привлекая его внимание к новому рисунку на земле.

— Хм... — взгляделся в нарисованную фигуру Иваныч. — Параллелепипед, вписанный в шестигранную пирамиду, и всё это в шаре. Сейчас.

— Отлично! — просветлел лицом паладин, осмотрев созданный учеником рисунок. — Просто отлично. Сможешь?

— Да, — уверенно ответил Павел. — Наполовину? Заполняю только внутреннюю фигуру?

— Наполовину, — кивнул Мишико. — Внутреннюю. Дальше сам увидишь. Но есть нюанс.

— Думаю, что есть проблемы с активацией? Это из-за того, что заклинание атакующее? — предположил Иваныч.

— Да, — подтвердил паладин. — Как ты думаешь, если ты его накачаешь силой над собственной ладонью, куда оно ударит?

— В меня? — догадался ученик.

— Точно! — улыбнулся блондин. — Сможешь мысленно создать конструкт среди моих бывших братьев? Желательно в самой гуще.

— Сложно. Они постоянно мельтешат, как муравьи. Не могу на ком-то сконцентрироваться, — посмотрев на площадь, ответил Павел.

— Когда целей много, выбирай нужную тебе точку на местности. Просто выбери приметное место на земле. Это может быть что угодно: камень, куст, ямка, бугорок, чей-то труп, в конце концов. Представь, что там никого нет, и просто сконцентрируй своё внимание на том, что выбрал. Главное, чтобы эта точка была максимально близко к нужному тебе месту, — спокойным, тихим шёпотом произнёс Мишико.

— Понял, — кивнул Иваныч и снова посмотрел на гудящую толпу. — Готово.

— Хорошо, — паладин тоже всмотрелся в происходящее на площади. — Когда скажу, начинай. И не забудь про "Солнечный кокон"! Вел?

— Почти, — донёлся тихий и напряжённый голос мастера тьмы.

— Скажешь, когда будешь готов, — не оборачиваясь, скомандовал Мишико. — Выждем момент, когда они отпустят Митрона, и начнём, с позволения Создателя.

— Ты стал сентиментален. Стареешь? — Вел даже во время кропотливой работы не мог удержаться от шпильки.

— Всегда плати добром за добро, старый ты хрыч, — серьёзным тоном произнёс паладин.

— А на зло отвечай злом во сто крат, — тихо произнёс Павел и, поймав на себе удивлённый взгляд Мишико, лишь пожал плечами в ответ. — Не помню, откуда это взялось у меня в голове.

О чём говорили на площади, было не разобрать. Все слова терялись в общем гомоне толпы служителей церкви. Лишь слышался тихий, спокойный речетатив, что затянул блондин, сидящий с ним рядом. Павел не разобрал слов в тихом непрерывном шёпоте паладина, но ритм и строение фраз говорили о том, что тот произносил молитву. Тихо. Очень тихо. Практически про себя. В то же время паладин не отрывал взгляда от происходящего на площади. А там, уперев руки в бока, человек в белых доспехах что-то упорно втолковывал старосте.

— В последний раз спрашиваю! Признаёшь ли ты власть светлой церкви и светлого префекта господина Золен Рейнса над собой? — взвился пришлый паладин.

— Я верен лишь Создателю, князю да собственной совести, — покачал головой староста.

Лицо человека в белом доспехе перекосила судорога от сильной вспышки клочущего гнева, и он нанёс удар ногой прямо старосте в грудь. Удар сильный. Ничуть не слабее, чем бил ранее по воротам. Митрон от удара пролетел метров десять, да ещё столько же прокатился по освещённой лунным светом дороге, пока не замер в пыли изломанной куклой.

— Ублюдок! — выдохнул Иваныч и сжал кулаки до хруста в костяшках пальцев.

— Ве-е-ел? — протянул побелевший паладин.

— Начинаем! — отрапортовал демонолог и, сделав надрез на запястье левой руки, принялся размазывать выступившую кровь по правой ладони. Когда ладонь вся выпачкалась в крови, он резким движением припечатал окровавленную ладонь к получившемуся рисунку и сказал несколько слов на шипящем, незнакомом Павлу языке.

— Паша, твой выход! — вскочив, скомандовал Мишико и ловким движением извлёк огромный двуручник из ножен, закреплённых за спиной. Тяжеленный кусок остро заточенной стали с гудением разорвал воздух в нескольких сантиметрах от лица Иваныча.

— Давай, жги! — донёлся до Павла подбадривающий голос мастера тьмы.

— Руэ-э-э! — издал грозный клич выскочивший со двора приютившего их дома малыш Вали.

— Хра-а-а! — низко и утробно прохрипело что-то за спиной.

— Поехали, — выдохнул начинающий маг.

— За всё нужно платить, — тихо произнёс Золен Рейнс, разглядывая большую, безобразную, сочащуюся белёсым гноем и сукровицей язву на собственном предплечье, — ведь так, Август?

Сидящий напротив него человек, скрытый просторной рясой, коротко кивнул, не сводя своих янтарных глаз, изредка загоравшихся во тьме провала капюшона, со старшего инквизитора. Золен Рейнс же с высоты башни Соколиного оплота, находясь на её обзорной площадке, любовался городом, который был залит прекрасным летним лунным светом, придававшим городу шарма и некой таинственности. Золен Рейнс любовался своим городом. Теперь целиком своим без всяких оговорок. А ещё старший инквизитор неспешно пил так полюбившееся ему местное вино, сделанное в западной провинции княжества Тай. Точнее, уже бывшего княжества. И осознание этого факта грело душу старика куда больше, чем вино и прекрасный вид на ночной город.

— О да, Август! — скрипуче расхохотался Золен. — Цену силе ты знаешь, как никто другой!

Август промолчал, продолжая сидеть неподвижным истуканом.

— Восток и юг нашей зарождающейся префектуры уже очищены полностью. Осталось лишь провести локальные зачистки в небольших поселениях. На западе со скрипом, но дело тоже движется, — внезапно прекратив смеяться, серьёзным тоном продолжил старший инквизитор. — А вот с севером проблемы. Регион представляет собой сеть из шести достаточно крупных городов, которые являются крепкими крепостями времён имперских войн эпохи Заката. И крепости эти теперь для нас подобны кости в горле. Для обычного штурма нам просто не хватит сил, но и осада тоже не подходит, так как города перекрывают собой все основные дороги. Мне понадобится твоя помощь в тех краях. Отправишься уже завтра. Внизу тебя ждёт отец Кристоф, он введёт тебя в курс дела. Долго там не возись, ты мне будешь нужен здесь. Понятно?

Август коротко кивнул и поднялся, собираясь покинуть обзорную площадку.

— Подожди, — окликнул его Золен, — это ещё не всё.

Старший инквизитор позвонил в колокольчик, наблюдая за тем, как его собеседник садится на своё место.

— Принесите находку и эту падаль, — приказал инквизитор вошедшему служащему.

Август неподвижно сидел напротив Золена в ожидании, снова уставившись чёрной пустотой капюшона на инквизитора.

— Кстати, как там поживает наш друг светлейший князь? Удалось выйти на его след? — задал вопрос Золен Рейнс и, дождавшись утвердительного кивка, продолжил. — У гниды оказалась удивительная чуйка! Так быстро сделать ноги из родного княжества в тот момент, когда всё ещё только начиналось, — это, определённо, талант! Надеюсь, он в скором времени почтит нас своим посещением?

Снова короткий кивок.

— Ну и чудесно, — ухмыльнулся Золен Рейнс и, приложившись к бутылке с вином, продолжил разглядывать ночной город.

Спустя некоторое время из двери, которая вела на обзорную площадку, вышли два крепких монаха, нёсших тяжёлую ношу. Ношей оказался связанный по рукам человек. Он был нагим, и на нём не было живого места. Всё его тело покрывали многочисленные ожоги, гематомы и порезы. Обе ноги были неестественно вывернуты. На правой руке отсутствовала кожа, начиная от правого локтя и заканчивая кончиками пальцев. Часть щеки была срезана с лица, обнажая оскал гнилых зубов. Монахи, с молчаливого одобрения инквизитора, бросили свой груз к ногам Золен, коротко поклонились и вышли, чуть не столкнувшись с третьим монахом, который нёс на башню огромный боевой молот. Молот лёг рядом со связанным человеком.

— Узнаёшь? — произнёс Золен Рейнс, указав кивком головы на молот.

Во тьме капюшона блеснули янтарные глаза, и Август бесшумно поднялся и, столь же бесшумно подойдя к оружию, присел на каменный пол. Разглядывая молот, Август настолько приблизил к нему голову, что, казалось, будто он обнюхивает оружие. Он внимательно оглядел длинную, больше половины человеческого роста стальную рукоять, обтянутую в местах хвата затёртой до блеска кожей. Следом не менее пристально изучил массивное навершие, что носило на себе многочисленные опалины и царапины. На боковой стороне навершия была выгравирована надпись: "Лишь воля Его раздует Искру в ревущее пламя...". Под надписью находились лебединые обломанные крылья, лежавшие на знаке Создателя, растеряв несколько перьев. Август медленно коснулся надписи задрожавшими чёрными пальцами и резко одёрнул руку, словно молот был раскалён докрасна.

— Узнаёшь, — констатировал, расплывшись в широкой улыбке, Золен Рейнс. — Не можешь не узнать. Даже я понял, чья это железка, хотя видел её всего дважды.

Август поднялся и, склонив голову набок, посмотрел на инквизитора.

— Откуда он тут? — поднял бровь инквизитор. — О! Это крайне интересная история. Понимаю твой интерес и не буду тебя разочаровывать. Мишико, вероятнее всего, жив. И он здесь, в нашей префектуре. В моей префектуре. Более того, он был здесь. В подвалах Соколиного Оплота! А эту безделушку просто кинули в общую кучу оружия в одном из хранилищ. И теперь я, кажется, понимаю, что за нападение тогда произошло. Этому упёртому отступнику всё же удалось найти кровавый след своей ненаглядной. Вот только непонятно, почему он оставил тут свою игрушку. Насколько мне известно, он с ней редко расставался. А я ещё грешил на жирного увальня... Ничтожество даже на это оказался не способен! Но что ни делается, всё к лучшему! Так ведь, Август?

Август продолжал неподвижно смотреть на старшего инквизитора.

— Хочешь узнать, как это произошло? — продолжил монолог Золен Рейнс. — Да пожалуйста! Видишь тот кусок дерьма? Так вот он вместе с покойным ныне Рихардом и ещё парой идиотов решил подзаработать деньжат! И наладил прямо тут, в Оплоде, своё небольшое, но прибыльное дело. Эти недоумки за приличное вознаграждение в тёмную подпитывали артефакты от пленников с даром. При этом, как ты понимаешь, пленники проходили по учёту как обычные, никому не нужные бродяги. Я даже представить не могу, сколько таких неучтённых магов прошло через их руки! Десятки? Сотни?!

Инквизитор вскочил и нанёс ногой сильный удар в пах связанному человеку.

— Как же жаль, что старина Рихард погиб в тех завалах! — хрипло произнёс Золен. — Он ушёл от меня слишком легко! Слишком! Дери его демоны! Легко!

На лежащего со связанными руками человека обрушился целый град ударов от взбешённого инквизитора. Но пленник практически не реагировал на удары. Он уже не

шевелился, только лишь глухо и протяжно стонал, принимая своим телом удар за ударом.

— Возможно, он не один, — немного отдышавшись, спокойно продолжил старший инквизитор. — Я бы даже сказал, что наверняка не один. Нам не удалось найти еще трёх пленников. Одного из них привели вместе с Молотом, так что он будет с ним. Кто он такой, неизвестно. Возможно, но это не точно, с ними будет ещё щенок с неплохим резервом. Пользоваться им он не умеет, так что пацан безопасен. Теперь ты понимаешь, почему я попросил тебя не задерживаться на севере? Из той информации, что я узнал про этого отступника, понятно только то, что он может стать большой занозой в нашей заднице. Особенно сейчас! И он точно будет искать свою жёнушку. Он всегда идёт до конца. Но идёт всегда напролом. Вот тут можно его и подловить! В общем, ты мне будешь нужен здесь.

Август коротко кивнул, так и не поднявшись с каменного пола.

— И да, — отпив вина, Золен Рейнс подошёл к парапету, — щенок, если он с ним, мне нужен живым. Молота бы тоже взять. Хоть и понимаю, что это трудновыполнимо. Но попробовать всё же стоит. Если не получится, то...

Старик ловким движением бросил чёрный шарик Августу. Человек, скрытый рясой, столь же ловким и быстрым движением его поймал.

— Как то же он оказался у этих дебилов! — в сердцах воскликнул Золен, поднимаясь и с силой пиная связанного, находившегося уже в предсмертной агонии.

— Про третьего из их компашки ничего не знаю. Решишь по обстоятельствам, — успокоившись, произнёс Золен. — Всё! Выполняй.

Старший инквизитор с лёгкостью подобрал тяжёлый боевой молот и покинул башню. Оставшийся на полу Август повернул голову к умирающему, и в непроглядной тьме капюшона загорелась пара бледно-зелёных огоньков, которые начали источать мёртвенно-белёсый дым, стекавший по скрытому рясой от посторонних глаз лицу тонкой струйкой на пленника, обволакивая его тело зеленоватым коконом. Связанный человек захрипел и засучил по камню площадки переломанными в нескольких местах ногами.

Когда Август покинул башню, на смотровой площадке осталась лежать лишь верёвка, которой ещё недавно были туго стянуты руки неудавшегося торговца магической энергией.

— Поехали, — выдохнул начинающий маг.

За спиной Иванныча что-то тихо хлопало, чавкало, щёлкало и хрипело. И все эти звуки раздавались одновременно, сбивая с мыслей и заставляя обернуться. Но сердитое сопение паладина вместе с обернувшимися на боевой рык малыша Вали монахами вернули мысли Павла в нужное русло. Он сосредоточился на выложенном из камня знаке создателя и представил необходимый конструкт прямо в его центре, прямо у ног паладина в белом доспехе. Заполнив его наполовину, Иванныч почувствовал лёгкое жжение в левой половине головы.

— Держи! Держи! Держи! — сдавленным шёпотом повторял паладин, глядя куда-то вверх.

Жжение в голове Павла с каждым ударом сердца кратно усиливалось, превращаясь в бушующий пожар. Сильно пекло шею. Иваннычу даже почудилось, что запахло жжёным мясом. Но он терпел. И держал в своей голове эту демонову фигуру. Павел и не думал, что это окажется настолько трудно и болезненно! Но вот спустя еще несколько секунд, которые показались начинающему магу бесконечно долгими, энергия из куба внутри конструкта начала медленно растекаться по всей фигуре, заполняя её ровным белым светом. И пришла эйфория. Лёгкость и полная ясность в голове смывали всё тёмное и ненужное. Хотелось улыбаться. Боль в голове начала утихать, но шею всё ещё жгло нещадно.

— Щит! — хлопнул Павла по плечу Мишико, разглядывая ночное небо.

А там было на что посмотреть. Над селом сгущались тучи. Буквально. Начиная от площади, над поселением, медленно разрастаясь вширь, водили неспешный хоровод грузные, налитые свинцом тучи.

— Надо было на четверть... А то и на пятую часть, — не отрывал от ночного неба своего взгляда демонолог. — Мать!

— Щиты! — уже не таясь, рывкнул паладин, и тут же был окутан прозрачным коконом.

Последовал его совету и Павел, применив показанный паладином конструкт. Миг, и звуки стали приглушёнными, а зрению будто мешала прозрачная плёнка, делая мир чуть менее чётким. Через несколько секунд Иванныч уже пробовал одновременно держать активированным заклинание и осматриваться по сторонам, благо в этом вопросе ему помогли тренировки с паладином.

Раздался сначала тихий, но ежесекундно нарастающий и берущий с каждым мгновением всё более высокую ноту звон. Будто кто-то на небесах ударил по гитарной струне и, пока она звенит, неспешно подтягивает колокол, натягивая резонирующую жилу до предела. И это напряжение ощущалось физически.

Качнувшаяся было к троице толпа остановилась. Все без исключения смотрели наверх. Некоторые начали падать на землю, закрывая уши руками. Первым среагировал паладин в белом доспехе. Присев, он накинул на себя щит. Его примеру тут же последовали ещё несколько монахов, начавших слегка светиться. И лишь один попытался защитит не обладающих даром братьев, создав голубоватую полусферу диаметром в пару-тройку метров.

Мимо Павла пролетел малыш Вали, огромными прыжками ринувшийся в сторону служителей церкви. Иванныч наконец позволил себе на мгновение оглянуться и тут же об этом крепко пожалел. Позади стоял в напряжённой позе источающий густой чёрный дым

Вел, а рядом с ним огромная, покрытая бурой слизью и алой кровью многоножка с десятками сегментированных лап и внушительными жвалами, закрывающими немалых размеров пасть с доброй сотней мелких зубов. Вместо хитиновых пластин тело насекомого защищали сросшиеся воедино человеческие грудные клетки. Тварь приподняла половину покрытого острыми шипами тела вверх и обнюхивала воздух длинными усами.

— Ты куда меня привёл, смертный?! — у многоножки оказался на диво тонкий, пищущий голосок.

— Доплачу, — сквозь чадающий щит голос Вела было сложно узнать.

— Договор! — тонко пропищала тварь, и свернулась клубком, превратившись в большой костяной, покрытый острыми шипами шар.

БАМ!

Нарастающее напряжение достигло своего апогея, и с оглушающим лязгом лопнувшей струны на площадь Старых Дубков обрушился ревущий от бушующей внутри энергии столп света, взметая вверх огромные комья земли и камни вперемешку с оторванными, рассыпающимися пеплом телами и конечностями. Мгновением позже раздался взрыв.

В Павла прилетело чем-то тяжёлым и опрокинуло на землю, изрядно напугав и сбив с него “Солнечный кокон”. Что было непривычно, так это то что удара и боли он не почувствовал. Только лишь ощутимый толчок. Да и то, он вполне себе мог бы устоять, если бы всё не случилось столь неожиданно. А вот оглушило и дезориентировало Иваныча изрядно. Оказавшийся рядом Мишико резким рывком поднял начинающего мага над землей, бегло осмотрел вяло шевелящегося в воздухе ученика, и оторвал от груди Павла впившегося в свитер своими немалыми когтями малыша Вали. После чего паладин, отбросив жабу в сторону, с искажённым от гнева лицом начал что-то кричать Иванычу, но тот его совершенно не слышал.

Хрясь!

У Павла померкло в глазах от прилетевшей от блондина оплеухи. Зато включился звук, ворвавшись в мозг сумасшедшей какофонией. Где-то что то гремело, кругом стонали и орали от боли люди.

— Щит! Щит накинь, придурок! — орал паладин, тряся Иванычем как тряпкой в воздухе, — Я тебя на тренировках сгною, ученичёрк! Щит, дерьмодед! С таким потенциалом на тебе пахать нужно, а не ерундой заниматься! Щит!

Увидев понимание в глазах Павла, паладин бросил его на землю, и крутнув в воздухе огромным двуручником, широкими шагами помчался в сторону площади. Иваныч не долго думая, накинул щит. На всякий случай. За собственную жизнь он сейчас переживал не сильно, а вот разгневанный паладин его испугал до коликов. Внезапно мимо него прокатился кровавый костяной шар. Часть шипов отсутствовала, а на поверхности шара всюду были черные опалины. С одной стороны шара вырвало взрывом приличный кусок панциря из рёбер, что оставил после себя сочащуюся кровью и желтой жижей дыру. Знакомый тихий хлопок означал то, что Вел тоже ушёл туда, откуда доносятся стоны и крики, и кажется, где то там только что лязгнула сталь.

— Р-У-А! — раздался неподалёку грозный рык малыша Вали.

Павел повернул голову, и посмотрел в наливающиеся кровью жабы глаза. Этот взгляд не сулил противнику ничего хорошего. Болотистый рыгун отвернулся, и зарывав, снова ринулся в сторону служителей церкви.

— Да какого чёрта?! — воскликнул оставшийся в одиночестве Иваныч, после чего

подхватил лежащий рядом увесистый камень, и подняв его над головой, устремился в облако пыли, стоящее над теперь уже бывшей площадью Старых Дубков. Но щит он усердно продолжал держать. На всякий случай.

Ворвавшись на площадь, Мишико быстро оценил ситуацию. Его собрат в почерневшем от копоти доспехе, стоя на коленях и закрыв ладонями окровавленные уши, оглушенно тряс головой. В нескольких местах также наблюдалась вялая возня. Немногочисленные выжившие, подобно ожившим мертвецам, спешно пытались подняться, скидывая с себя комья земли и горы пепла. Тихо стонал тлеющий обрубок куда-то ползущего мага, что пытался накрыть своих испепеленных братьев защитным куполом.

Из ближайшего целого двора, на ходу поправляя рясу, с диким криком выбежал субтильный монах, но увидев творящееся на площади, моментально замолк, и круто развернувшись молча припустил в противоположном от места бойни направлении.

— Здравствуй, брат! — держа огромный меч горизонтально, на уровне глаз, громко произнёс блондин.

— А? — нужно отдать должное, человек в доспехе моментально выхватил оружие и принял защитную стойку, хотя его и слегка ещё пошатывало.

— Почему ты предал то, во что верил, брат? — столь же громко спросил Мишико.

— Умири! — хрипло выдохнул побагровевший от ярости паладин в некогда белом доспехе, выкладываясь в коротком, но сильном боковом ударе.

Звякнула сталь, и принявший на свой меч удар противника Мишико, зарывчав, закружился в танце смерти вовлекая в него своего собрата. Со стороны их движения казались лёгкими и грациозными. Стелющиеся шаги, переходили в красивые перекаты, что спасали от вспарывающей воздух заточенной стали. Противники то резко сближались, взрываясь градом ударов, то столь же резко разрывали дистанцию, застывая в защитных стойках, чтобы выбрать несколько мгновений отдыха, и вновь ринуться в молниеносную атаку. Звон стали слился в единую песню. Каждое соприкосновение их огромных мечей вызывало яркую вспышку, и высекало целую копну белых искр.

— Ты пошёл против воли Создателя, предатель! — тяжело дыша произнёс человек в доспехе, когда их мечи со скрежетом скрестились.

— Создатель бы этого точно не одобрил, — покачал головой Мишико, нанося неожиданный удар ногой в живот противника.

Ворвавшись на площадь Иваныч поначалу даже растерялся. Вместо ожидаемой встречи толпы врагов он увидел лишь истребление недобитков. Вот мимо с тихим шелестом прокатился кровавый мясной ёж, что собрал на свои костяные шипы с пяток трупов и пару ещё громко стонущих монахов. Вот в десятке метров дико хохочет Вел, отрезая почерневшую раздутую голову ещё живому церковнику. Вот грозно шипящая жаба принимая на себя белые вспышки, что стекали по её шкуре белесыми каплями, плюнула в лицо матерящегося монаха жёлтой слизью, и бросилась в атаку, вспарывая острыми когтями ему живот и вываливая его ещё тёплые кишки в покрытую пеплом землю. Вокруг стоял тяжёлый запах жжёного мяса и свежей крови. Ещё раз осмотрев площадь беглым взглядом, Иваныч уже привычным движением опустил камень на голову булькающему монаху, что лёжа на земле, дымил короткими огрызками своих ног.

Затихшие было звонкие звуки двух бьющихся друг об друга массивных железок возобновились, и Павел, закончив с приготовлением мозгового смузи и повернувшись на звук, невольно залюбовался поединком двух паладинов.

— Это невозможно, — тихо прошептал Иваныч, наблюдая за тем с какой скоростью, кажущейся лёгкостью и изяществом орудуют тяжеленными железяками два паладина.

Мишико как то на привале давал Иванычу в руки свой двуручник. И просто даже недолго подержать на вытянутых руках этот лом было очень трудно. То что сейчас делали паладины, было за гранью понимания бывшего физика.

Вдруг, Павел почувствовал лёгкий толчок в спину и усилившееся жжение в области шеи. Обернувшись, он увидел как с противоположной от их временно приютившего жилища стороны к месту бойни бегут трое в рясах. Один из них на миг приостановился, взмахнул руками, и снова толчок, но теперь уже в грудь, и чёртово усилившееся жжение. Наставления паладина Павел не забыл. Да такое и не так просто забыть.

Зарычав, Иваныч вскочил на ноги, и подхватив уже скользкий от крови камень помчался навстречу монахам, на бегу добавляя в щит ещё больше энергии. Забытый им длинный нож так и болтался в ножнах на поясе. Первое орудие убийства его родного мира было для Павла как-то привычнее.

Привычнее. Ещё лишь несколько дней назад, он и подумать не мог об убийстве себе подобного. Теперь же это действие не вызывало у бывшего педагога никаких эмоций. Ни жалости, ни раскаяния, ни брезгливости. Появлялась даже лёгкая удовлетворённость, будто после хорошо проделанной работы. Видимо, что-то действительно менялось в голове Иваныча, выкручивая эмпатию к себе подобным на минимум, напрочь лишая какой-либо рефлексии по этому поводу. И менялось стремительно.

Обо всём этом Павел подумал мимолётом, стремительно сближаясь с атаковавшей почему-то именно его, троицей. Ещё три лёгких толчка в грудь оповестили его о том, что противник не оставляет попыток пробить его щит какой-то магией. Какой? А демон его знает! У Павла было катастрофически мало знаний о чёртовой магии. Была только лишь монолитная уверенность в том, что просто тут не будет. Совсем не будет.

— А, черт! — сблизившись с противниками, Иваныч метнул камень в замахивающегося на него коротким мечом монаха, заставляя того уворачиваться от окровавленного снаряда.

И тут же бывшему физику пришлось падать на землю, пропуская над собой прогудевший в воздухе шипастый шар булавы. Прокатившись кувыркком по усеянной пеплом земле, он оказался за спинами служителей церкви, и когда те развернулись к юркому противнику, сделал единственное, что пришло ему в голову. Сбросив с себя кокон, Иваныч резко выбросил перед собой руку, и крепко зажмурившись, активировал светляк. На всю доступную ему мощность.

— А-а-а! — в унисон заорало трио монахов, бросая оружие, и закрывая руками глаза.

— Дерьмо-о-о! — раздался за их спинами отчаянный вопль мастера тьмы, — Опя-я-ять!

Павел же подхватил упавшую на землю булаву, и поднимаясь нанёс ей сильный боковой удар в голову одному из церковников. Острые шипы с хрустом и влажным чавканьем вошли в податливый череп. Монах молча начал заваливаться набок, увлекая за собой Иваныча, что не выпускал из рук предательски застрявшего в голове противника оружия. Но падающему телу было не суждено упасть.

— Брат Дори! Брат Дори! Я держу ублюдка! Держу его! — воскликнул один из монахов, схватив заваливающийся труп собрата за руку, и слепо пошарив рукой по складкам своей рясы, выудил оттуда небольшой нож. На спину многострадального тела тут же со скоростью швейной машины обрушился шквал ударов короткого узкого лезвия.

— У-и-и-и! — тонко завизжал брат Дори приподнявшись на цыпочки после того как к

нему со спины аккуратно подкатился костяной шар.

С тихим скрежетом костяных пластин шар раскрылся, являя миру уродливую многоножку, что принялась аккуратно изучать лицо брата Дори своими длинными усами, одновременно загоня остриё одной из своих лап ему в ягодицу, неспешно нанизывая его снизу-вверх.

Иванычу, наконец то удалось справиться с застрявшим в черепе монаха оружием, и он недолго думая нанёс ещё один размашистый удар булавой в темечко перфорирующему ножом спину собрата служителю церкви. Снова влажный хруст, и на землю упало уже два тела.

— У-и-и-и! — многоножка приподняла свою верещащую добычу над землёй, и недолго подумав откусила ей руку.

— Прямо сосиска на палочке, — фыркнул глядя на эту картину Павел, и быстро осмотрелся по сторонам.

Сосиска тем временем, потеряв и вторую руку начала громко хрипеть.

Снова обмен сериями молниеносных выпадов и уворотов, и снова противники отскочив друг от друга застыли в защитных стойках. У паладина в доспехе появилась глубокая борозда на нагруднике, и отсутствовал правый наплечник, обнажив кровоточащую плоть. А ещё он тяжело дышал, держа меч в начавших предательски подрагивать руках. Он устал.

А этот демонов голубоглазый блондин стоял напротив него и расслабленно улыбался. Он играл с ним. Осознание этого факта резануло бритвой по сознанию Марта, одного из сильнейших паладинов Соколиного оплота. Этот отступник ещё даже не начинал драться всерьёз! Дерьмо!

— Твоё имя, предатель? — слова с трудом проталкивались через пересохшую глотку Марта.

— Предатель? — удивлённо поднял бровь Мишико, — И кого же я предал? Ну же! Расскажи мне!

— Братьев!

— Вот как? — по лицу блондина пробежала судорога, — А напомни мне, братец, кому мы клялись служить?

— Создателю нашему, — машинально ответил Март.

— И в чём состоит наша служба?

— Оберегать рабов Его. Но...

— Но?! — глаза Мишико заблестели от накатившего прилива незамутнённой ярости, — Никаких "но" не существует! Мы лишь орудие в руках Его! Или ты забыл то, о чём клялся в Хладном чертоге, братец? А?! Кто дал вам право убивать тех, кого должны вы оберегать от тьмы и скверны?! Может местный староста имел отношение к ковену? Или быть может вы через насилие и кровь наставляете на путь ведущий к бескрайним садам Его?! Какого демона происходит, брат?!

— Ты не понимаешь! — хрипло ответил Март, — Он отвернулся от нас! И только на нас теперь лежит ответственность за это стадо баранов! Так лучше для них же! Посмотри! Местные правители лишь тупеют и жиреют в своих золотых особняках, ничуть не заботясь о своём народе. Только мы способны навести здесь порядок! Мы позаботится о них! Мы берегли их души, сбережем и тела!

— Ну, да, — прошипел сквозь стиснутые зубы блондин, — Хороша забота. Вижу. Церковь всегда была вне политики. Ты нарушил свои клятвы и предал Его, братец... Мишико Молот. Так меня зовут. До встречи на Суде!

На этих словах Мишико сделал резкий шаг вперед, подбивая выставленный Мартом клинок вверх, и крутанувшись нанёс широкий рубящий удар мечом. Спустя пару секунд обезглавленное и лишённое рук тело завалилось на землю, окропляя алой кровью священный символ. Блондин лишь сокрушённо покачал головой и не оглядываясь на погибшего собрата направился к спутникам.

Хрясь!

Широко улыбающийся Иваныч снова получил звонкую оплеуху.

— С этого момента живешь в “Солнечном коконе”! Ты в нём ходишь, ешь, спишь и занимаешься всеми своими непотребствами! Если я увижу, что ты хоть раз снял щит, то ты позавидуешь этому куску дерьма, боец! — рявкнул паладин, указывая пальцем на ещё стонущий кусок мяса, насаженный на лапу многоножки, — Ясно?!

Вытянувшиеся по струнке демонолог, начинающий маг и демоническая тварь лишь ошалело закивали головами в ответ. Многоножка ещё и залихватски щёлкнула жвалами, выражая полную готовность. Она понятия не имела к чему она готова, но все её природные инстинкты вопили о том, что сейчас лучше не кобениться. Лишь малыш Вали робко выглядывал из-за лежащего неподалёку трупа, испуганно похрюкивая.

— И часто с ним такое? — Иваныч внезапно открыл в себе талант чревоуещателя, и задал вопрос не размыкая губ.

— Понятия не имею, — столь же незаметно ответил демонолог, — Но при мне у него и учеников не было. Может у них, среди этих их льдов, так заведено?

— Ты про тот монастырь? Это там они такими отморозками становятся... Кхэ!

Павел успел поставить щит, и размашистый пинок паладина лишь чуточку толкнул напрягшегося было ученика.

— Гы, — расплылся в улыбке Иваныч, но тут же сложился пополам от прилетевшего в живот удара, что полностью проигнорировал активированный щит. От костяного демона, что замер рядом без движений, остро запахло серой.

— И не нужно быть излишне самоуверенным! — уже тише, но всё ещё с нотками стали в голосе произнёс паладин, — Думай! Всегда продумывай свои шаги наперёд! В схватке побеждает не тот кто тупо сильнее, а тот кто грамотнее распорядится своими ресурсами.

— Именно поэтому тебя ещё называют Мишико Таран? — прыснул Вел.

— Пусть называют, — оскалился Мишико, — Зачищаем от дряни деревню, и уходим. У нас не так много времени.

— Времени для чего? — слегка отдышавшись спросил Павел.

— В княжестве вооружённый переворот. Кругом пока ещё хаос и неразбериха. Самое время повернуть все свои дела, — хищно улыбнулся паладин.

— Когда же уже закончится эта демонова ночь? — зевая, озвучил вопрос широкоплечий бородатый воин, держащий в крепких руках алебарду.

— Скоро рассвет, Рэй, — потирая глаза, ответил ему второй солдат, облокотившись на каменный зубец высокой стены, — скоро нас сменят.

— Скорее бы, — Рэй подошёл к напарнику и, уперевшись грудью в прохладный камень стены, продолжил. — Жрать охота... Может, по пиву сегодня, Гери?

— Не-е-е, — протянул Гери, — У меня сегодня планы.

— Знаю я все твои планы! — хлопнув приятеля по спине, хохотнул здоровяк. — Опять, поди, к Берте намылился? И даже друга с собой не позовёшь!

— Иди ты в бездну, Рэй, — беззлобно ответил Гери, бросив взгляд вниз на ночное поле, освещённое десятками костров. Туда, где разбили лагерь внезапно наводнившие баронство серые рясы.

— И чего барон не даёт добро на вылазку? — сплюнув вниз, произнёс Рэй. — Уже бы давно вышвырнули всю эту шайку за пределы баронства. А то и княжества! Там и воинов-то нет. Вот мы с тобой с детства к ратному делу приучены. В каких заварухах только не побывали. А они? Воевать — это не в храмах лбами полы полировать. Тут уметь нужно.

— Э-э-э, брат. Там всё не так просто, — возразил соратнику Гери. — Слышал я, что есть у них воины. И воины те целых армий стоят.

— Ой, скажешь тоже! Армий, — передразнил сослуживца Рэй. — Откуда таким воинам-то быть? Вот маги точно есть, растуды их! А воины... Ты сам хоть раз таких видел?

— Врать не буду. Не видел. Но отец Берты рассказывал. Ты же знаешь, папаша её с купцами наёмничал в своё время. Вот он сам, вроде как, и видел одного такого. Где-то там, — Гери неопределённо махнул рукой в сторону юга.

— Папаша её пьяный в дорожной канаве уснул да в собственной блевоте захлебнулся, — возразил Рэй. — За кружку пива он мог и не таких сказок рассказать.

— Да не. Он молодой тогда ещё был. На стакан так сильно не налегал, — Гери достал кисет и принялся деловито набивать трубку табаком. — Был у них заказ тогда один. Хороший, жирный такой заказ. Но и сходить нужно было не абы куда, а в самые пограничные земли.

На этих словах Рэй вздрогнул, трижды поплевал через левое плечо и осенил себя знаком Создателя.

— Ты, Гери, больно-то не завирайся. Тоже придумаешь, в пограничные земли. Говорят, что там и людей-то нормальных не живёт. Одни твари тёмные ходят да пришлых ловят, чтоб заживо сожрать.

— Ты больше старух наших слушай. Они тебе и не такого расскажут, — фыркнул в ответ Гери. — Живут там люди. И торгуют. И если с нужным товаром приедешь, можно очень неплохо карман набить. Но места там действительно беспокойные. Не зря туда мало кто из торгового люда суётся.

— Так что там с воином-то? — кивнув, Рэй принял предложенный товарищем кисет.

— Да не перебивай ты! — топнул в сердцах Гери, но тут же, неспешно попыхивая трубкой, продолжил. — Так вот. Нолд в те года отчаянным малым был. И воином не из последних.

— Нолд? — удивлённо поднял бровь Рэй. — Ты про Соплю, что ли?

— Да, — поморщился Гери. — Так-то его Нолдом звали. В общем, в пограничье они нормально добрались. Без особых приключений. Товар распродали, денежки погрузили, кое-чем интересным у местных закупились да в обратную дорогу отправились. Вот только далеко им от городка отойти не дали.

— Ясное дело! Кто-то из местных шепнул в нужные уши, да лихой люд решил караван с денежкой-то малость пощипать. История стара как мир! — окутав себя облаком табачного дыма, вклинился Рэй.

— Так, да не так, — Гери присел на пол, прислонившись спиной к её прохладному камню. — Разбойники те слишком уж странными оказались. Да и деньги их не интересовали вовсе.

— А что же тогда? — не понял Рэй, усаживаясь рядом с приятелем.

— Сопля... Гхм. Нолд рассказывал, что напали на них тогда молниеносно. Вся охрана торговца и понять не успела, как обделалась, — чуть подумав, продолжил Гери. — Произошло это на привале, в дне пути от городка, где они так удачно сторговались. Лагерь разбили как положено с дозором по периметру. Сам же почтенный папаша тогда животом маялся, да как лагерь разбили, первым делом умчался ближайшими кустами любоваться. Тут-то всё и произошло.

— Это после его похода в кусты пограничные земли перестали быть пригодными для жизни? — хохотнул Рэй.

— Ага. Засранец тот ещё был. Прими душу его Создатель, — теперь уже Гери осенил себя священным знаком. — Так вот, только Нолд портки скинул да добро своё прохладному ветерку подставил, раздался тихий хлопок. Раз! И прямо у глаза Сопли маячит остриё ржавого, грязного ножа. И голос за спиной. Скрипучий такой, тараторящий. Будто скорбному головой принадлежит. Попалось, мол, мяско свежее, обосранное только малость. Теперь, мол, пополнятся ряды солдатушек ордена свеженьким дерьмом. И хохочет без конца. Мерзко, противно так хохочет.

— И? Дальше-то что?

— Дальше? — Гери глубоко затянулся дымом. — Хрен тот, что за спиной с ржавым ножом стоял, резко перестав бормотать и хохотать, пинками погнал серущего на ходу папашу Нолда в сторону лагеря, всё приговаривая про свежее мяско.

— А в лагере, поди, его дружки уже всю добычу потрошат? — поинтересовался Рэй.

— Ага. Потрошат, — кивнул Гери. — Только не товар, а караванщика.

— Это как?

— Натурально! Как рыбу на рынке! Торгаш лежит. Двое в чёрных драных балахонах по краям стоят и какую-то песнь унылую завывают, а третий торговца ножом своим ржавым по брюху шмяк! Выкрикнул что-то и в кишки его тёплые густой тьмой блевать принялся. Эти двое в балахонах ещё унылее завыли. Караванщик только хрипит, булькает да ногами по земле елозит.

— Вот дерьмо-то! — воскликнул Рэй.

— И не говори, — кивнул Гери, выпуская очередное густое облако. — А самое дерьмо в том, что как торговаш затих, этот, что тьму в него изрыгал, не успокоился. Поднялся. Рожу свою от крови утёр. И на Соплю посмотрел. Нехорошо так посмотрел. С улыбочкой такой, знаешь, поганой. Смотрит, лыбится и пальчиком подзывает, головой на местечко близ почившего торговца указывая. Ложись, мол, мил человек, рядышком. Не стесняйся. У Нолда

тогда с головой проблемы-то и начались. Да и не мудрено в такой-то жопе.

— И что? Прирезали Соплю-то?

— Да кто же его прирежет? Сам же сказал, что старина Нолд героически погиб при штурме канавы! — хохотнул Гери. — Нее. Соплю под белы ручки подхватили да на травке разложили, как ту девственницу. И вроде бы не держит никто, а руки-ноги-то того! Не слушаются.

— Ну и? Его того? — округлил глаза Рэй.

— Что того?

— Ну... как ту девственницу.

— Не знаю, — отмахнулся Гери, — про то он не рассказывал. Хотя в ту минуту, думаю, он своей норой и древко твоей алебарды на раз бы перекусил от испуга. В общем, демоны с ним, с Соплиным дуплом! Разложили его, значит, а этот хрен в обносках, что торгаша выпотрошил и в нутро ему наблевал, вдруг как взвизгнет да как захохочет! А эти двое за спиной снова заскулили. И пение их было мерзкое какое-то. Замогильное будто. Нолд рассказывал, что даже запахло гнилостным чем-то. Так и сказал, мол, гнилью затхлой воняло и дерьмом. И ещё чем-то незнакомым. Чем-то, от чего мороз пробирал до самой задницы.

— И? Не томи, напарничек! — подгонял Рэй, наблюдая за тем, как приятель неспешно выколачивает трубку.

— Ну так тот хохотун с ножом на бедолагу Нолда уселся верхом, ржёт да тестюшку моего несостоявшегося по щеке похлопывает, — продолжил Гери. — Говорит, мол, Сопле честь выпала большая великим воином стать. Против церковников воевать, так как ушёл Создатель из мира нашего и церковь больше не нужна. Только, мол, старшие братья из мира нижнего за нами теперь приглядывают. И нужно братьям этим чуточку послужить. Потом этот хрен что-то вообще неразборчивое понёс. И то ржёт он, то плачет, то скулит, то вообще воеет. И с каждым словом тесак свой выше и выше поднимает. Неспешно так, смакуя. А двое за спиной всё глотки свои сиплые надрывают.

— Лохматые ляжки Иоанна! — выругался Рэй, но тут же осенил себя священным знаком. — Прости Создатель!

— Вот и старина Нолд тогда дюже струхнул и, зажмурившись, отвернулся в ожидании ржавого ножа в своём брюхе, — нарочно не торопился с рассказом Гери, — вот только удара не последовало. "Именем Церкви!". Рёв того, кто это выкрикнул, оборвал и жуткий хохот, и отвратное пение. Так звучала жизнь. Сопля это остро почувствовал в тот момент. Что-то глухо ударилось рядом, и, открыв глаза, Нолд увидел перед собой лицо одного из певцов. Лицо было искажено гримасой ужаса, а через выжженные глазницы можно было увидеть, как искрит багровыми сполохами тлеющий в глубине черепа мозг. "Умри!". Взглянув же наверх, туда, где сидел безумный старик с ржавым ножом, Сопля успел увидеть лишь мелькнувший огромный молот, превративший голову старика в облако мелкой кровавой взвеси, которая медленно кружила на лёгком ветру. Из обрубка шеи старика ударила тягучая струя чёрной крови и обрушилась фонтаном на лицо Нолда. Тут папаша и сомлел окончательно.

— И всё?! Кто это был? — жадно спросил Рэй.

— Сопля чётко помнит, как липкую хмарь бессознательных видений разорвал взгляд голубых глаз цвета горного льда, — немного подумав, продолжил приятель. — Он так и говорил, что от взгляда этого дохнуло стужей и ледяным горным ветром. Взгляд голубых глаз

будто разобрал его на мельчайшие частицы и собрал вновь. "Чист" — донёлся до него уже знакомый зычный голос. "Чист. Мы успели", — подтвердил слова неизвестного звонкий женский голос. "Кто вы?" — сквозь пересохшую глотку выдавил из себя Нолд. "Молот и Искра. Паладины Создателя нашего. Спи". Окончательно в себя Сопля пришёл уже в пути. Остатки каравана возвращались домой. В живых осталась лишь треть.

— Паладины, — покатал на языке смутно знакомое слово Рэй. — Звучит, словно герои из детских сказок. Б-р-р-р. Умеешь же ты, приятель, приободрить друга тёмной ночью.

— Ага, — выдохнул Гери. — Знаешь, что во всём этом самое дерьмовое, Рэй?

— Ну?

— Что это не герои детских сказок, здоровяк! Я после того как услышал от несостоявшегося папаши эту историю, начал собирать все слухи и истории о пограничных землях. Я общался со многими караванщиками и торговцами, посещавшими наш городок. Я подсаживался ко всем приезжим воинам в тавернах. И знаешь что?

— Ну?

— Гну! Разнукался! — вспылил Гери. — Немногие заходили так далеко на юг от наших мест, но те, кто там побывал, как один утверждают, что это правда. И ковен забвения, могущественные тёмные маги которого собирают армию из послушных немертвых кукол, призывают исчадий ада и без конца атакуют местные города-крепости. И паладины, которые являются не менее могущественными светлыми магами, способными испепелить сильнейших тёмных одним щелчком пальцев, или лихим ударом кувалды и меча разваливать им головы, словно это глиняные горшки, что наполнены гнилой кровью. Один достопочтенный торговец с юга как-то раз перебрал с выпивкой и разоткровенничался в беседе со мной. Так вот выпала как-то раз ему радость пережить Восход чёрного солнца.

— Это что ещё за дерьмо?

— Верно! Кроме как дерьмом, это никак иначе назвать и нельзя! Его ещё называют тёмным исходом. Это те редкие дни, когда ковен решает, что накопил достаточное количество сил для штурма какого-либо города. И начинается форменная резня между церковью и тёмными. Как ты думаешь, кто в этой заварухе больше всех страдает?

— Обычные люди, конечно же, — фыркнул Рэй, — как и в любой заварухе.

— Точно! Как правило, ковен пускает под нож всех, до кого может дотянуться. А тех, кто чудом выживает, потом допрашивает инквизиция. С пристрастием. Но не в этом дело. Тому торгашу посчастливилось в то время оказаться под защитой надёжных стен. Сурийские Врата. Он так и сказал, что лучше, чем Сурийские Врата, места для того, чтоб пережить Восход чёрного солнца, и не существует. От него же я вновь услышал эти имена. Молот и Искра. Нет, имён было больше. Но именно эти ввелись в память, так как я их уже слышал. Два десятка паладинов вышли против сотен тёмных. Они прошли сквозь море немертвых слуг, ужасных демонов и чёрных магов, как остро заточенный клинок проходит сквозь тюк прелой соломы. И на острие этого клинка всегда были Молот и Искра. Враг их боялся как огня. Враг с ними всегда считался. Враг их уважал.

— А нам-то что до этих южных историй? Пограничные земли далеко. Тем более, исходя из сказанного тобой, у них там своя грызня. Между светом и тьмой. Мы тут у себя о паладинах и ковене и слухом не слыхивали. Какое им дело до скромного баронства на севере? — поинтересовался Рэй.

— Ещё несколько дней назад мы и подумать не могли, что серые и вечно незаметные слуги Создателя посягнут на власть в нашем княжестве, — Гери указал рукой на огни

костров, плясавших во тьме. — Мы и подумать не могли, что эти смиренные люди будут резать и насиловать. Ты слышал про Чистые Плавни?

В ответ соратник лишь помрачнел и крепко сдал в руках древко своей алебарды.

— Вот и я слышал, — вздохнул Гери. — Те, кто обязался беречь наши души от нечистого, творит такие непотребства, что ни одному тёмному ковену и не снились. Видимо, правы были те городские безумцы, которые до срывающихся с губ хлопьев пены спорили с проходящими мимо горожанами о том, что наш мир сошёл с ума и стремительно умирает, содрогаясь в корчах. Эти корчи мы сейчас и наблюдаем, приятель. И я ни-чуть не удивлюсь, если те же Молот с Искрой окажутся у наших стен. Как ты думаешь, тем, кто столь силён, составит большого труда стереть с лица земли нашу крепость?

— Дерьмо, — тихо произнёс Рэй, смотря на рой огоньков среди тьмы.

— А я тебе про что? Дошло, наконец? А ты мне тут про вылазку лопочешь! Воинов у них нет! — передразнил приятеля Гери.

— Не. У святош наших дерьмо какое-то происходит. Сам посмотри!

Гери прильнул к узкой бойнице меж каменных зубьев, что венчали крепостную стену. Среди пляшущих рыжих огоньков выделялся один. Был он зеленовато-белёсого цвета и вызывал своим видом почему-то лишь брезгливость и омерзение. Будто лопнувший сочащийся гнойник посреди девственно чистой кожи. От него смердело чем-то гнилостным и болезненным. И если рыжие огоньки хаотично подрагивали, то этот лишь слабо пульсировал с чётко заданным тактом.

— Не нравится мне всё это, — не отрываясь от незнакомого явления, произнёс Гери. — Выглядит словно...

С чем хотел сравнить увиденное приятель, Рэй так и не узнал, так как окрестности огласил жуткий вопль отчаянья и боли. Приятели ни разу не слышали, чтобы так кричали люди, хоть и побывали вместе во многих переделках и о смерти и боли знали не понаслышке. Следом крик раздался вновь, и ему вторил не менее жуткий вопль.

— Ох! Готовься, Гери, — скривился побледневший Рэй. — Я не знаю, кому там что прищемили, но ничем хорошим это точно не закончится.

— Ага, — напарник проверил, как легко выходит меч из ножен. — Ночка-то перестает быть томной!

Над крепостью низким басовитым переливом прокатился звук боевого рога Герхердского баронства. Звук этот призывал всех защитников крепости приготовиться. Приготовиться к бою. Приготовиться к смерти.

— Вел, как ты думаешь, она выживет? — тихо спросил Павел, нежно проведя пальцем по залитой кровью бледной девичьей щеке.

— Выживет, — пожевав зажатую меж зубов соломинку, ответил демонолог, — Должна выжить. Мишико хоть и не лекарь, но кое-что всё же умеет. И ты забываешь, что магов не так уж и просто убить. Хотя эти уроды старались, как могли.

— Она маг? — продолжая рассматривать изуродованное женское лицо, спросил Павел.

— У неё точно есть дар, если ты об этом, — кивнул Вел. — Ты же сам слышал.

— Та старуха сказала лишь о том, что у девчонки дар к целительству. Или это тоже одна из граней магии?

— Именно, — кивнул мастер тьмы. — Ты очень правильно всё сформулировал. Одна из граней. Сила едина. Неважно, свет это или тьма. Основы едины. И изначально она как неограниченный драгоценный камень. Бесформенный и невзрачный камень. И каждый сам становится огранщиком своего дара, день за днём его полируя. И у каждого в итоге получается свой, уникальный кристалл.

— И возможно ли изначально булыжник испортить неумелым подходом к огранке? — поинтересовался Павел.

— О да, парень! — улыбнулся демонолог. — О да! Знал бы ты, сколько судеб на этом поломано!

— Подожди. Вы же сами мне говорили о том, что силы всего две. Свет и тьма. С едиными для обоих полюсов принципами работы. Так?

— Так.

— Тогда в чём проблема переучиться? Ну, понял ты то, что пошёл не по той дорожке в своём развитии. Не проблема же перешлифовать неполучившуюся грань заново. Почему нельзя придать камню желаемую форму со второй, третьей, десятой попытки? — Иваныч наконец отвлекся от такого знакомого женского лица и взглянул на Вела.

— Сотрёшь ты так свой камушек к демонам! — раздался за спиной Павла голос паладина. — И чем меньше камень изначально, тем меньше попыток на поиски себя у тебя в запасе.

Мишико подошёл к спутникам и, уронив перед Иванычем два увесистых полена, уселся рядом.

— Запомни, ученик! — блондин достал нож и, взяв в руки одно полено, ловкими и отточенными движениями принялся что-то из него выстругивать. — Всегда лучше мастерски владеть парой десятков приёмов, чем посредственно разбираться в двух сотнях!

— И кого же вы собираетесь вылепить из меня? — единственный глаз Павла следил за возвратно-поступательными движениями острого ножа по деревяшке. Где-то внутри у него появилось тянущее, леденящее душу предчувствие чего-то нехорошего.

— О-о-о! Поверь, твоя неотёсанная глыба в надёжных руках, — хищная улыбка паладина напомнила Иванычу звериный оскал. — Её будут шлифовать два лучших мага обеих сторон Сурийских врат!

— Это-то и напрягает, — тихо буркнул Павел.

— Что? — не расслышав, переспросил Мишико, разглядывая свою поделку.

— Рад я, говорю, этому безмерно! — вымученно улыбнулся Иваныч и кивком головы указал на массивную, грубо выстроганную деревяху. — А это что?

— Это твой тренировочный меч, — паладин буквально засветился от счастья. — Мраморный дуб. По весу очень близок к доброй стали. Даже чуток поувесистее будет. Пора тебе уже привыкать к тяжести нормального оружия.

— М-м-м, — тихо простонал бывший педагог, бросив взгляд на заржавшего во весь голос демонолога, и снова посмотрел на неподвижно лежащую рядом девушку.

Мали.

Такое имя произнесла старуха из Старых Дубков.

Нашёл её Павел.

Проходя в компании кровавой многоножки мимо очередного деревенского двора, Иваныч услышал сдавленное мычание и приглушённые голоса. Говорили двое.

— О-о-ох! Хороша, дьяволица! — произнёс обладатель первого голоса, который отличался лёгкой хрипотцой.

— Всё? — громко сопя, задал вопрос второй, басовитый голос.

— Ага! — на выдохе произнёс первый. — Давай, брат Руди, покажи ей мужика!

— Сейчас. Сейчас, — быстро затараторил второй. — Кажись, она это. Отходит уже.

— Да тёпленькая ещё, — усмехнулся первый. — В самый раз! Видишь, как заливается? Нравится блуднице-то это дело! Ох и грешница! Давай, брат Руди, отпусти ей все прегрешения, пока ещё её душа в пекло не отправилась! Давай уже! Угости её стержнем мясным. Видишь же, как любо ей это!

— Сейчас, брат Дони! Сейчас! — торопливо ответил брат Руди.

Павел выдохнул, собираясь с мыслями, бросил взгляд на стоящего рядом демона, одобряюще щёлкнувшего жвалами ему в ответ, и, покрепче стиснув рукоять всё той же булавы, сделал несколько стремительных широких шагов, проскальзывая через приоткрытую воротину внутрь. Многоножка скользнула вслед за ним.

Павел примерно представлял себе ту картину, что ждала его в том забытом Создателем дворе. Но смиренные служители Его всё же смогли удивить бывшего физика.

Сухощавый монах расслабленно полулежал прямо на земле и, неспешно попыхивая трубкой, увлечённо наблюдал за товарищем. Товарищ же, дородный, здоровенный детина, приподняв полы серой рясы, старательно пристраивался к двери какой-то постройки, сверкая в ночи белоснежным задом.

— О-о-ох! — сладостно протянул детина.

Из-за могучей спины раздался сиплый хрип. Павел сделал пару быстрых скользящих шагов, чуть приблизившись к здоровяку, и освещённая неверным лунным светом картина открылась ему во всей красе.

Два ножа, пройдя сквозь миниатюрные девичьи ладони, вонзили свои лезвия в покосившуюся дверь сарая, растянув обнажённую хрупкую девушку подобно бабочке на доске натуралиста. С безвольно повисшей головы девушки, мотавшейся из стороны в сторону в такт старательным движениям брата Руди, капала тягучая кровь. Из лёгких жертвы вырвался очередной хрип, и девушка попыталась поднять голову. Половину её лица украшал громадный кровоподтёк, челюсть была сломана и смещена в сторону, но...

— Лена?! — узнавание таких знакомых черт лица пронзило Павла электрическим током, замутняя сознание и затягивая зрение багровой дымкой. Клокочущая ненависть вырвалась наружу из горла начинающего мага вместе со звериным рыком.

Ещё несколько стремительных шагов, и навершие булавы обрушивается на широкую спину, пронзая и разбивая на осколки острыми шипами позвоночник. Отпустив застрявшее в теле здоровяка оружие и не обращая уже внимания на падающую грудку обездвиженного мяса, Иваныч резко развернулся и нанёс удар ногой в лицо сидящему на земле доходяге,

вбивая длинную трубку вместе с крошечком выбитых зубов ему поглубже в глотку.

— О-о-оу! — уважительно пропищала не успевшая вмешаться многоножка.

— Твари! — не своим голосом прошипел Павел. — Вы все подохнете, ублюдки!

Сдохнете в муках! Все до единого!

Подойдя к начавшему синеть тощему, Иваныч схватил его за горло и приподнял над землёй. Он и сам не заметил, как ладонь запекло, а каменный ошейник начал разогреваться. Энергия Павла стремительно потекла в мясной задыхающийся сосуд. Запахло жжёным мясом, и брат Дони задёргался в конвульсии. Из тощего живота показался белый огонёк, который начал стремительно поедать рясу из грубой серой ткани, охватывая все большую и большую площадь. Глаза лопнули, брызнув в лицо Иваныча обжигающим соком, и из пустых глазниц, неспешно кружась, начал вылетать пепел, подхватываемый ветром и уносящийся вдаль. Спустя несколько секунд затихшее, сгорающее изнутри тело брата Дони рухнуло на землю.

— О-о-о! — протянул демон, находящийся на грани экстаза. — А можно второго мне?

— Хрен тебе по всей твоей хитиновой роже! — проскрежетал Иваныч, поворачиваясь к стонущему здоровяку.

Рывком выдернув из широкой спины брата Руди булаву, Павел ногой перевернул на спину его безвольное тело и с хеканьем вогнал шипы на навершии оружия здоровяку в промежность.

Новый сосуд он принялся наполнять светом прямо через булаву. Первой задымили намотанные на шипы бубенцы брата Руди. Следом начала тлеть деревянная рукоять оружия. Из рта содрогающегося тела повалил дым.

— У-у-у, — многоножка мелко затряслась, раскачиваясь из стороны в сторону и часто щёлкая жвалами.

Боль от жгущего ладони дерева и раскалившегося ошейника слегка отрезвила бывшего педагога, и он, отпустив обугленное оружие, подскочил к распятой девушке, с жадностью всматриваясь в её лицо.

— Это не ты, — то ли с сожалением, то ли с облегчением прошептал Павел, рассмотрев лицо вблизи. — Но до чего похожа! Подожди, родненькая. Потерпи немножко. Ещё чуть-чуть.

Бегло осмотрев девушку, Иваныч обнаружил рукоять ещё одного ножа, торчащую под её правой грудью.

— А! Дерьмо! — прошипел Павел, пытаясь выдернуть из двери клинки, которые пробили её ладони. — Я всех вас, уроды, через того козлоногого в могилу отправлю! Чтоб он вас каждый день любил!

Чтобы вырвать ножи, их пришлось раскачивать, бередя и без того серьёзные раны на её маленьких руках. Но Павел справился. И спустя пару минут подхватив лёгкое тельце на руки и не дав тем самым ему упасть на землю, он занёс бедняжку в ближайший дом и бережно положил на первую попавшуюся на глаза лавку.

Ворвавшийся следом паладин лишь бегло оценил обстановку и мягко оттеснил ученика от девушки. Иваныч начал было сопротивляться, но подошедший сзади Вел обхватил его за плечи и настойчиво увлёк за собой обратно во двор.

— Не мешай, — тихо произнёс демонолог. — Если сейчас здесь кто и может ей помочь, то это только наш голубоглазый друг.

— Есть закурить? — после продолжительного молчания спросил Павел.

— Найдётся, — Вел похлопал себя по поясу и, нащупав небольшой кожаный мешочек, достал из него пару коротких трубок и кисет.

— Она выживет? — глубоко затянувшись ароматным дымом, задал вопрос Иваныч.

— На всё воля Его, — грустно улыбнулся мастер тьмы.

С высоты конька покосившейся крыши в это время за ними наблюдал матёрый, битый жизнью голубь, который, вероятно, когда-то в своей далёкой птичьей молодости имел оперение белоснежного цвета. Сейчас же он красовался грязно-серыми потасканными перьями, отмороженной лапой да белым бельмом, полностью скрывавшим под собой левый глаз. В общем, вид он имел лихой и суровый.

— Курлы, — подвёл он какой-то свой голубиный итог и, по-птичьи склонив голову, продолжил наблюдать за компанией своим единственным зрячим глазом.

— Локоть выше! Спину ровнее! — рывкнул Мишико. — Держи! Не заваливайся назад! Отлично. Шаг! Выпад! Отскок! Верхняя стойка! Да не отключивай ты зад! Всё! Отдых!

Иваныч рухнул на землю как подкошенный. Сил едва хватало лишь на то, чтобы с хрипом загонять прохладный воздух в горящие огнём лёгкие. Ноги, руки и спина уже даже не болели. Павел их просто не чувствовал.

Проклятая грубо выструганная деревяшка действительно не уступала по весу железу. Иванычу казалось, что он пару часов махал старым добрым ломом.

— Пойдёт для начала, — присевший рядом паладин снисходительно похлопал Иваныча по ноге. — Сейчас малость отойдёшь, и продолжим!

— Я... не... смогу, — слова давались Павлу с трудом.

— О-о-о! Тут ты заблуждаешься! — улыбнулся Мишико, протягивая ученику бурдюк с водой. — Ты жив?

— Вроде бы, — Иваныч попытался приподняться на локте, чтобы принять ёмкость с живительной влагой. Получилось это у него лишь с четвёртой попытки.

— Значит, сможешь! Других отговорок я не принимаю, — с лица блондина не сходила улыбка. — Сейчас мы тебя быстро приведём в норму. Помнишь про состояние Эменди?

— Астрал? Да, конечно! — после нескольких глотков воды Павлу стало чуть легче.

— Если тебе так удобнее, то да, Астрал. Ныряй!

— Как? Я же тогда просто отрубился!

— А, ну если тебе для этого необходимо потерять сознание, то это запросто, — Мишико широко замахнулся тренировочным мечом, явно прицеливаясь к голове ученика.

— Стой! — Иваныч мигом нашёл в себе силы подняться на колени и выставил ладони вперёд. — Не торопись! Мозг же сам всё помнит? Так ведь?

— Угу, — кивнул паладин, но деревьяху, впрочем, не опустил. — Закрой глаза и постарайся посмотреть на себя со стороны. Так будет проще.

— Сейчас попробу... — бессознательное тело бывшего педагога снова рухнуло лицом в сочную высокую траву.

— Ну вот и славненько, — произнёс блондин и тут же упал с ним рядом.

— Интере-е-есно, — голосом паладина протянуло белое облако, отдалённо напоминающее формой очертания человека.

— Миша? — голосом Иваныча спросило второе подобное облако, которое отличалось

чуть меньшим размером.

— А кто же ещё? Вел, ты это видел? — первое облако парило в паре десятков сантиметров над покрытой зеленоватым туманом землёй.

— Ага, — мимо Иваныча проплыло третье человекоподобное облако, в недрах которого пылал чёрный огонь. — Твои дружки из инквизиции всё же были правы. Там точно она!

— Дерьмо! — в голосе паладина ощущалась досада. — Но всё же как они так опростоволосились-то?

— Что-то не так? — предчувствие редко подводило Павла.

— Всё нормально, Паш, — голос демонолога показался начинающему магу наигранно бодрым.

— Я же не совсем идиот, — возмутился Иваныч. — Вы уже не в первый раз об этом говорите. Что со мной не так?

— Всё! Нормально! — отчеканил Мишико. — Ты не о том сейчас думаешь, ученик. Смотри!

Павел переместился ближе к облаку, которое вещало голосом паладина, чуть потеснив демонолога, и посмотрел вниз на два лежащих полупрозрачных тела.

— Скажи мне, в чём разница между нами? — последовал вопрос от блондина.

— В энергетических каналах. Это первое, что бросается в глаза, — не раздумывая ответил Павел, разглядывая мощные светящиеся жгуты паладина. Его же собственные каналы на контрасте с паладином выглядели жалкими капиллярами. — Я помню про необходимость их развития. Первый способ заключается в постоянных тренировках и прокачке энергии. Пришло время освоить второй?

— Верно, — согласился Мишико. — Второй способ сложнее и имеет некоторые неприятные... Хм... Особенности. Именно поэтому его редко кто практикует. Но он незаменим при ускоренном обучении. И чем выше коэффициент, тем быстрее идёт процесс. Готов?

— Да, — подтвердил Павел. — А что за неприятные особенности?

— Не отвлекайся, — светлое облако переместилось к телу Мишико и сформировало тонкий щуп из одного из своих рукоподобных отростков.

— Как ты это сделал? — удивился Иваныч.

— Ха! — раздавшийся в стороне голос демонолога привлёк к себе внимание Павла.

Повернувшись на звук, Иваныч увидел несущийся прямо на него гигантский череп, в глазницах которого плясали языки чёрного пламени. По мере приближения к начинающему магу, череп всё шире и шире раскрывал в безумной ухмылке свою усеянную острыми игловидными зубами пасть.

Всё же тренировки не проходили даром, и ученик инстинктивно активировал щит, укутывая себя уже ставшим привычным и уютным энергетическим коконом. В считанных сантиметрах от Павла череп беззвучно разлетелся на тысячи искрящихся чёрных осколков, принявшихся кружить в безумном вихре вокруг начинающего мага.

— Тут твоя форма и возможности ограничены только лишь твоей фантазией, — казалось, что голос Вела раздавался отовсюду, — и чем ты безумнее, тем безграничнее твои возможности в Астрале! Достаточно лишь пожелать!

— Хватит! — рявкнул паладин. — Но реакция правильная, боец! Хвалю.

Искрящийся вихрь остановил свой танец, медленно опадая в зелёный туман.

— Охренеть, — выдавил из себя Иваныч, возвращаясь к паладину. — А чем мы тут

являемся? Если там лежим мы, то кто тогда здесь? Наше сознание?

— А демоны его знают! — в сердцах ответил Мишико. — Пока на этот вопрос ещё никто не ответил. Да и дорожку сюда нашли-то не так и давно. Но то, что здесь оказывается какая-то наша часть, — это факт.

— Ага-а-а, — ответил Павел, кося глазом на щупальценого демона, который, довольно скалясь, крутил бёдрами, размахивая красным отростком внушительных размеров. При этом демон ещё и сально подмигивал, явно на что-то намекая.

— Итак! — прокашлявшись, лекторским тоном начал паладин, указав щупом на бурлящее перламутром полушарие мозга одного из распостёртых на земле тел, — как тебе известно, здесь расположено хранилище твоей энергии, ученик. Когда ты творишь Искусство, некая часть этой самой энергии проходит по твоим энергетическим каналам, чтобы дальше уже высвободиться из заточения твоего тела и заполнить собой конструкт заклинания.

Тем временем за спиной читающего лекцию паладина с перекошенным в беззвучном крике ртом метеором пронёсся щупальценогий. За ним, по-собачьи высунув из пасти развевающийся на ветру длинный язык, широкими прыжками проскакал болотистый рыгун, не уступавший размерами откормленному телёнку. Жаба целеустремлённо и с азартом загоняла добычу, пытаясь подрезать демону щупальцы огромными серповидными когтями.

— Таким образом, наши энергетические артерии являются важнейшим звеном всей нашей магической системы. Более того, они по важности, пожалуй, не уступают размеру коэффициента магического объёма резервуара. Так как зачастую от того, сколько вы сможете единоразово прогнать энергии в нужный вам конструкт, будет зависеть ваша жизнь. А через слабые каналы много энергии не прокачаешь!

Рыгун старался. Рыгун бежал. И делал он это не привычными прыжками, а часто семеня задними лапами, при этом высоко поднимая их над землёй, чтобы ни за что не зацепиться длинными лапами и не упасть. Оглянувшись, он ещё больше вытаращил свой единственный глаз и поднаддал ещё сильнее. Ведь его догонял огромный клубок из глаз и щупалец, в котором каждый отросток заканчивался зубастой окровавленной пастью.

— Итак, каким образом можно укрепить каналы? О, вот тут как раз кроется самое интересное. Нам нужно лишь мысленно взять каплю энергии из резервуара и направить её по необходимой артерии. До конца. И, не давая ей выйти за пределы энергетической магистрали, вернуть эту каплю обратно в резервуар. Так, регулярно и методично прорабатывая каждый канал, и производится укрепление всей системы. Главное, не дать силе выйти! Иначе там, где осталось твоё незащищённое тело, случится выброс чистой энергии! И дозировать силу нужно аккуратно! Если возьмёшь слишком много, то... Нет, безусловно, так процесс проходит быстрее, но побочный эффект тебя неприятно удивит.

Глазастый клубок крутил своими щупальцами на пределе возможностей. Он вглядывался в абсолютно чёрное небо до рези в своей сотне глаз, высматривая там коварного противника. Клубок петлял, меняя направление и скорость. Клубок как мог выполнял противоавиационные манёвры, ведь там, среди клубящегося тумана и непроглядного мрака, скрывался безмолвный небесный ужас.

Шмяк!

С влажным шлепком на землю обрушился крупный снаряд, заставив клубок подпрыгнуть и заколотить щупальцами по земле с ещё большим темпом. И тут же внезапно из мрака появился тот, кто этот снаряд выпустил. Сложив гигантские кожистые крылья, вниз

стремительно пикировала огромная, покрытая густым волосатым покровом задница. И над самой землёй, когда уже казалось, что жопокрыл разобьётся в самоубийственной атаке, забрав с собой в отчаянном таране своего врага, крылья распахнулись, наполняясь воздухом и гася скорость массивного тела.

Шмяк!

Следующий снаряд попал точно в цель, придавливая собой противника, лишая его зрения и склеивая щупальцы в единый комок.

Бомбардировщик же, выполнив поставленную задачу, широкими и размеренными махами крыльев начал свой неспешный подъём обратно в небеса.

— Сейчас я наглядно покажу, как выполняется данное упражнение. Смотри и запоминай! Этим ты будешь заниматься самостоятельно. Ежедневно! — Мишико указал своим щупом на голову собственного тела и медленно повёл им по толстому энергоканалу. Вслед за щупом медленно двигался комочек энергии, который едва заметно распирали собой канал. — Вот так. Главное в этом деле не спешить! Понятно?

Ответом паладину послужила тишина.

— Всё понятно? — переспросил блондин.

Молчание.

Закипающий Мишико столь же неспешно и старательно закончил начатое и резко повернулся. Увиденное его, мягко говоря, поразило до глубины души, лишая дара связной речи. Паладин банально охренел.

— Я... Вы... Вас... О-о-о! — просипел блондин, хватая ртом воздух. — Вам хана Обоим!

Мускулистый гигант с головой быка, напрягая вздувшиеся канаты мышц огромных рук, пытался порвать пополам волосатую задницу с крыльями летучей мыши, аки Самсон рвал пасть рыкающему льву, в испуге вытаращил глаза, пытаясь успокоить внезапно задёргавшееся веко. Жопокрыл же самопроизвольно пустил ветра. Тихо так. Будто извиняясь.

— Я надеюсь, ты всё услышал, ученик? И мне не придётся повторять? — холодом в голосе паладина можно было заморозить весь континент. — О чём я сейчас говорил?

— О том, что для увеличения пропускной способности энергетических каналов необходимо мысленно взять немного энергии из резервуара и прогнать её по артерии туда и обратно, — отчеканил демонолог, вернувшийся в исходную форму.

— Спасибо! — едва слышно буркнула летающая задница, но тут же опомнилась и, взорвавшись тысячей осколков, собралась вновь в человекообразное облако.

— А я не спрашиваю престарелых идиотов! Я задал вопрос своему ученику! Но раз у вас тут круговая порука, то и наказание в случае неудачи понесёте оба! Ученик! Приступай! И не дай Создатель тебе что-то сделать не так!

— У меня от него волосы стынют в жилах, — тихо прошептал Иваныч.

— Ага, — подтвердил демонолог. — Ты откуда эту хрень летающую взял? Такие водятся в вашем мире?

— Не помню. Прочитал где-то про неё. Ладно, я пошёл.

— Давай. Главное, не спеши.

— Хорошо. Спасибо, Вел! — Павел собрался с духом и заторопился к паладину.

Ещё раз пристально изучив собственное тело, Павел создал из собственной руки длинный щуп и нацелил его остриё себе в мозг. Подцепив в перламутровом хороводе

энергии сгусток, Иваныч старательно и неспешно принялся проталкивать его по энергетическому каналу. Сгусток оказался немного великоват и проходил по артерии с трудом, распирая её вдвое. Но проходил.

— Идёт, конечно, тяжело. Но, в целом, ничего сложного! — произнёс довольный собой ученик, после того как вернул энергию обратно в резервуар. — Обратно вообще легко пошла.

— Продолжай, — паладину стоило больших трудов сохранить самообладание и не заржать. — Ты должен провести эту процедуру со всеми каналами. Как закончишь, возвращайся.

— Есть! — откозырял Иваныч и принялся за выполнение поставленной задачи.

— Так, один идиот уже сам себя наказал, но что же мне сделать с тобой, херов мастер Вел? — негромко произнёс Мишико, приблизившись к демонологу.

— А я что? Я ничего! — если бы в Астрале была такая возможность, то Вел бы сейчас сбледнул и покрылся липким потом.

— Хм. Кажется, есть! — в тоне паладина проявились нотки предвкушения и лёгкого безумства.

— Может, не надо? — проблеял демонолог.

— О-о-о! Тебе даже понравится! Ну же! Не бойся! Будет интересно! — светлое облако выросло в размерах и поглотило Вела, скрывая его от лишних глаз.

— Мама! — раздался обречённый голос Вела из недр светлого тумана. — МА-А-А-АМА-А!

— Это было действительно несложно. И чего это Мишико так меня страшал? Даже какая-то лёгкость в теле появилась, — пробормотал вернувшийся в своё тело Павел, с удовольствием потягиваясь.

Потянувшись, начинающий маг соизволил открыть глаз и увидел стоящего над ним паладина. Блондин сложил руки на груди и нехорошо так ухмыльнулся.

— Всё сделал, как я сказал? — вкрадчиво спросил Мишико.

— Ага, — ответил Павел и рывком сел. — Спасибо! Мне действительно сейчас гораздо лучше, чем до этой процедуры. Такая лёгкость в теле. И такая бодрость! Может, ещё одну тренировку? Я готов! Я вообще сейчас готов горы свернуть! И почему этот способ развития непопулярен? Он же... О! О-о-о-о!

— Вот поэтому, — сокрушённо покачал головой блондин, — ты так до конца и не понял, кто ты? Ты, мать его, боевой маг! Я не знаю, зачем ты здесь, но без воли Его в этом деле не обошлось. И лишь по воле Его наши с тобой дорожки пересеклись и ты не умер там, в Соколином Оплоте. Соберись ты уже, в конце-то концов!

— Я... Я... — слова давались Иванычу с трудом, так как в каждой клетке его организма сейчас разгорался самый настоящий пожар. — О-о-ох!

— Впредь будешь слушать, что тебе говорят, — паладин присел рядом с учеником. — Сейчас тебе будет крайне хреново, так как ты сильно переборщил с взятым количеством энергии. И поделаться с этим ничего нельзя. Но зато после того как ты это переживёшь, будет сильно легче. Твои проводники станут эластичнее и податливее. Может, действительно, всё что ни делается, — всё к лучшему? А? Ладно, держись. Да пребудет с тобой Создатель!

— Ох! — лишь смог выдавить из себя Павел, извиваясь змеёй на траве.

Паладин в знак поддержки похлопал ученика по плечу и, поднявшись, направился к одинокой фигуре, которая, укутавшись с головой в одеяло, сидела на бревне и смотрела вдаль, изредка прихлёбывая вино из кожаного бурдюка и мурлыкая себе под нос какую-то тоскливую мелодию.

Мишико молча уселся рядом и так же направил свой взгляд вдаль. Туда, где на горизонте поднимался едва заметный чёрный дым.

— Извини, — тихо произнёс блондин.

По тому, как он это сказал, было понятно, что это слово слетало с уст паладина нечасто.

— Знаешь ли ты, вдоль ночных дорог, — продолжил тихо напевать демонолог, не поведя и бровью в сторону подсевшего к нему блондина и продолжая меланхолично скрести ногтями по холке млеющего малыша Вали.

— Да, я немного перегнул! Но и ты был не прав, Вел!

— Шла босиком, не жалея ног, — мастер тьмы ненадолго прервался для того, чтобы шумно глотнуть виноградной улады.

— Я же хочу, чтобы он выжил во всём этом дерьме! У него есть потенциал! А ты срываешь мне занятие по важнейшим основам! — вспылил Мишико, отнимая у мастера тьмы ёмкость с вином.

— Выжил? — демонолог посмотрел на сидящего рядом паладина. — Я порой безумен, но я не идиот, Миш. Мы оба с тобой это видели. И я думаю, что ты не хуже меня понимаешь, что Паша умрёт. Умрёт в тот момент, когда ты достигнешь своей цели.

— Ты о чём?

— Не прикидывайся, гроза Сурийских врат! — Вел снова завладел бурдюком. — Когда мы впервые пришли сюда, тобой двигала лишь жажда найти её. Ты не хотел лишней крови. Тем более крови братьев. Первая волна гнева, которая породила резню в родном городе, прошла, и ты хотел всё решить миром. Не убивая. Именно поэтому был наспех придуман тот идиотский план, лишь для того чтобы привлечь к себе внимание. Как же! Сейчас все тут же узнают великого Молота и понесут великого воина к его ненаглядной! Именно поэтому мы оказались в подвалах Оплота, а не залили кровью всю крепость. Кстати, удивительно, что нас сразу тогда не убили. Немного узнав этого мудака Золену, мне это до сих пор непонятно. Ну ладно, тогда ты был не в себе, и мозги твои были забиты лишь поиском Искры и предвкушением долгожданной встречи. Но что движет тобой сейчас? После того как ты всё узнал? Скажи мне, паладин!

Мишико промолчал, задумчиво вглядываясь в горизонт.

— Молчишь? — продолжил мастер тьмы, передавая паладину ёмкость. — Ну-ну! Ответ-то на поверхности, Миш. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять то, что ты сейчас живёшь одной лишь только мстостью. Ты спишь и видишь, как бы поскорее сомкнуть свои пальцы на одной тощей инквизиторской шее! Но тогда возникает резонный вопрос: какого хрена мы уже который день топчемся на одном месте? Почему вместо того чтобы прорываться по колена в крови к заветному старику, мы ходим по каким-то Создателем забытым деревням да устраиваем долгие стоянки в лесах? А? А ответ-то рядом. Вон он, в травке лежит, орёт дурным голосом на всю округу. Я прав, паладин?

— Прав, — хорошенько приложившись к вину, ответил Мишико. — Всё так, тёмный мастер. После того как мы покинули Соколиный оплот, для меня перевернулось всё. Я не чувствую вкуса еды, я не чувствую запаха леса и полевых цветов, я не могу спать по ночам. Каждую ночь мне снится единственный сон. Раз за разом. Из ночи в ночь. Мне снится она. Бледная, молчаливая. Она просто молча смотрит на меня. Не укоризненно, не с гневом, не любя. Её взгляд пуст и безразличен. А по щеке из уголков глаз медленно скатываются капли крови. В тот момент я потерял цель, тёмный.

— А сейчас, получается, нашёл? — перевернув и потрясая опустевший сосуд, Вел отложил его в сторону и выудил из-под себя следующий.

— Да, — паладин глубоко вздохнул, — я убью его. И всех его прихвостней. Пацан же... Мы что-то придумаем. Я без раздумий обменяю свою жизнь на его.

— Ты же знаешь, что это бесполезно. Он всё равно умрёт.

— Я решу этот вопрос. Мы решим. Ты со мной, брат? — Мишико протянул руку демонологу.

— Брат? — в удивлении приподнял бровь Вел и рассмеялся. — Паладин и мастер ковена? Мы же противны таким, как ты! Ты, видимо, ещё не оклемался до конца.

— Если я что-то сейчас и понимаю во всём этом дерьме, то это то, что без тебя я бы не справился. И не справлюсь, — паладин так и не опустил протянутую для рукопожатия руку. — Ты хороший человек, Вел. Хоть и с придурью. Но точно лучше тех, кого я когда-то называл братьями. Так ты со мной, тёмный?

— Я с тобой, брат, — смотря в глаза блондину, ответил крепким рукопожатием мастер тьмы. — Ха! Паладин и мастер ковена! Хороши же братья!

— Да, — улыбнулся Мишико. — Превратности судьбы. Видела бы это Искра, сочла бы за плохую шутку.

— А она видит, Миш. Оттуда, — демонолог указал пальцем на небо.

— А-а-а-а! — мимо парочки на огромной скорости пронёсся завывающий болид. — Я горю, мать вашу! Я горю заживо! Потушите ме...

Споткнувшись об лежащий на земле камень, Иваныч пролетел добрых пять метров и встретил головой стоящую телегу. Раздался стон и треск многострадальной телеги, а начинающий маг пару раз дёрнулся и, наконец, затих.

— А он хитёр! — с уважением посмотрел на обмякшего Иваныча демонолог. — Я в своё время не додумался покалечить себя настолько, чтобы вырубиться. Да я вообще в тот момент ни о чём, кроме как об избавлении от боли, не думал! Хотя я и ошибся-то малость.

— Да, — Мишико тоже не сводил взгляда с распростёртого в траве тела, — из парня может получиться что-нибудь толковое.

— Мы так и продолжим топтаться на месте? — задал неожиданный для блондина вопрос Вел.

— Не знаю, — чуть подумав, ответил паладин, — пацан ещё не готов. А его сила бы нам точно не помешала.

— Он не будет готов и через неделю, — возразил демонолог. — Слишком мало у него знаний. Пусть учится в процессе! В прошлый раз неплохо получилось.

— Ладно, — согласился Мишико. — Только заглянем в гости к родственничкам. Тем более что это тут рядом.

— Родственничкам? — вопросительно посмотрел на паладина Вел.

— Ага. Не поверишь, но Искра была родом из этих мест, — подтвердил паладин. — Целая баронесса. А я вроде как барон. Сейчас, если я не ошибаюсь, тут неподалёку правит баронством один из её племянников. Я должен сообщить им о её судьбе. Ну и девчонку там пристроим.

— Она выкарабкается? — спросил демонолог, взглянув на телегу, в которой лежала девушка.

— С ней всё нормально, — улыбнулся Мишико. — Сильная девочка. Самое страшное для неё уже позади.

— Ну и славно! — поднимаясь, хлопнул себя ладонями по коленям мастер тьмы. — Пойдём грузить твоего подопечного. Судя по раздавшемуся треску, он ещё не скоро оклемается.

— Вино ещё осталось?

— О да, брат, — широко улыбнулся мастер тьмы.

— Тогда полежит пока в травке. Ничего с ним не сделается, — паладин благодарно кивнул, принимая ёмкость. — Подождёт, пока почтенные маги отдохнут.

Спустя час и пару бурдюков с вином отдых достопочтенных магов прервал истошный, полный животного ужаса женский визг.

— Девушка! Ну и чего так орать-то?! — вой сирены прервал появившийся из ниоткуда демонолог. К слову, попасть в необходимое место он смог лишь со второго раза. — Уважаемым людям отдыхать мешаете! Нехорошо же! Ну пригрелась у вас животинка. Так это ей ласки просто хочется! Вы только посмотрите, какая милота.

Мали перевела взгляд своих больших зелёных глаз с поучающего её брюнета на уродливую жабу, усевшуюся у неё на животе и, по-кошачьи мурлыча, деловито натаптывавшую её грудь массивными лапами, которые венчали длинные уродливые когти. На когтях, кажется, даже сохранились следы запёкшейся крови.

— В-вы кто? — у девушки оказался милый бархатистый, но ещё по-юношески звонкий голос.

— Вел. Мастер тьмы, потомственный демонолог, учёный, — брюнет попытался исполнить поклон, но его слегка подвёл вестибулярный аппарат, и потомственный демонолог старался сохранить равновесие.

— А... — Мали была растеряна и отчаянно пыталась понять, что вокруг неё происходит.

— Вел! — к брюнету по кривой траектории подошёл голубоглазый блондин. — Ты мне ученика оттоптал!

— Оп-па... Пардону просим! — демонолог глянул вниз и развёл руками в извиняющемся жесте, но с беспомощного тела, впрочем, так и не сошёл.

— Здра-а-асть! — показал, расплывшись в улыбке, все свои зубы заметивший очнувшуюся девушку паладин. — Мишико. Можно просто Миша.

Судя по раздавшемуся глухому стону, блондин тоже взгромоздился на лежащее подле телеги тело.

— Оч-чень приятно. Мали, — кажется, девушка от удивления потеряла способность моргать. — А вы кто? И где я нахожусь?

— Паладин, — почесав затылок, ответил Мишико, — и тёмный мастер.

— А-а-а, — Мали перевела взгляд на жабу.

— Малыш Вали, — теперь показывать свои зубы и их локальное отсутствие пришлось мастеру тьмы. — Он такой симпатяга. Ути-пути, мой маленький!

Вел потянулся к жабе, обдав только что пришедшую в себя девушку сшибающим с ног сивушным ароматом. Малыш Вали же снова заурчал, когда схвативший его за холку демонолог принялся скрести ногтями по соломе рыжего меха на его груди.

— А кто там стонет? — Мали не спеша села.

— Стонет? — паладин с удивлением посмотрел себе под ноги. — А-а. Это мой ученик. Паша. Ну и твой спаситель. По совместительству.

— Спаситель? — девушка ненадолго задумалась, после чего её лицо внезапно исказила гримаса ужаса и страха, а спина затряслась от беззвучного плача. Мила подобрала колени к себе и, закрыв лицо замотанными в окровавленные ленты ладонями, едва слышно всхлипывала.

— Вот не переносу я всего этого, — поморщился Мишико. — Вел, давай уж ты сам справляйся.

— Вина? — ошарашенный демонолог, небрежно откинув в сторону жабу, протянул девушке бурдюк.

Мали ничего не ответила, но руку выжидательно протянула.

— А ты умеешь ладить с женским полом, — шепнул Мишико мастеру тьмы, любуясь пьющей девушкой.

— А то! — Вел расправил плечи и приосанился. — А ты со мной по борделям не желаешь ходить. Это же лучшая школа жизни! Там есть место всему! Жизни и смерти. Любви и ненависти. Ласкам и доброй драке. Красивым женщинам и...

— Да понял я! — прервал уставившегося в одну точку и начавшего пускать слюни мастера тьмы паладин. — В первом же крупном селении полдня отгула!

— Всего-то?! Сутки! И ни часом меньше!

— Сотрёшься, — буркнул в ответ Мишико, наконец сойдя с бессознательного тела.

— Что? — не расслышал приятеля демонолога.

— Говорю, поберёг бы ты мышцу сердечную. Вторая сотня как-никак пошла. Здоровье-то нужно беречь!

— Я пока ещё кой-чего могу, — Вел выставил грудь колесом и лихо закрутил пальцами усы. — Сутки — это так, для затравки только!

— Грузимся, — махнул рукой Мишико, не желая напоминать демонологу результаты прошлой "затравки". — Кстати, а почему ты мне не помогаешь с обучением?

— Так я думал, ты из него человека по своей методике решил делать, — удивился державший за руки бессознательное тело Иваныча мастер тьмы.

— Он у нас парень необычный, — паладин держал ноги Павла. — Как тебе мысль создать программу из выжимки от двух противоположных школ?

— Хм... А что. В этом что-то есть.

— Поможешь?

— Конечно! — заблестевшие пьяные глаза и широкая улыбка демонолога обещали ученику незабываемые эмоции и приключения.

Уважаемые маги небрежно уронили Иваныча и крепко пожали друг другу руки. Раздавшийся снизу болезненный стон скрепил договор тьмы и света.

— Держи его, Рэй! Держи! Я уже рядом, — сорванным от постоянного крика голосом прохрипел Гери, устало поднимая огромный боевой топор с предательски скользкой от чужой крови рукоятью.

Его приятель тем временем, воткнув пику на конце алебарды в глаз твари, изо всех сил старался прижать её к стене и не дать ей вырваться.

Тварь же, будто и не замечая острой стали в своей голове, сопротивлялась и старалась дотянуться длинными руками до мощной шеи подловившего её Рэя. Воздух перед лицом здоровяка с гудением разрывала светящаяся смерть.

Через пару часов после того как над сердцем Герхардского баронства проревел давно молчавший фамильный боевой рог, наступил рассвет. И с рассветом церковь решила продолжить свою экспансию на север княжества через вставшую у них на пути крепость. Начался штурм.

Первыми своё веское слово сказали маги, кои всё же оказались в рядах атакующих. Маги принялись наносить удары, проходясь смертельной косой по защитникам на стенах крепости. Били они все одновременно, повторяя свои удары волнообразно. Раз за разом. Гери насчитал шестнадцать таких волн, пока переждал атаку, прижавшись к крепкому камню крепостной стены. К счастью, серьёзного урона защитникам им нанести не удалось. Три личных мага барона вполне справлялись, накрывая защитными куполами солдат на самых тяжёлых участках. Но тем не менее Гери видел, как несколько его сослуживцев за считанные секунды обратились в пепел.

А после атаки магов пришла пора защитникам познакомиться с ними. Рэй назвал их просто и незатейливо — твари.

Первая такая тварь вылезла прямо на позиции приятелей, забравшись прямо по отвесной стене. И первое, что бросалось в глаза, — так это неестественно длинные и

непропорциональные телу руки. Пальцы на чёрных, обтянутых пергаментной кожей руках украшали длинные острые когти, которые слегка светились бледно-зелёным. Колени же были по-паучьи вывернуты назад, что придавало её походке неестественность и некую пружинистость. Из тёмного провала капюшона серой рясы на приятелей уставились два пылающих мёртвенно-зелёным светом немигающих глаза. И тварь была бесшумной. Она не издавала вообще никаких звуков.

Первым среагировал Гери.

Поднырнув под размашистым ударом твари, воин отрубил ей руку и, крутанувшись, широким ударом снёс голову с плеч. Улыбнувшись, он повернулся к приятелю и расправил плечи.

— Легко!

— Гери! — предостерёг его Рэй, вкладывая все свои силы в бросок алебарды.

Гери моментально развернулся, нанося слепой удар своим топором. Удар прошёл мимо лишь потому, что в поднимающуюся с пола обезглавленную однорукую тварь глубоко вонзилось брошенное приятелем оружие, роняя её обратно. Но и после этого она не успокоилась, пытаясь вновь подняться. Недолго думая, Гери зашёл к ней с безопасной стороны и мощным ударом отрубил вторую руку. Немного поразмыслив, он занялся и ногами. И, как оказалось позже, не прогадал.

Твари были очень живучи. Ненормально живучи. Их не убивало даже лишение головы и всех конечностей. В таком состоянии они могли ещё прожить как минимум несколько часов.

— Ну и мразота! — констатировал Рэй, выдёргивая алебарду из содрогающегося на полу обрубка. — Гери! У него даже кровь из культей не течёт! Я не понял, он дохлый, что ли?

— Ты сюда глянь! — ответил приятель, пинком отправляя в его сторону круглый предмет.

— Твою мать! — воскликнул здоровяк, пытаясь стряхнуть вонзившую свои зубы в его сапог голову.

Голова выглядела не менее странно. От мерцающих белёсой зеленью глаз исходила испарина, пропитывая воздух приторным запахом разложения. Вся кожа была усеяна гнойными нарывами, которые, лопнув, обнажали гниющую плоть. Заострённые, почерневшие зубы, терзавшие крепкий сапог, скорее подошли бы хищному зверю. И всё же это была человеческая голова.

— Родственник? — гоготнул Гери, сбивая обухом топора зубастую голову с сапога напарника.

— Ага, — отстранённо ответил Рэй, разглядывая, как крепкая кожа начала шипеть и пузыриться от попавшей на неё слюны твари, — сводный братец. Папаша у меня ещё тем ходок слыл... Слышь, Гери?

— Чего?

— А что это за херню мы сейчас завалили? — поскребя перчаткой по затылку, покрытому стальным шлемом, спросил Рэй.

— Понятия не имею.

— Ты же мне сам рассказывал про тёмный ковен и немёртвых. Это оно?

— Не знаю. Думаю, что...

Ответ Гери был прерван истошным криком, раздавшимся неподалёку от парочки. Как оказалось, находящиеся рядом с ними защитники прозевали появление следующей твари, и та устроила форменную мясорубку, окутав место бойни кровавым туманом.

— Герхард! — проревел здоровяк, бросаясь в атаку на очередного гостя.

— За Герхард, — выдохнул Гери, догоняя приятеля.

— Дерьмо! — прохрипел Гери, отделяя лезвием топора капюшон серой рясы от тела твари, которую пришили к стене здоровяк.

Ему с трудом верилось в то, что те события, воспоминания о которых в очередной раз пронесли у него в голове, происходили лишь несколько часов назад. Сейчас же едва перевалило за полдень.

Со стен крепости защитников баронства Герхард выбили около часа назад. Тварей оказалось слишком много. И с каждым убийством они становились всё быстрее и опаснее. Тем не менее воины стойко обороняли стены, пусть и платили за это немалую цену. Поскальзываясь на залитом кровью камне, они методично уничтожали тварь за тварью, неся потери, но не давая им прорваться. Пока не прозвучал сигнал на отход.

Твари хлынули в город.

Приятеля же в компании ещё пары десятков сослуживцев прикрывали отход оставшихся воинов и мирных жителей в донжон крепости.

— Гери, — лишённым всяких эмоций голосом тихо окликнул приятеля Рэй.

Обернувшись на голос, Гери увидел, как четверо личных гвардейцев барона заносят бессознательное тело в двери донжона.

— Может, обойдётся? — мрачно спросил Гери, хотя прекрасно знал ответ на свой вопрос.

Любая рана, полученная от когтей тварей, была смертельной. Изумрудная зараза пожирала человека за считанные часы, заставляя тело стремительно разлагаться и гнить заживо. Раненые спустя несколько часов начинали сбрасывать с себя пузырящуюся жёлтой пеной плоть, подобно осенним деревьям, что скидывают с себя пожелтевшую листву, обнажая неприкрытый ничем скелет.

— Может, и обойдётся, — глухо ответил Рэй, перехватывая алебарду. — Упырь справа!

— Маги! — раздался с высоты донжона голос, — маги на тракте! У них пополнение!

— Вот только этих дерьмоедов нам сейчас и не хватало! — прорычал Гери, замахиваясь топором на очередную тварь.

— Больно?

Первое, что увидел пришедший в себя Павел, — это были прекрасные изумрудные глаза. Это были её глаза. Он был в этом абсолютно уверен. И от вида этих глаз его бросило в пот. Сколько раз он видел их в своих снах? И с каждым разом они были всё более размыты, будто подёрнуты дымкой. Павлу даже казалось, что он начал уже забывать, как они выглядят. Нет. Не забыл.

— Больно? — повторила свой вопрос склонившаяся над ним Мали.

Не отрывая взгляда от девушки, Иваныч прикоснулся к своему лбу и нащупал там внушительных размеров шишку. Следом рука скользнула к груди, ощупывая её на предмет целостности. Павел заподозрил пару переломов рёбер.

— Нормально, — не своим голосом ответил Иваныч, — По мне табун лошадей проскакал?

— Коня было всего два, — Мали слегка улыбнулась уголками губ.

Улыбка тоже была её! Но всё же некоторые черты лица говорили о том, что перед ним была не она. Не Лена.

— Понятно, — вздохнул начинающий маг, — Спасибо!

— Это я должна тебя благодарить. Если бы не ты, я бы, скорее всего, была мертва, — тихо возразила девушка и, помрачнев, добавила, — Хотя, может, оно было бы и к лучшему. Эти двое... Почему так? Они же люди церкви! Они всегда следовали заветам Создателя! И мы всегда были рады им в своём доме. Эти двое зарезали дядю Рута! Просто так! И при этом они веселились и смеялись!

— Я не знаю, — устало ответил Иваныч, — Знаю лишь то, что этот мир сходит с ума. Но точно могу сказать, что эти двое тебя в обиду не дадут. И самое страшное для тебя позади.

Девушка мягко прикоснулась к саднящей шишке на его лбу и сосредоточилась. Павел же почувствовал тёплое прикосновение нежных женских пальцев, от которых пошёл приятный холодок, унимавший давящую боль и придававший ощущение лёгкости и бодрости телу.

— Спасибо, — произнёс ученик и, опомнившись, спросил, — Как твои раны?

В ответ девушка выставила перед собой обмотанные грязными повязками ладони и с лёгкостью сжала их в кулаки.

— Господин Мишико и господин Вел неплохо разбираются в целительском деле, — Мали щёлкнула пальцем по носу подбирающейся к ней жабы, — Ну и я сама уже чуточку поработала над собой.

— Ну и славно, — Павел перевёл взгляд вперёд, где, сидя на козлах, тихо переговаривались друг с другом паладин и демонолог.

— А что ты делаешь?

— Ты, пожалуйста, отвернись ненадолго, — Иваныч принялся шарить руками по дну телеги в надежде найти что-нибудь тяжёлое, — Ага. И ушки тоже прикрой. А я пока выражу благодарность двум уважаемым господам, чтобы в будущем господа не забывали предупреждать о некотором пи... Хм. Некоторых безобидных нюансах.

Начинающий маг уже замахнулся над черноволосой головой мастера тьмы так удачно попавшимся под руку тренировочным деревянным двуручником, когда Вел внезапно

обернулся.

— Уже отдохнул, ученик? — демонолог был на редкость радостным и оживлённым, — И уже разминаешься? Похвально. Похвально. Коллега, а ты называл его ленивым увальнем!

— Ученик? Коллега? — кажется, до застывшего с высоко поднятым мечом Иваныча начала доходить вся глубина приближающейся катастрофы.

— О да! — мастер тьмы сиял, как начищенный пятак, — Мы тут с коллегой набросали черновик твоей программы. И знаешь что? Твой путь будет уникален! Выжимка из обучающих программ двух сильнейших школ точно не оставит тебя равнодушным. Ты не отвлекайся. Разминайся! Тем более, что по графику у тебя сейчас фехтование. А затем мы прогуляемся с тобой в Астрал! Ну а после мы с тобой изучим и отработаем новое плетение в Искусстве. Ты чего? Это от радости? Понимаю! Будь я в твоём возрасте, сам бы от такого пребывал в щенячьем восторге!

После безуспешных попыток перепилить себе горло тупой деревяшкой Павел перевёл взгляд на трясущуюся от смеха спину паладина и обречённо завыл, заставляя подняться в небо со своих насиженных гнёзд всех птиц в округе.

На удивление разминка и занятия по фехтованию прошли нормально. А если не брать в расчёт разбитого носа Павла, то вообще замечательно. После тренировки Иваныч ещё даже сохранил способность стоять, а не сразу же падать кулём в дорожную пыль.

С походом в Астрал тоже всё вышло куда лучше, чем в прошлый раз. И если бы резвящийся в мире Эменди мастер тьмы с воплями не приволок за собой какую-то жуткую шестиногую полупрозрачную дрянь, на которую не действовало ни одно заклинание, Павел мог бы сказать, что ему даже понравилось. Ну не расстраиваться же из-за ломоты и жжения в каждой части молодого организма? Иваныч на такую ерунду уже не обращал внимания. Ведь кроме боли, он испытывал ещё бодрость и бурлящую в крови, ищущую выхода дурную силу.

— Точно запомнил? — в шестой раз переспросил начинающего мага демонолог.

Как оказалось, в роли преподавателя Вел былещё тем занудой.

— Да, — уже чуть ли не зевая ответил Павел, — Вел, а почему мне это объясняешь ты, а не Мишико?

— Потому что Мишико штурмовик, — отмахнулся мастер тьмы.

— Кто? — Иваныч, конечно, знал значение этого слова, но не был уверен в правильности его трактовки в этом мире.

— Все его навыки ориентированы на ближний бой. Он очень хорош в атаках на коротких дистанциях и, естественно, в защите. А если бы у него был молот, то связываться с ним стало и вовсе сродни самоубийству. Но на дальних дистанциях и при работе по площадям его знания сильно ограничены. Для этого у паладина была его Искра.

— Вы мне уже все уши прожужжали этим молотом. Что в нём такого особенного? — спросил Павел.

— Он часть меня. А я часть его, — холодно произнёс подошедший блондин, — Вел прав. Он это сделает лучше меня.

— Так он же и вовсе тёмный! — недопонял Иваныч.

— У нас были не только тёмные, — хохотнул демонолог, — А знаешь, чем занимается мастер в ковене?

— Понятия не имею, — буркнул начинающий маг, у которого от обилия вливаемой в него информации уже шла кругом голова.

— Делает уважаемых людей из таких телков, как ты!

— Мы за ним несколько лет охотились, — подтвердил Мишико, — Этот хрыч подготавливал все диверсионные группы на нашем направлении.

— Так что ты не переживай, Паш. Мы и из тебя что-нибудь путёвое сделаем! Станешь на человека похож! — продолжил Вел.

— Угу, — произнёс себе под нос Иваныч, — Пойдём уже, делатель! Как ты там сказал? “Жалящий рой”?

— Да! Сейчас увидишь, как он работает. Идеальный инструмент для поражения быстро перемещающихся целей, — затараторил демонолог, — А знал бы ты, как он прекрасно сочетается с “Вязкой тьмой”! Ммм... Хотя о чём это я? Сейчас и посмотришь. Вот только нам нужна мишень...

Мастер тьмы нахмурился и в задумчивости поскрёб подбородок, но, остановив свой взгляд на спящем неподалёку малыше Вали, вновь расцвёл и хищно оскалился.

— РУ-РУ? — сонная жаба не могла понять, зачем её беспощадно разбудили и, грубо схватив за лапу, куда-то волокут.

— А он не поранится? — задала вопрос наблюдающая за всем действием Мали.

— Девочка, поверь мне, он даже не почешется! — ответил демонолог и повернулся к ученику. — Готов? Давай!

Павел без проблем воссоздал над малышом Вали необходимую фигуру, добавив туда чуточку силы. Буквально каплю.

Сорвавшийся с его руки искрящийся шар со свистом рассекаемого воздуха отправился по направлению к ничего не подозревавшему рыгуну. На преодоление пары сотен метров потребовались какие-то мгновения.

— Охренеть, — только и смог выдавить из себя начинающий маг.

Достигший цели шар с громким хлопком разорвался, подбрасывая вверх комья земли и порождая рой желтоватых искр, которые неспешно закружили хоровод вокруг зажмурившейся жабы.

— РУ? — робко приоткрыл глаз малыш Вали и заморожено засмотрелся на мерцающие огоньки.

Искры будто ждали этого момента и принялись хищно впиваться в бурую кожу взвизгнувшей жабы.

— Покажи мне скорость! — гаркнул на Иваныча демонолог.

И начинающий маг показал.

Очередь из десятка шаров он выдал меньше, чем за полминуты.

— Быстрее! Быстрее! — не унимался мастер тьмы. — Рассчитывай упреждение! Быстрее!

— Да по нему хрен попадёшь! — Павел даже вспотел от напряжения.

Жаба, судя по всему, поймала флэшбэк из времён вьетнамской войны. Иначе начинающий маг её поведение объяснить не мог.

Малыш Вали, вывалив по-собачьи язык, петлял, подпрыгивал и прижимался к земле, пропуская свистящие трассеры мимо себя. Пользуясь складками местности, он медленно, но верно приближался к компании. Налипшие на морду земля и трава и вовсе придавали жабе вид лихого командоса.

— Оп! — Вел хлопнул по земле ладонью.

Почва под малышом Вали раскисла и приобрела мазутный оттенок, медленно поглощая

его в свою утробу. Внезапно выстрелившие в воздух тёмные отростки оплели ошалевшего рыгуна, не позволяя ему сдвинуться с места.

Иваныч, поддавшись азарту, выдал короткую очередь из трёх шаров и осторожно потрогал разогревшийся ошейник, разглядывая результат.

— Как тебе связка? — поинтересовался довольный мастер тьмы.

— Отлично! — начинающий маг прикинул в уме, что бы он мог наворотить с этим умением в тех переплётах, в которых довелось побывать. — А что если...

Р-Р-Р-АХ!

На месте прилипшей жабы образовался слепящий огненный купол в несколько метров диаметром.

РАХ!

Купол схлопнулся, извергая в небо столб огненных искр, которые, поднявшись, собрались в переливающееся белым огнём облако.

РАХ!

Уплотнившись, облако обрушилось всей своей тяжестью на горящую землю.

— О-о-о-о! — не сводя глаз с происходящего, протянул демонолог, — Сколько?

— Ну, я изначально хотел попробовать на четверть, но засмотрелся на малыша и задумался... — начал мямлить Иваныч.

— Сколько? — Вел, кажется, даже не моргал.

— Где-то на три четверти, — Павел даже застенчиво пошаркал ножкой.

— А на полную сможешь? И несколько подряд? Скажем, штуки три? — судя по всему, чадающая воронка ввела демонолога в транс.

В ответ юный маг лишь неопределённо пожал плечами.

Р-Р-Р-АХ!

Р-Р-Р-АХ!

Р-Р-Р-АХ!

Три наполненных белым огнём шара, каждый под метр диаметром, устремились к цели. Прямо к пытающемуся выбраться из воронки малышу Вали.

Р-Р-Р-АХ!

Р-Р-Р-АХ!

Р-Р-Р-АХ!

Три вспышки слились в одну. Если бы не предусмотрительно активированная защита, Павла бы банально сдуло ударной волной.

Начинающий маг испуганно оглянулся, но тут же успокоился, увидев, что девушка находилась вместе с паладином под одним защитным куполом.

Р-Р-Р-АХ!

Вверх поднялся исполинский гриб из мерцающих искр. Гриб медленно втянул свою ножку внутрь, сжался и устремился к земле.

Р-Р-Р-АХ!

От места падения разошлись волны грунта и задул ураганный горячий ветер.

— А, чёрт! — Павел коснулся ошейника, но тут же одёрнул обожжённые пальцы. Запахло палёным мясом.

Щёлк!

Павел был уверен, что звук раздался именно от каменного кольца у него на шее.

— О-о-о-о! — глаза мастера тьмы были размером с блюдца. — Мишико! А где тут

ближайшие блудницы? Мне срочно надо к ним! Очень срочно! Миша-а!

— РУ-А-А! — донеслось из эпицентра взрыва.

В спёкшийся в стекло край воронки со скрежетом вцепились две когтистые лапы. Вытащив своё покрытое чёрной сажей тело на поверхность, малыш Вали шумно шмыгнул носом, почесал когтями опалённую грудь и медленно обвёл всех тяжёлым взглядом налитых кровью глаз, остановив его на мастере тьмы.

— Кажется, у меня там вино скисает, — севшим голосом сообщил Вел и тут же исчез.

— РУА-А? — проревела жаба и тоже исчезла в тёмной вспышке.

— А-а-а... Он и так умеет? — ошарашенно спросил Павел.

— Ага, — растерянно ответил Мишико.

— Бедненький, — всплеснула руками Мали.

Иваныч подставил обожжённую шею в предвкушении блаженного холода и избавления от боли, но девушка пробежала мимо него в сторону их временного лагеря.

По тракту разнёсся вопль демонолога.

— Малыш Вали, я уже рядом! — прокричала девушка и ускорила.

— Пойдём и мы потихоньку? — Павел вздохнул и повернулся к паладину.

Ответом ему послужила довольная улыбка блондина.

— Мы их догоним, — ответил Мишико. — Пока ещё только полдень. У нас с тобой уйма времени!

Пока телега мерно поскрипывала несмазанными колёсами, наматывая километр за километром по пустующему тракту, паладин и его ученик успели действительно многое.

Они провели ещё один урок фехтования. И Павлу длинная деревяшка уже не казалась такой чужеродной. Нет, против нормального воина он бы один на один не вышел, но и за камни уже бы хвататься не стал. И он начал понимать принципы работы с тяжёлым оружием.

Также Павел под чутким руководством блондина изучил ещё одно защитное плетение. От “Солнечного кокона” оно отличалось тем, что позволяло спрятать под собой большую площадь. И носило, пожалуй, куда более пафосное название: “Купол тысячи хрустальных осколков”. Но паладин объяснил, что все его называют просто “Купол”. Именно его Иваныч и наблюдал около часа назад, когда Мишико прикрыл им девушку.

— Кто у вас придумывает все эти названия? — во время небольшой передышки после нескольких удачных применений “Купола” спросил Павел.

— Пф... — прыснул на это блондин и покачал головой, — Как правило, умудрённые опытом старцы. По крайней мере, так принято говорить. На самом деле, точно неизвестно. Но есть люди, посвятившие свою жизнь созданию новых плетений. Так вот представь, если ты несколько десятков лет посвятил созданию чего-то нового, и у тебя, наконец, получилось, будешь ли ты давать этому серое и блёклое имя?

— Пожалуй, в этом наши миры схожи, — согласился начинающий маг, — Создавать новые плетения — это так сложно? Ты говорил про десятилетия. Ведь все плетения состоят из наборов примитивных фигур.

— И да, и нет. Тут сложность скорее в испытаниях. Ты же не знаешь, что у тебя в итоге получится. Кто знает, не испепелишь ли ты себе мозг при очередной попытке? Да и фигур немало, не говоря уже о вариантах их компоновки. Хотя определённые наработки в этом направлении существуют. Много лет назад был период, когда эта тема поглотила меня с головой. Я даже вёл дневник, собирая в него все подмеченные мной закономерности в

плетениях.

— Например?

— Ты пока мало знаком с Искусством, но два защитных плетения уже изучил. Подумай, что у них общего?

— Конус. В обоих случаях используется конус! — чуть подумав, ответил Павел.

— Именно, — подтвердил Мишико, — В защитных плетениях всегда есть эта фигура. И таких закономерностей немало.

— И где сейчас эти записи?

— Далеко на севере среди заснеженной пустыни стоит монастырь. Так вот в одной маленькой келье этого монастыря, под одной из коек, есть небольшой тайник, в котором и хранятся эти записи. Тебя заинтересовало искусство создания плетений?

— Да, — не стал юлить юный маг.

— Тяга к движению вперёд — это всегда хорошо! Это отлично! — паладин потрепал Павла по копне каштановых волос, — Может, когда-нибудь накидаю тебе информации по памяти. Но прежде чем создавать новое, давай-ка мы с тобой освоим уже известное. Подъём, ученик!

— Уже? — устало вздохнул ученик.

— Поднимайся! — хохотнул паладин, — Сейчас будем играть в догонялки. Но скоро у тебя будет возможность отдохнуть. Я небольшой знаток этой местности, но по моим подсчётам сегодня мы заночуем в тёплых кроватях после сытного ужина. А наш тёмный друг наконец-то попадёт в дом терпимости.

— О как! — удивился Павел, — Да, Велу это точно не помешает. Что-то он совсем раскис. Это всё из-за усов?

— Ага, — кивнул Мишико, — У него на счёт них какой-то пунктик. А жаба их обкорнала. Вот и хандрит старый.

— У жабы, видимо, по поводу шерсти на груди тоже был пунктик, — хохотнул Иваныч, — Хотя это я ей её спалил. Правда, с подначки тёмного. Что она вообще такое?

В ответ паладин лишь пожал плечами.

— Мы с Велом уже обсуждали этот вопрос, — после короткой паузы произнёс блондин, — Ни я, ни он ни с чем подобным раньше не сталкивались. Единственное, он предположил, что это чей-то фамильяр.

— Что это?

— По слухам, у достаточно могущественных магов прошлого были животные, в оболочку которых те заключали души поверженных ими врагов и подчиняли себе. Фамильяры состояли на службе у всего рода мага, переходя по наследству из поколения в поколение. Они были неподвластны воздействию силы и умели пользоваться примитивными плетениями сами. Но это всё слухи. О фамильярах никто не слышал уже много веков. Хотя сегодня он, пожалуй, подтвердил нашу догадку.

— Лучше бы не спрашивал, — новую информацию в голове Павла уже некуда было складировать, — Так что там про догонялки?

— Двумя защитными плетениями ты уже овладел, — принялся загибать пальцы Мишико, — Пару атакующих тоже выучил. Пора научиться вовремя делать ноги.

На этих словах раздался едва слышный переливчатый звон, и блондин исчез в мягкой светлой вспышке.

— Догоняй! — Мишико оказался в десяти метрах от ученика и, вытянув перед собой

ладонь, воссоздал над ней необходимую фигуру, — Главное, чётко представляй, где ты хочешь оказаться! Иначе тебя перекинет куда-либо совершенно случайным образом. Запомнил? Кто последний, тот отмывает жабу!

Снова вспышка, и паладин исчез.

— А как... — ошарашенно пробормотал Иваныч, — Да к демонам всё! Разберёмся!

Спустя несколько секунд раздался приятный перезвон, и начинающего мага поглотил мягкий свет.

Над пустынным трактом разносился тихий мелодичный перезвон. Будто кто-то невидимый часто звонил в бубенцы.

Дзынь-дзынь!

Дзынь-дзынь!

— Я тебя всё равно сделаю! — на миг появившийся Павел примерился к следующей точке для прыжка.

Ответом ему послужил звонкий смех паладина. Впереди. Голубоглазый здоровяк всегда впереди.

Начинающий маг уже более-менее освоился с таким необычным для него способом перемещения в пространстве. В принципе, ничего сложного в нём не оказалось. Нужно было лишь приметить интересующее тебя место для прыжка и задержать его в голове. Дальше оставалось лишь создать нужную фигуру и капнуть в неё силы. Мгновение, и ты на месте.

Вот только паладину удавалось перемещаться быстрее и на большее расстояние.

И Павел решил поэкспериментировать.

— Поднажмём, — с азартом Иваныч взглянул на то место, где дорога уходила в горизонт, и заполнил плетение на треть. — Ох!

Столкновение грудью с чем-то твёрдым выбило весь воздух из лёгких Павла и опрокинуло в пыль. Открыв глаз, он снова увидел её глаза.

— Интересно, — тихо произнёс начинающий маг, — так будет происходить каждый раз?

— Ты о чём? — Мила перепрыгнула через борт их скрипящего транспортного средства, оказавшись рядом с Павлом.

— Неважно, — отмахнулся ученик, наблюдая, как девушка прижала свою ладонь к его отбитой груди. — Спасибо! Мне уже лучше.

— Ух, ё! — присвистнул появившийся рядом паладин.

— Бордель, — раздался мрачный голос мастера тьмы, — ты обещал мне бордель. И мне плевать, как ты это сделаешь!

— Мда, — протянул Мишико, проведя ладонью по недельной бороде, — с блудницами могут возникнуть проблемы...

Путники молчаливо смотрели вперёд. С излучины тракта, на котором они находились, открывался красивый вид. Лес, сопровождавший их все последние дни, заканчивался, уступая каменистым лугам, укрытым сочной зеленью и разбросанными каменными валунами. Вдали над облаками висели белоснежные пики гор, скрывавшие свои мощные основания в непроглядной дымке.

Но всё внимание находившихся на тракте привлекли не умиротворяющие пейзажи. Они все не сводили глаз с крепости, которую петлёй огибала их дорожка, устремляясь в сторону величавых гор.

Павел впервые своими глазами видел столь могучее укрепление. Высокие, основательные стены с каменными зубцами по периметру, между которых затесались узкие окошки бойницы. Обитые железными полосами массивные ворота из крепкого тёмного дерева. За стенами же виднелись красные черепичные крыши, кольцом окружавшие каменное здание в несколько этажей.

Иванычу бы пришло в голову сравнение с классическим средневековым замком, но ему было плевать. По крепости он лишь скользнул взглядом, отметив, что у её жителей проблемы. Большие проблемы.

— РУ? — поведя своим внушительным носом, уркнул малыш Вали.

— Ещё как горит, — согласился с ним Мишико. — Похоже, они прорвались внутрь. Хотя ворота ещё не выбили, но защитников на стенах уже нет. Да и штурмовых лестниц я что-то не вижу. Что за дерьмо тут происходит?

На поле перед крепостью был разбит достаточно крупный лагерь, в котором между слабо различимых костров и редких шатров деловито сновали люди в серых рясах. Три десятка церковников с шумом и гвалтом пытались выбить ворота массивным деревянным тараном со стальным оголовком.

БАХ!

Ворота содрогнулись, но выдержали. Монахи не удержали тяжёлый таран и попадали. Кто-то истошно заорал.

— Почему им не откроют ворота изнутри, если ты сказал, что штурмующие уже проникли внутрь? — задал вопрос паладину Павел.

— Не знаю, — чуть подумав, ответил блондин. — Тут определённо что-то не так. Штурм таких укреплений вообще не проводится силами серых ряс. Для этого у церкви есть небольшой военный контингент и специальные отряды с подготовленными для проведения подобных операций людьми.

— Типа тебя? — спросил Иваныч.

— Типа меня, — согласился Мишико.

— Может, ещё в кости тут сыграем? — демонолог был явно не в лучшем расположении духа. — Ну, или перекусим в этом прекрасном месте с видом на горы и торчащие ляжки придавленных тем тараном церковников?

Павел, посмотрев на мастера тьмы, подошёл к нему и пригладил ладонью его волосы, укладывая их на одну сторону. Сделав пару шагов назад, Иваныч вдумчиво осмотрел результат своей работы.

— Куркен? Яйкен? Нихт! Нихт! — продекламировал начинающий маг и согнулся в приступе хохота.

— А что, — не понимая причины внезапного приступа веселья своего ученика, произнёс паладин, — выглядит неплохо!

Уже почерневший от бурлящей внутри него злобы Вел слегка просветлел.

— Правда? — заискивающе спросил мастер тьмы, пошевелив короткой обкорнанной жабой щёткой усов под носом.

— Правда, — Мила подошла к нему и звонко чмокнула в щёку.

— Ну ладно, — лицо Вела расцвело в улыбке и приобрело пунцовый оттенок, — когда начнём процедуру надирания закрытых рясой задниц? Сейчас, или переждём ночь и нападём под утро?

Успокоившегося было Павла уронило на землю новым приступом хохота.

— Я не уверен в том, что вообще стоит в это ввязываться, — в недоумении посмотрел на катающегося по земле ученика блондин.

— Брось, — махнул рукой Вел, — я не узнаю тебя! Это из-за молота? Ты без него совсем раскис. Какой паладин отказывается от весёлого мордобития?

— Не знаю, — паладин о чём-то задумался. — Здесь что-то не так. И мне это всё не

нравится.

— Ну давай! — подначивал друга тёмный мастер. — Ты же Мишико Таран! Пойдём и выбьем из них всё дерьмо! Эти ублюдки берут штурмом родовое гнездо Искры. И вряд ли из светлых побуждений. Вспомни, что они творили в деревне. Тут же город. Жертв будет куда больше.

— Когда это ты начал задумываться о жертвах? — удивился Мишико. — Помнится, ковен не гнушался обращением невинных жертв в нёмёртвых слуг.

— Общение с тобой меня портит, — деланно поморщился демонолог. — Мы никогда не насиловали и не издевались. Нам нужен был лишь материал. И мы сами не были от этого в восторге. Ковен всегда искал новые способы получить силу, сопоставимую с вашей, избегая ненужных жертв.

— Прямо хоть иконы с вас пиши, — в голосе паладина плескался сарказм. — Ладно! Я тут кое-что придумал. Паша! Поднимайся. Пора поработать.

Знакомый Иванычу блеск в глазах паладина означал лишь одно: чьи-то задницы скоро точно пострадают.

— Да держи ты его крепче! — прошипел упитанный монах с одутловатым лицом.

— Держу я! Держу, — возмутился его тщедушный собрат. — Сам бы попробовал! Ему ноги в кисель перемололо.

Двое в серых рясах, пыхтя и обливаясь потом, волокли к лагерю то, что осталось от их менее удачливого собрата.

— Что мы вообще тут забыли? Я вступил в лоно церкви не ради того, чтобы брать крепости штурмом! — воскликнул тощий, после того как в очередной раз бессознательное тело выскользнуло из его рук. — Какого демона мы оказались на войне? Эх, где те славные времена, когда после смены в патруле можно было зайти в таверну и пропустить там по паре кружек пенного?

— Тише, придурок! — ещё на тон ниже произнёс упитанный и воровато оглянулся. — Не приведи Создатель, отцу Августу доложат о твоих разговорах! Нам обоим тогда несдобровать! Помнишь об участии брата Фили?

— Помню, — помрачнел худосочный и исподлобья посмотрел в сторону шатра отца Августа.

Его полевое жилище внешне ничем не выделялось среди остальных. Такая же палатка из грязно-коричневой плотной ткани, как и множество других на этом поле. Разве что стояла она рядом с наспех сколоченным деревянным символом Создателя. Но каждый монах в лагере мог уверенно сказать, где именно находится шатёр отца Августа, несмотря на то что с момента его приезда прошло не больше суток.

Появился в лагере он под вечер прошлого дня в компании троих таких же немногословных послушников, которые ходили за ним безмолвной тенью. Объединяло их всех что-то непонятное. Будто исходящая аура чего-то мерзкого и ужасающего и одновременно приторно сладкого, запретного и манящего. Находиться рядом с ними было страшно до дрожи в коленях, но в то же время их тянуло к странным братьям по вере.

Брат Фили был приближён к отцу Говарду, который являлся старшим над всем серым воинством на этом направлении. Приближён он был во всех смыслах этого слова, как

духовно, так и физически. И брат Фили искренне считал себя кем-то равным по статусу отцу Говарду. Отца Говарда же он возвёл чуть ли не в статус Создателя на земле. А ещё он был недалёк, злопамятен и труслив.

Когда всё случилось, брат Фили как раз находился в шатре отца Говарда. Старик, улыбнувшись, ласково потрепал его по голове, взъерошивая золотые кудри, и сказал, что выйдет посмотреть, кого там нелёгкая принесла.

Кто появился в лагере, Фили не видел. Но слышал их разговор, так как он проходил как раз возле шатра, в котором он находился. Точнее, не разговор, а монолог отца Говарда.

— Кто такие? — старик уже давно привык к подчинению окружающих, потому не стеснялся в выражениях. А никаких высокопоставленных гостей он здесь не ждал.

— Почему заткнулись? Я к кому обращаюсь?! — сорвался на крик отец Говард. — Если принесли донесение, то представьтесь, как положено, и передайте уже его, а не стойте истуканами! Идиоты, демоны вас заберите!

Ответом ему была всё та же тишина. Вот только брату Фили почему-то стало жутко. Страх заставлял его бежать, но любопытство в итоге взяло верх. Именно из-за любопытства Фили, визжа, не забился под кровать, а продолжил подслушивать, трясаясь, как осенний лист.

— Я... Я... Кто вы? — голос отца Говарда разительно изменился и задрожал. — Я не знал. Я... Нет, это точно не из-за меня! Я ни при чём! Не надо!

Брат Фили никогда прежде не видел своего кумира таким испуганным. Поэтому, раздираемый любопытством, он сделал над собой усилие и, слегка отодвинув полог шатра, посмотрел наружу.

Отец Говард стоял на коленях спиной к нему и, закрыв лицо руками, рычал, раскачиваясь из стороны в сторону. Мокрые оголившиеся икры старика блестели под лучами уходящего солнца.

Напротив него стояли четверо братьев. В обычных рядовых рясах, с лицами, сокрытыми во тьме глубоко нахлобученных капюшонов.

Один из них медленно подошёл к рыдающему старику и нанёс ему размашистый удар в лицо. Фили готов был поклясться, что в этот миг он видел, как глаза ударившего полыхнули зеленью.

В тот вечер мир для брата Фили перевернулся с ног на голову. Какой-то пришлый чужак ударил его личного Бога. И Бог пал.

Осознание этого факта толкнуло брата Фили на самый отважный поступок в его жизни. Увидев, как рухнул отец Говард, он схватил со стола длинный узкий нож для писем и, закричав что-то нечленораздельное, выскочил из своего укрытия. Но дотянуться до мрачных чужаков ему было не суждено. Один из пришлых схватил его рукой за шею и приподнял над землёй.

— Вы... Посмели... Я вас... Он пожрёт ваши души, — извиваясь, хрипел подвешенный в воздухе брат Фили, полосуюя ножом пустоту.

Короткая изумрудно-белая вспышка прервала его словесные излияния, и он обмяк. Монах уронил Фили на землю, после чего схватил его за ногу и поволок в шатёр отца Говарда. Теперь уже бывший шатёр отца Говарда. За ним последовали и остальные, наступая на иссохший, изъеденный язвами труп старика.

А ночью в лагере творилась чертовщина.

Началось всё с того, что в полночь пришло странное распоряжение для всех, кто обладал крупными дарами, но не являлся полноценным боевым магом, собраться в западной

части лагеря. Всем остальным же было приказано, наоборот, покинуть этот участок и приготовиться к бою, сконцентрировавшись в восточном краю.

Сонные монахи, собравшись в шумную, гомонящую толпу, бурно обсуждали происходящее, позвякивая оружием и тихо поминая недобрым словом вновь прибывших. Все прекрасно понимали, с чьим появлением это связано.

РАХ!

Первыми своё веское слово сказали маги, обрушивая силу своего дара на защитников стен Герхарда. Вспышки разбивающихся о магические щиты заклятий озарили крепость. Маги баронства отвечали только редкими укусами, сконцентрировав все свои силы на защите. И справлялись со своей задачей они неплохо, лишь изредка пропуская удары, которые уносили жизни воинов на стенах.

Когда частота обмена ударами начала снижаться, церковники уже напоминали сжатую пружину. Они понимали, что сейчас настанет их черёд, но совершенно не понимали, что им делать. Ничего для штурма подобных стен у них не было. И это неведение их пугало.

— СМЕРТЬ! — inferнальный голос вытеснил собой все остальные звуки на поле, — **ЛИШЬ СТУПЕНЬ НА ПУТИ К НЕМУ!**

Слова, с болью ввинчиваясь в мозг, приводили монахов в ужас и одновременно дарили ощущение сладостного блаженства. Гремучая смесь эмоций плавно окутывала сознание церковников, делая их разум податливей и смывая все лишние мысли. Серое воинство смолкло и повернуло головы на бывший шатёр отца Говарда.

Там, возле коричневой палатки, прямо на символе Создателя висел распятый брат Фили. Кожа на его лице была срезана, как были срезаны нос и губы. Кишки из вспоротого живота медленно вываливались прямо в пыль. Со свешенной головы тянулась кровавая ниточка слюны. Одно из его предплечий пронзал уже знакомый нож для писем, вгрызаясь в древесину символа. Второе проткнул ржавый гвоздь. Они-то и не давали упасть брату Фили вниз. Вся эта композиция напоминала со стороны окровавленного мотылька.

— И У НОГ ЕГО ОКАЖУТСЯ ТОЛЬКО ИЗБРАННЫЕ! — брат Фили поднял голову устремил взгляд излучающих зелень глаз перед собой. — СМЕРТЬ!

Брат Фили медленно повернул голову в сторону столпившихся монахов, и каждый в сером воинстве ощутил тяжесть его взгляда.

— МОЛИТЕ ЕГО, И ОН ДАРУЕТ ВАМ СМЕРТЬ! — нечеловеческий голос брата Фили продолжал бить молотом в головы монахов, вызывая у многих кровотечение из носа и ушных раковин. Но замороженные церковники этого даже не замечали.

Закончив речь, брат Фили уронил голову на грудь, потушив зелень в лишённых век глазах. И в тот же момент раздался полный боли крик, а темноту западной части лагеря разорвала изумрудная вспышка. Следом новый вопль, и новая вспышка. Снова и снова, пока отдельные крики не превратились в несмолкаемую какофонию, а вспышки — в зелёное зарево.

— ОН УЖЕ БЛИЗКО! — отчеканил брат Фили и посмотрел на крепость. — СМЕРТЬ! УХА-ХА-ХА!

Бывшая игрушка отца Говарда рассмеялась, подрагивая вывалившимися потрохами и наполняя воздух кровавой взвесью, которая слетала с истерзанного лица. Истерический, безумный хохот ещё продолжал звучать над полем, когда во тьме замелькали многочисленные фигуры, которые безмолвно ринулись по направлению к стенам. С виду обычные братья в рясах, вот только бросалась в глаза их нечеловеческая скорость и ловкость.

Добравшись до крепостных стен, они, не сбавляя скорости, принялись по-паучьи на них взбираться. Со стороны крепости раздались первые крики боли.

— Сме-е-е-ерть! — заорал кто-то в толпе серого воинства.

— Смерть! Смерть! Смерть! — сначала неуверенно, но с каждым разом всё громче и громче вторили ему церковники.

А над всем этим раздавался залиvistый хохот брата Фили.

— Б-р-р-р, — худосочный монах отвёл взгляд от распятого собрата, и его передёрнуло от ночных воспоминаний. — Повезло нам оказаться в стороне от всего этого. Если бы ещё и лекари с ошалелыми глазами побежали долбить тараном ворота, или фанатично лезть на стены... Что это вообще было?

— Тише, придурок! Тише, — вновь зашипел упитанный. — О, кажется, он помирает!

— Ага, — тощий почесал в затылке, рассматривая агонию монаха с переломанными ногами, — кажись, Создателю душу возвращает.

— А она у него осталась? — шёпотом спросил пухлый и, увидев непонимание в глазах собрата, добавил: — Ну, после всего... этого.

— А демоны его знают! — махнул рукой худой. — Но думаю, что...

— Мальчики! — внезапно раздавшийся рядом чарующий женский голосок оборвал дискуссию двух церковников. — Ой, а что вы тут делаете?

Повернувшись на голос, монахи обнаружили милую девушку в изорванном платье. Юное личико контрастировало с не по-детски округлыми формами и изгибами тела, которые не могло скрыть даже достаточно мешковатое платье. Нужно ли говорить, в каких местах платье было особенно испорчено? В руках девушка держала милого котёнка, который уставился на церковников голубыми бусинами глаз.

— А? О-о-о-о! — смог выдавить из себя худощавый.

Полный ограничился коротким всхрюком.

— Какие милые! — девушка расплылась в очаровательной улыбке, обнажая жемчужные зубы. — Ой, а вы можете мне помочь?

Всхрюк повторился.

— Дело в том, что та-а-ам, — юное создание махнуло ручкой в сторону леса, — там Катрин. Моя сестрёнка. И, кажется, она повредила себе ногу. Вы сможете нам помочь?

— А-а-а. О-о-о! — разразился тирадой тощий.

— Ну же! — девушка добавила в голос хрипотцы и подцепила пальчиком пухлого за подбородок. — Мы будем вам очень благодарны! О-о-очень...

Упитанный в ответ отчаянно закивал.

— Ну и прелестно, — девушка вновь улыбнулась, — Да! И друга своего с собой возьмите! И вон того тоже. Лишними они не будут.

Девушка стрельнула глазками в сторону монаха, который находился в агонии, и на валяющийся неподалёку труп, после чего развернулась и направилась в сторону леса.

— Ну и мерзость! — поморщился Иваныч, наблюдая за происходящим. — Вел! Он им сейчас своим... Кхм. В общем, все коленки он им отшибёт.

В ответ мастер тьмы лишь радостно оскалился и показал большой палец, поднятый вверх.

— Схватываешь на лету, — улыбнулся начинающий маг, увидев жест из своего прошлого. — Фу! Я надеюсь, что он не тут ими займётся?

Демонолог неопределённо пожал плечами, показав ученику, что это его нисколько не беспокоит. Павел картинно вздохнул и вновь повернулся к объектам наблюдения.

Парочка, устроившись на границе леса, уже несколько минут наблюдала за двумя церковниками, которые пытались доставить своего покалеченного собрата до группы стоящих на отшибе их лагеря шатров. Как понял начинающий маг, здесь у них располагалось что-то вроде полевого госпиталя.

Санитары из “толстого и тонкого”, как прозвал их про себя начинающий маг, были аховые. За несколько сотен метров они умудрились множество раз уронить раненого и пару раз останавливались на отдых. Во время очередного такого отдыха Вел и отправил к ним своего подопечного.

— А сколько вообще демонов похоти существует? — спросил у демонолога Павел, разглядывая призванное из нижнего плана существо.

Демон был массивен и уродлив. Лицо мастера похоти было лишено таких ненужных элементов, как глаза, нос и уши, являя всем желающим только пасть, усеянную чёрными острыми зубами. Маленькую бугристую голову венчали массивные красные рога. Серая кожа обтягивала заплывшее жиром тело. Из-под свисающего брюха виднелся кусок грязной ткани, который, по-видимому, был задуман как набедренная повязка. Вот только болтающуюся на уровне коленей отличительную особенность демонов похоти огрызком старой тряпки не припрятать. Держалось и перемещалось в пространстве всё это великолепие на двух кривых, покрытых редкой шерстью ногах.

Разведчик из демона был никакой, так как он и секунды не мог просидеть в тишине. Он постоянно сопел, кряхтел, чавкал и подвывал. Наличие рядом с собой такого шумного союзника изрядно нервировало Иваныча. Вел был, напротив, спокоен и даже весел.

Но стоило демону получить приказ мастера тьмы, как вся какофония мигом стихла. Обитатель нижнего плана поднялся, подхватил за чем-то на руки малыша Вали и, почесывая млеющую жабу, отправился отрабатывать каждую полученную каплю крови.

— Много, — ответил Вел, — точное количество тебе не скажет никто. Нижний план бескраен.

— Не проще ли было просто напасть на них? К чему вся эта возня с этими двумя недотёпами и демоном? — задал вопрос Иваныч.

— Проще. Но только мы с Мишико решили перестраховаться, — демонолог указал рукой на поле, — их много. И они на открытой местности. И если нас заметят, придётся вязываться в драку прямо здесь. Кто-нибудь да вырвется. А паладин хочет, чтобы в оплоте о нас пока никто не узнал.

— А вот это они не заметят? — удивился начинающий маг, ткнув пальцем в сторону демона.

— Если он этого не захочет, то не заметят, — ответил Вел.

В ответ на это Павел вздохнул и принялся активировать и скидывать с себя защитные плетения, чередуя их виды. Начинаящий маг и сам не заметил, как стал следовать совету паладина о том, что нужно использовать каждую свободную минуту своего времени для практики.

— А может ли обычный человек, не обладающий тёмным даром, вызвать демона? — начинающий маг нервничал и молчать ему было тяжело.

— Может, конечно, — согласился мастер тьмы, — при наличии определённых знаний любой может стать демонологом. Весь вопрос только в цене. Маги сдабривают кровь для платы силой тьмы. Кстати, можно и светом, но не все демоны на это согласятся. А чем откупаться обычному человеку?

— Жизненной силой? — к Павлу постепенно приходило понимание законов того места, где он оказался. — Одноразовый демонолог?

— Ага, — кивнул Вел, — и чем более сильного обитателя нижнего плана ты призовёшь, тем выше цена за его услуги. Так, приготовься!

За демоном, согнувшись под тяжестью своих нош, медленно брели два монаха. Безликий иногда останавливался и что-то говорил церковникам. Те, будто получив заряд бодрости, оживали и ускорялись. Но через некоторое время вновь теряли темп, начиная спотыкаться на каждом шагу. До засады им оставалось пройти не больше сотни метров.

— Прячемся? — уточнил начинающий маг.

— Зачем? — искренне удивился Вел.

— Долго ещё? — раздался за их спинами голос паладина.

— Считай, что готово, — отрапортовал демонолог, указывая на приближающихся.

— Отлично! — кивнул Мишико и повернулся на звук треснувшей под чьей-то ногой ветки.

К компании приближалась Мали. Взгляд её был целеустремлён и решителен.

— Так не пойдёт! Я не согласна! — девушка не дала нахмурившемуся блондину задать вопрос. — Я не буду сидеть там и ждать, пока вы тут рискуете своими головами!

— Я же сказал, что там... — подпустил в свой голос строгих ноток паладин.

— Я! Не! Останусь! — оборвала блондина Мали и для убедительности рубанула воздух рукой и притопнула ножкой. — Вы думаете, что я не слышу, о чём вы постоянно разговариваете? Вы же собрались уничтожить Соколиный оплот! Втроём! Крепость, которую не брали даже во времена Имперских войн.

— Ну-у-у, не совсем уж уничтожить, — мастер тьмы поскрёб по затылку ногтями. — Но, в целом, да. Думаешь, что столь юная особа может нам в этом помочь?

— Бабушка меня многому успела научить, — обиженно буркнула девушка.

— И кем же у нас была бабушка? — подался вперёд демонолог.

— Она себя называла светлой чародейкой, — ответила Мали, с опаской поглядывая на паладина, — местные за глаза называли белой ведьмой.

— Ха! — воскликнул Вел, — Миш, а славная у нас компашка подобралась! Паладин, тёмный мастер, ходячий накопитель и светлая ведьма. Видит Создатель, такого в истории ещё не встречалось.

— Ладно! Демоны с тобой, — буркнул блондин, — только сильно не высовывайся. Мне бы за одним оболтусом уследить...

— Я присмотрю за ней, — вклинился Павел.

— Я тебя и имел ввиду, — поморщился паладин. — Ладно! Справимся как-нибудь. Но никуда не лезешь! И да!

— Что? — девушка насторожилась.

— После того как здесь закончим, если всё же решишь остаться с нами, в чём я сильно сомневаюсь, тренируешься вместе с Павлом, — расплылся в улыбке Мишико. — Он введёт тебя в курс дела. А мы с коллегой для тебя план занятий подберём.

— Легко, — козырнула девушка, но, наткнувшись на сочувствующий взгляд Иваныча, спросила: — Что-то не так?

— Беги, глупенькая! Беги! — шёпотом прокричал ученик, дико вращая глазами.

— О-У-У-У! — хриплый возглас прервал их беседу.

Безликий пастух всё-таки довёл своё маленькое стадо до стойла.

Пухлый монах не сводил с демона сального взгляда, прихватывал его за локоток и совершал недвусмысленные движения тазом, явно на что-то намекая. В малыше Вали, пригревшемся в массивных демонических лапах, церковник узрел соперника. Монах бросал на жабу грозные взгляды и многозначительно надувал щёки.

— О-О-ОХ! — повторился возглас.

Мали повернулась и увидела приближающегося к ней худощавого. Тот, не замечая тяжести трупа на плече, пёр на всех парах прямо к девушке.

Ряса, лишённый осмысленности взгляд, и ниточка слюны, стекающая по подбородку. Всё это всколыхнуло в юной ведьме чуть притупившиеся воспоминания о недавних событиях. По лицу девушки пробежала судорога, исказив его в гримасе ужаса, которая в один миг сменилась маской гнева и ярости.

Когда что-то бессвязно мычащий тощий к ней приблизился, девушка обхватила своими ладонями его узкое, покрытое редким пушком лицо и притянула к себе. Со стороны это выглядело порывом страсти, будто девушка собиралась сойтись с монахом в долгом поцелуе. Когда их лица приблизились настолько, что практически касались друг друга носами, девушка закрыла глаза и сделала медленный глубокий вдох. Распахнув глаза, она начала такой же неспешный выдох. Только теперь вместе с выдыхаемым воздухом сквозь её чуть приоткрытые губы выходил белый густой туман, который сразу же ввинчивался тощему церковнику в дыхательные пути.

Монах отпрянул от ведьмы, захрипел и, рухнув на землю, начал по ней кататься, роняя с губ хлопья жёлто-красной пены.

Его товарищ также решил не терять времени даром и перешёл к решительным действиям. И начал он с устранения конкурента в завоевании девичьего внимания в лице малыша Вали.

— Киса, киса, — недолго думая церковник попытался схватить разомлевшую от чесания жабу за холку.

Малыш Вали жест не оценил. Короткий взмах лапой, и тучный монах оседает вниз, схватившись за рассечённое горло.

— Молодцы, — сокрушённо покачал головой паладин, — вот прямо пустоты вам в посмертие, молодцы...

— А девчонка неплоха! — хохотнул демонолог. — Бабуля-то зря времени не теряла. Не так ли?

— И что теперь будем делать? — задал вопрос Мишико.

— Как обычно, — развёл руками мастер тьмы, — действуем по ситуации.

— Да не суетись ты! — прошипел человек в рясе голосом Мишико. — Веди себя естественнее!

— Он рычит! — ответил второй церковник голосом Иваныча.

— Ну почеси там его! Или погладь, — в тени капюшона блеснули белые зубы паладина.

— Почеси! Погладь! — тихо передразнил блондина начинающий маг и, сунув руку в объёмный мешок, принялся активно ей там что-то делать. — Ай! Он кусается! Жаба в мешке как с цепи сорвалась! Долго херов мастер там ещё возиться будет?

— Херов мастер уже заканчивает, — раздался скрипучий голос демонолога, — а вот у его ученика всё самое интересное, видимо, только начинается!

Раздавшийся в стороне грохот и радостный рёв сотен глоток прервал вялую перепалку.

— Они выломали ворота, — раздался тихий голос юной ведьмы.

— Да понял я уже! Заканчиваю! — прошипел в ответ Вел.

Через пару минут довольный собой демонолог вышел из шатра. Следом за ним коричневую палатку покинули паладин с начинающим магом. Мишико взглянул на сидящую рядом с входом девушку, лицо которой было спрятано в тени глубокого капюшона, и кивком головы указал ей на крепость.

— Пора, — дополнил свой жест словами паладин. — Всё помнишь?

— Да, — ответила Мали, — двигаюсь за вами. Держусь ближе к Павлу. Никуда не влезаю.

— Верно, — подтвердил Мишико. — Павел?

— Готов.

— Вел? — задал вопрос паладин, снимая с плеча тяжелый свёрток.

— Пока не боец. Но в целом нормально, — мастер тьмы вытер тыльной стороной ладони тонкую струйку крови, побежавшую из носа, и, оперевшись плечом на деревянный знак Создателя, похлопал по ноге распятого на нём трупа. — Твои братья становятся такими затейниками! Раньше я этого за ними не замечал.

— Я тоже, — скрипнув зубами, ответил ему паладин. — Пац, твоё!

Иваныч принял протянутый ему двуручный меч и вопросительно посмотрел на блондина.

— Надеюсь, до его применения дело у тебя не дойдёт, — пояснил ему Мишико. — Двигаешься ты пока ещё как сонная муха. Хорошо, что большая часть служителей владеют мечом не лучше. Но если почувствуешь, что попал на серьёзного противника, уплотняй щит и уходи в глухую оборону. Резерв у тебя большой, выковырять из кокона тебя сложно. Если совсем уж припечёт, разрывай дистанцию прыжками. Но помни, что ты находишься в городе! Будь внимательнее. Там узкие улицы и куча препятствий. Можешь банально размазать себя обо что-нибудь. Понял?

— Да, — ответил начинающий маг, взвесив клинок в руке.

Паладин вздохнул, осенил себя знаком Создателя и, оперевшись лбом в деревянную конструкцию, тихо зашептал слова молитвы.

Спустя десяток минут к хвосту серого воинства, который втягивался сквозь выбитые ворота в сердце баронства Герхард, примкнуло четыре человека в серых, перепачканных кровью рясах.

— Болты, Рэй! — сорванным голосом прокричал воин, отпрянув от окна. — Дай мне ещё этих демоновых болтов!

— Их больше нет, Гери, — устало ответил Рэй, — в хранилище пусто.

— Дерьмо! — крикнул Гери, с силой зашвырнув ставший бесполезным арбалет в окно. — О! Попал! Что слышно о бароне?

— Ничего, — помотал головой здоровяк и уселся на пол, прильнув спиной к стене.

— Как думаешь, сколько мы ещё протянем? — Гери опустился рядом с приятелем.

— Думаю, что счёт пошёл на часы, — после долгой паузы тихо ответил Рэй. — Помнишь Лориана?

— Его магичество Лори-коричневые портки? — улыбнулся Гери. — Как такого забудешь? Гремучее сочетание трусости и силы. А что с ним? Снова куда-то сбежал?

— Около получаса назад был прорыв тварей в левом крыле. Остатки третьей роты перемололи в клочья за несколько минут. Четвёртую тоже потрепало неслабо. Твари, видимо, скопились в одном месте и нанесли один мощный удар по левому крылу. Говорят, они пёрли и пёрли неиссякаемым потоком через окна. Десятка под два набралось. Так вот Лориан выдохся ещё там, на стене. И к этому времени как боевая единица особой ценности собой не представлял.

— Будто он до этого что-то из себя представлял, — вклинился в монолог друга Гери.

— Да ты дослушай! — осадил приятеля Рэй. — В общем, в четвёрке ему посоветовали сидеть и не отвечивать, чтоб его магичество нормальным людям под ногами не мешалось. Лориан, ещё не отошедший после ада на стене, как ты понимаешь, такому совету несильно противился. Вот. А когда это дерьмо с прорывом выродков завертелось, четвёртую роту кинули затыкать прорыв. Пришлось с ней спешно следовать и его магичеству. Залетают на позиции, а там кровавая баня. Твари мечутся по этажу, кровищи по щиколотку, раненые орут. Всё как положено, в общем. Парни из четвёрки прямо с ходу в замес и полезли. А Лориан истуканом встал посреди коридора и стоит. Мимо руки-ноги оторванные пролетают, а он будто окаменел. Ни туда и ни сюда.

— Ну? А дальше-то что? Встал и встал. Ступор в таком переплёте у многих случается, — поторопил приятеля Гери, прислушиваясь к происходящему за окном.

— Случается, — кивнул Рэй, — только тут совсем всё дерьмово вышло. Тех парней, кто на своих ногах остался, ублюдки в коридор, где Лориан застыл, вытеснили. Они, отступая, и его с собой пытались захватить, да он будто к полу прирос. Стоит и куда-то в одну точку смотрит.

— И? — Гери напрягся, услышав знакомый скрежет когтей по камню стены.

— Короче, наши когда уже в этот коридор отступили, Лориан отмер. Повернул своё лицо к парням и говорит не своим голосом: уходите, мол, живее. Через несколько ударов сердца, мол, всё закончится. Он это говорит, улыбается, а у самого из уголков глаз по лицу тонкими ручейками тьма стекает. Будто слёзы. Парни от такого зрелища сразу прониклись и ретировались со всех ног в сторону центрального зала.

— А твари что? — спросил приятель, аккуратно выглядывая из окна.

— Тварям несколько метров до его магичества оставалось, как тот лопнул.

— Что сделал? — Гери поудобнее перехватил топориче.

— Лопнул! Натурально так, говорят. Всё левое крыло тряхануло знатно. Местами даже потолок рухнул. И тут же во все стороны тьма хлынула. Густая, вязкая, как смола. Тех парней, у кого с реакцией хуже было, тоже захлестнуло. Орали, говорят, они страшно, но, слава Создателю, недолго.

— А твари? — воин занял позицию у окна и приготовился.

— Выродков тоже больше не видели, — заметив приготовления приятеля, Рэй поднялся и схватил свою алебарду. — Теперь левого крыла, считай, что и нет. Часть рухнула, а в оставшейся клубится тьма, что после Лориана осталась. И твари через неё не лезут.

— Пусти Создатель душу Лориана в сады свои, — проговорил Гери и с хеканьем опустил лезвие топора на появившуюся в окне голову очередной твари. — Хоть и был куском мягкого дерьма при жизни, но помер достойно. Рэй! Третье окно!

— Ага, — здоровяк трусцой подбежал к окну, чтобы нанизать на алебарду появившуюся там тварь. — А вот и святые отцы пожаловали!

На городскую площадь начали высыпать люди в серых рясах.

— Ну что, друг мой! Пора и нам уйти красиво? — оскалился Гери.

— Пора! — прогремел ему в ответ Рэй.

— И всегда они такие... жизнерадостные? — тихо пробормотал Павел, но идущий рядом с ним мастер тьмы его всё же услышал.

— Я раньше тоже подобных речей от них не слышал, — так же тихо ответил ему Вел и, повернув голову обратился к паладину: — И давно ваш орден столь кардинально сменил риторику?

Мишико в ответ лишь длинно и витиевато выругался. Иваныч не был уверен, но, кажется, ему послышалось что-то про понтифика, епископов, выворачивание наизнанку, верчение и какие-то совсем уж постыдные вещи. В общем, как он понял, паладин тоже пребывал в лёгком недоумении от происходящего. И, собственно, было от чего.

Примкнув к хвосту втекающего в город серого воинства, три мага в компании юной ведьмы были готовы к любому развитию ситуации. В том числе и к тому, что к нему церковников возникнут вопросы и их сразу же выявят. Слишком уж выделялись они из общей массы. Чего только стоил один паладин в перепачканной кровью рясе и огромным двуручным мечом, спокойно лежащим на его широком плече. Бок о бок с ним шёл монах с двуручником поменьше и обычным драным холщовым мешком, в котором постоянно что-то возилось и недовольно рычало. Периодически из прорех вываливались то когтистые лапы, то внушительных размеров бурый нос. Двое их спутников не имели с собой оружия вовсе. По крайней мере, не несли его у всех на виду.

Но служащим церковного ордена было не до них.

— Смерть... — сипло выдохнул идущий неподалёку монах и противно захихикал, сохраняя при этом каменное выражение лица.

— Он подарит нам её... Смерть... — прохрипел следующий церковник и также засмеялся.

— Мы избраны им... Смерть... — подхватил ещё один.

— Смерть... Смерть... Смерть... — доносилось со всех сторон.

— Он уже рядом! Нас ждёт избавление! — проревел впереди трубный голос.

— Избавление! — хором вторила ему толпа.

Монахи крепко сжимали в руках своё оружие и, смотря только перед собой, делали шаг за шагом к сердцу крепости, подобно заведённым механическим болванчикам. При этом они постоянно бормотали бессвязную чушь и хихикали. Именно что хихикали. С нотками истерики и безумия, словно скорбные умом. Вот только их застывшие лица были бледными и безэмоциональными, будто искусно сотворённые каким-то гением маски.

Наконец, серое воинство вывалилось на площадь и принялось по ней рассредотачиваться. Группа монахов сменила тех, кто нёс внушительных размеров таран, и начала примеряться к массивным створкам крепостных дверей.

Сам донжон оказался весьма основательной каменной постройкой, состоящей из трёх частей. Два крыла в два этажа высотой и четырёхэтажная центральная часть, оканчивающаяся высоким шпилем.

Мишико толкнул Павла локтём в бок и кивком головы указал на человека в рясе, который, подобно пауку, распластался по стене здания и, споро перебирая конечностями, устремился к окну, расположенному на втором этаже. Заняло это мероприятие у него от силы минуту.

Но защитники у Герхардского баронства ещё оставались, и они были в состоянии держать в своих руках клинок. Блеснуло лезвие, и срубленная голова ловчака отправилась вниз. За ней, подобно сорвавшемуся с дерева осеннему листу, спланировал на брусчатку срезанный вместе с головой капюшон. Только вот человека, способного перемещаться по отвесным стенам, такая мелочь, как потеря головы, ничуть не смутила, и он продолжил свою попытку пробраться внутрь донжона через окно. Но стоило ему подняться чуть выше, как дважды блеснула сталь, и после сильного удара в грудь тело сорвалось вниз вслед за отрубленными руками.

Рядом с Павлом задумчиво хмыкнул демонолог.

— Видишь тот дом? — паладин указал на добротную каменную постройку в два этажа.

— Вижу, — тихо ответил начинающий маг.

— Бери ведьму и дуй туда. Занимайте позицию и ждите начала. Планы в целом не изменились, так что действуем, как и договаривались, — быстро проговорил блондин. — Всё помнишь?

— Да, — без раздумий кивнул Иваныч.

— Хорошо. Подойдите ко мне, — когда ученики подошли поближе, Мишико осенил их священным знаком и скороговоркой прошептал короткий речитатив.

Девушка коротко поклонилась, произнесла слова благодарности и повторила сложенными в шёпот пальцами символ Создателя. Павел, чуть поколебавшись, сделал всё то же самое.

— Что? — спросил начинающий маг, глядя на довольную улыбку паладина.

— Раньше я подобных жестов за тобой не замечал, — ответил Мишико.

— Их слишком много. Мне страшно, — немного помявшись, сознался Иваныч.

— Это нормально, — паладин ткнул ученика кулаком в плечо, — бесстрашные долго не живут. Главное, быть сильнее собственного страха. Не дай ему захватить твой разум, а, напротив, заставь его служить тебе. И он ещё спасёт тебя не раз.

Павел на это лишь выдохнул, собрался и кивнул.

— И помните! В здании долго не задерживайтесь. Если они ломанутся к тебе, то в тесноте помещения ты с ними точно не справишься. Тебя просто сомнут. Как закончите, сразу уходите и пробуйте затеряться среди улиц. Всё понятно? — дождавшись кивка, Мишико продолжил: — Тогда начинаем.

— Брат? — дождавшись, пока ученики скроются в указанном им доме, паладин обратился к мастеру тьмы.

— Разве я могу пропустить такое веселье? — оскалился демонолог, извлекая из широкого рукава рясы длинный изогнутый нож. — Но на многое не рассчитывай. Слишком уж я потратился там, в поле.

— А много нам и не нужно, — улыбнулся Мишико и посмотрел на вечернее небо, где прямо над ними клубились алые от попавших на них лучей заходящего светила тучи.

Раздавшийся со стороны главного здания грохот оповестил магов о том, что таранная бригада принялась за дело. Паладин удобнее перехватил рукоять клинка и начал неспешно двигаться к донжону, держась ближе к краю площади, которая представляла собой большой полукруг.

С тихим хлопком исчез и мастер тьмы.

— Лишь имя Твоё несёт свет в сердца наши, — блондин единым движением скинул с плеча массивный меч и обрушил его в страшном диагональном ударе на первую спину,

развалив её на две части.

— Лишь свет Твой выжигает мрак душ наших, — три следующих взмаха двуручника забрали ещё три жизни.

Служители церковного ордена не сопротивлялись. Они даже не замечали происходящего у них за спиной, продолжая славить смерть и хохотать. Даже умирая, они не кричали, а лишь ещё пуще истерили, буквально захлёбываясь и давясь собственным булькающим смехом.

Паладина несколько обескуражил тот факт, что на него банально не обращают внимания. И он чувствовал себя не в гуще зарождающегося боя, где всё решают сила и мастерство, а на какой-то скотобойне, где приходится навечно успокаивать тех, кого ещё не так давно он считал своими братьями.

— Лишь слово Твоё определяет судьбы наши, — Мишико с каждым ударом только набирал скорость, устроив в правой части площади кровавую баню.

Вел уже резал глотки, совершенно не таясь, методично уничтожая всё живое на другой стороне площади. Если поначалу он подумывал о внезапных хаотичных наскоках на врага, то сейчас он действовал как заправский мясник, отправляя церковников на суд Его короткими скупыми движениями бритвенно острого ножа. И это ему совершенно не нравилось. Это его пугало.

— Это что ещё за дерьмо? — мастер тьмы обратил своё внимание на то, что его щиколотки скрываются в густом бледно-зелёном тумане.

И туман этот стремительно заполнял собой всю площадь и поднимался вверх. Несколько секунд, и он полностью скрыл ноги демонолога, неумолимо подбираясь к животу, а следом и к груди.

Оглушающий, резонирующий звон, раздавшийся в небесах, оповестил двух магов о том, что их ученик не пожалел силы, щедро плеснув её в “Небесный столп”.

Поплотнее укутавшись чадящим тьмой щитом, демонолог приготовился наблюдать на последствия работы Павла. Вот только в густом тумане, уже полностью скрывшим его в своём чреве, было ни демона не видно.

Х-Р-А-А!

На центр серого воинства обрушился завихрённый столп ослепляющего света.

Павел, наблюдая за происходящим из окна, находящегося на втором этаже, прищурился в ожидании яркой вспышки и громкого хлопка, но... Ничего.

Столп продолжал изливать вложенную в него силу, будто растворяясь в проклятом тумане.

— А, чёрт! — Иваныч одёрнул руку от разогревшегося украшения на его шее. — Что-то тут не так. Вот прямо совсем не так.

Когда ревуший столп света выдохся и внезапно исчез, начал редеть и гнилостный туман, оседая и расползаясь рваными клочками по территории при главном здании Герхадского баронства. И то, что обнажила зелёная хмарь на месте удара, начинающему магу не понравилось. Сильно не понравилось.

В воздухе плавно кружил остывающий пепел, неспешно укрывая собой серую брусчатку. На выжженном пустом пятаке диаметром в десяток метров находились четыре фигуры, закутанные в серые рясы. Одна из фигур покачнулась и, завалившись набок, рухнула вниз, подняв в воздух новую порцию седого пепла.

— Какого... — выдохнул Павел, глядя на то, как одна из фигур уставилась тёмным

провалом капюшона прямо на него. По-птичьи склонив голову набок, человек в рясе не сводил своего взгляда с начинающего мага. Во тьме капюшона блеснуло янтарём. И от этого взгляда у Иванныча болезненно заныли зубы, а где-то в животе заворочался животный страх.

— Мали, спускайся на первый этаж и приготовься уходить, — Павел, храбрясь перед девушкой, пытался скрыть дрожь в голосе.

— А ты?

— Я тебя сейчас догоню, — дождавшись, пока юная ведьма спустится, Иванныч вновь посмотрел на замершую фигуру в сером. — Что ты за дерьмо такое, раз у меня от одного твоего вида коленки трясутся? А как тебе такое?

Р-А-Х!

Р-А-Х!

Р-А-Х!

Три перекачанных силой шара устремились к странной группе.

Прошедшая через тело сила смыла собой страх и боль, оставив после себя ощущение лёгкой эйфории.

— Ну и святых отцов без подарков не оставим! — оскалился Павел, щедро раскидав ещё десяток шаров по серому воинству. Не тронул он только те участки, где должны были быть его учителя.

— Да твою же мать! — в сердцах выкрикнул Иванныч, пытаясь пропихнуть ткань рясы между шеей и украшением, чтобы хоть как то оградить обожжённую кожу от подарка церковного ордена. — Проклятая каменюка!

Щёлк!

На раскалённом ошейнике появилась крохотная трещинка.

Но юный маг этого не заметил. Он закусил губу и до рези в единственном глазу всматривался в результат своей работы.

На обычных монахах плетение отработало как надо, отправив на суд Создателя едва ли не четверть всей толпы. Об этом говорили разбросанные по площади части тел, заполонивший воздух пепел да яркие искры, которые, подобно рою диких ос, бросались на последователей церковного ордена.

С теми же плетениями, которые Павел отправил странной группе, вновь творилась какая-то чертовщина.

Ослепляющий белый свет, который должен был рваться во все стороны во время взрыва, круша и испепеляя всё на своём пути, был тусклым и, скорее, изумрудным. Едва слышные хлопки оповестили юного мага о том, что серьёзных разрушений тоже ждать не стоит. А мерцающее облако искр и вовсе потухло при столкновении с возникшим над безмолвными монахами куполом из мёртвенно-бледного света.

Странные фигуры в серых рясах, казалось, и вовсе не шелохнулись. Лишь один из служителей слегка пошатнулся, но устоял на ногах.

Человек с янтарными глазами всё так же не сводил взгляда с юного мага. Два других монаха повернули свои головы в разные стороны площади. Как раз где-то там должны были находиться его учителя.

Вдруг шелохнулся обладатель пугающего взгляда. Его рука медленно поползла вверх и остановила своё движение, указывая точно на окно, в тёмном проёме которого скрывался начинающий маг. Во мраке капюшона вновь полыхнуло янтарём, и несколько десятков служителей церкви, словно по беззвучной команде, повернули свои безжизненные лица в

сторону юного мага.

— Смерть! — раскатился над крепостью многоголосый клич.

Несколько силуэтов отделились от серого воинства и с недоступной для обычного человека скоростью устремились в сторону убежища Павла. Следом за ними качнулась и подалась вперёд толпа монахов.

— Дерьмо-о-о! — прокричал Иваныч, выпуская ещё несколько накачанных силой света шаров прямо по пришедшей в движение массе церковников.

Р-А-Х!

Р-А-Х!

Р-А-Х!

Начинающий маг уже не наблюдал за результатом своей атаки. Подхватив выбравшуюся из мешка жабу, он делал ноги из приютившего его на время дома.

— А, чёрт! — выругался Иваныч, круто развернувшись прямо перед лестницей, ведущей на первый этаж здания.

Вернувшись на свою прежнюю позицию, Павел поднял забытый им двуручный меч и бросил короткий взгляд в окно. О преследователях можно было пока забыть. По крайней мере, о той их части, которая не показывала чудеса в скорости бега. Но ему не давали покоя те стремительные фигуры в рясах. Начинаящий маг прекрасно осознавал тот факт, что если им удалось пережить тот испепеляющий ад, который он устроил на площади, то они уже близко.

— РУ-РУ? — недовольно проорчал зажатый под мышкой малыш Вали, которого нещадно трясло во время спуска по лестнице.

— Да помню я. Помню! Не нуди! — практически прокричал на ходу Павел. — Лен... Тьфу! Мали! Уходим! Держись за мной!

До выхода оставалась буквально пара метров, когда лицо Иваныча обдало сильным воздушным потоком, который породила распахнувшаяся от мощного удара дверь. Дверное полотно хлопнуло об стену и, застонав искорёженным деревом, рухнуло на пол.

В дверном проёме стоял человек в серой рясе. Чуть вытянув вперед голову, скрытую объёмным капюшоном, он изучал тёмное помещение. Создавалось впечатление, что незваный гость обнюхивал воздух. Из-под серого куколя доносились хлюпающие и сипящие звуки. Монах вцепился светящимися бледной зеленью когтями в дверной косяк и медленно шагнул внутрь дома.

Павел выронил жабу на пол, мягко оттолкнул плечом прижавшуюся к его спине юную ведьму и, перехватив меч, встал в защитную стойку. Страх ушёл. Осталась лишь концентрация на противнике.

— Давай, малыш! Давай! — оскалился мастер тьмы, наблюдая краем глаза за бушующими вспышками искрящейся смерти, которые в этот момент уносили десятки жизней. Сам же демонолог продолжал деловито пускать кровь обезумевшим монахам.

Раздавшийся в стороне хлопок оповестил Вела о том, что паладин сейчас тоже занят делом.

— Оп-па... — Вел застыл в изумлении, придерживая бьющееся в агонии тело с перерезанной глоткой.

Серая масса качнулась и расступилась перед демонологом, образовав длинный живой коридор. На противоположном конце коридора замерли три церковника. Ещё один

неподвижно лежал на брусчатке, напоминая собой брошенную тряпичную куклу.

Одна из фигур медленно повернула голову в сторону демонолога, который так и застыл с обмякшим телом в руках. Беснующиеся монахи смолкли и столь же неспешно обратили свои лица к мастеру тьмы. Вел окинул взглядом десятки устремлённых на него белёсых глаз и шумно сглотнул.

— А я тут значит это... — в полной тишине произнёс мастер тьмы. — Во-о-от.

— Смерть! — проревела толпа.

Демонолог хлопнул ладонью по спине трупа и, с силой толкнув его навстречу надвигающимся церковникам, исчез.

Едва тело успело коснуться брусчатки, как его грудная клетка с хрустом лопнула, выстрелив в воздух десятком длинных и чёрных, как смоль, протуберанцев. Спустя несколько мгновений извивающиеся щупальца накинута на монахов, пронзая их и оставляя после себя чадающие тьмой дыры в изломанных телах.

— Ми-иша-а!

Паладин увернулся от очередного куска остро заточенной стали, который с гулом рассёк воздух прямо перед его лицом, и нанёс противнику мощный удар ногой в торс, выбив из него весь воздух и отправив в короткий полёт к остальным братьям. Блондин быстро осмотрелся и, поняв, что его уже окружили со всех сторон, перехватил меч и вонзил его между камней брусчатки. От рук паладина прямо по клинку прокатился световой импульс и растворился в земле.

Секунда. Другая.

Раздался тихий треск, и брусчатка вокруг паладина покрылась частой паутиной мелких трещин, образуя круг диаметром в пару десятков метров. Лёгкое шипение, и сквозь многочисленные трещинки полился вверх мягкий свет, который с каждым ударом сердца набирал яркость и силу. Иллюминация была настолько же красива и изящна, насколько губительна и смертоносна. Попавшие в круг света церковники медленно обращались в пепел.

— Молот. Мне нужен мой молот, — констатировал паладин, рассматривая радуу победоносней на своём мече.

— Миша! — из облака витающего в воздухе пепла раздался голос демонолога. — Дерьмодов видел?

— Ага, — паладин вздохнул, увидев, что клинок ещё и слегка деформировало, — кукловоды.

— Кто? Ты их знаешь?

— Неа, — блондин мотнул головой и развернулся к приближающимся противникам, — только что придумал. Но, похоже, это они тут всем заправляют. Не увидел ничего странного?

— Да тут всё странное, пожри их пустота, — мастер тьмы внезапно появился рядом с приятелем. — Твоим родственничкам мозги будто наизнанку вывернули. Ни страха, ни боли... Им на всё наплевать.

— Вот и я о чём, — хмыкнул Мишико. — Готов?

Демонолог широко улыбнулся и показал большой палец, поднятый вверх.

— Ну и славно, — хищно оскалился паладин. — Береги силы. Чувствую, они нам ещё понадобятся. ЛИШЬ ИМЯ ТВОЁ...

Плотная древесина дверной коробки затрещала под пальцами неизвестного, ошестиниваясь под его ладонями ёжиком щепок. Иваныч физически ощущал, как противник, сжавшись, подобно стальной пружине, готовится ринуться в атаку.

Как там учил паладин?

Представить, что сила проходит по всему телу и возвращается снова в резервуар.

Шаг навстречу.

Церковником будто выстрелили из пращи.

Полушаг в сторону.

Светящиеся когти едва мазнули по защитному кокону, но монаха по инерции протащило чуть дальше.

Сократить мышцы ног и спины.

Противник всё ещё пытается остановить своё тело и развернуться к добыче.

Слитным движением скинуть тяжеленную железку с плеча и развернуть свой корпус, придавая клинку максимально возможное ускорение напитанными силой света мышцами спины и ног. Осталось лишь чуть подкорректировать полёт меча, чтобы удар пришёлся точно по шее служителя церкви.

— Да твою же мать! — в сердцах прорычал Иваныч, когда осознал, что вместо удара по монашье шее он при развороте задел мечом деревянную полку и пропахал остриём меча каменную стену, оставив на ней внушительную борозду.

Тем временем странный человек уже развернулся и, встав на четвереньки, приготовился к новому прыжку.

— РУ-А-А! — издав боевой клич, жаба набросилась на подставленную ей спину монаха и, перебравшись ближе к голове, принялась остервенело полосовать когтями свою жертву.

Если церковника малыш Вали как-то и замедлил, то не настолько, чтобы начинающий маг это ощутил. Слишком уж он был быстрым. И ещё эти неестественно длинные руки...

В общем, когда монах снова ринулся в атаку, Иваныч не стал ничего выдумывать и просто со всей силы ткнул остриём двуручника противнику в грудь. Меч, скрежетнув по рёбрам, прошёл грудную клетку церковника насквозь, проклюнувшись самым кончиком из его спины.

В момент удара жабу, оседлавшую загривок монаха, тряхнуло особенно сильно, и она, махнув лапой, зацепилась когтём за капюшон, стянув его вниз.

Иваныч застыл в ступоре, разглядывая безглазое, сильно тронутое разложением лицо, которое некогда принадлежало обычному человеку. Тварь захрипела, заклацала заострёнными гнилыми зубами и, схватившись рукой за клинок, потянула его, тем самым нанизывая себя всё глубже и глубже. Второй же рукой она слепо махала перед собой, пытаясь дотянуться до Павла.

Ошалевший от такого зрелища юный маг инстинктивно направил силу света в клинок. Тварь забилась, пытаясь теперь уже сдёрнуть себя с убийственной железки, по которой проходили щедрые порции силы. Спустя несколько секунд Иванычу оставалось лишь выдернуть из обугленных рук монаха свой меч и на всякий случай снести с плеч набитую пеплом голову.

— Сзади!

Мысленно поблагодарив девушку за то, что она не растерялась и следила за обстановкой вокруг, Павел резко повернулся лицом к выходу.

В дверной проём пытались одновременно протиснуться ещё две твари.

Р-А-Х!

Решив больше пока не экспериментировать с длинной железкой в помещении, тем более против двух противников, Иваныч просто жажнул по двери искрящимся шаром света. Сложность была в том, что начинающему магу необходимо было успеть накинуть защитный купол на себя и девушку до того, как от близкого разрыва их запечённые тушки размажет по стенам. Павел успел. И пока по комнате роились искры, он пытался вспомнить, сколько же тварей метнулось по его душу на площади.

Выходило, что где-то рядом рыскают как минимум ещё столько же тварей.

— Уходим! — начинающий маг взял девушку за руку и помог ей подняться.

Жаба требовательно боднула Иваныча в ногу.

— Спасибо тебе, малыш! — юный маг наклонился и потрепал малыша Вали по холке. — Ох!

Жаба лихим кавалерийским приёмом оседлала подставленную спину и, урча, обхватила лапами шею мага, повиснув на ней бурым рюкзаком.

— Ладно! Заслужил как-никак, — проворчал Павел и с осторожностью выглянул на улицу. — Ну и смердит же от тебя, носатый! Ты у меня мыться будешь в первой попавшейся луже!

На узкой тёмной улице было тихо и безлюдно.

— Если мы все не подохнем тут сегодня, — тихо добавил Иваныч.

Паладин напоминал волнорез, о который разбивались волны, состоящие из вооружённых служителей церковного ордена. Он медленно, но верно прокладывал себе путь к крепости сквозь людское море. Он будто и не бился, а исполнял танец смерти под песнь стали и света. И следующий за ним демонолог вплетал в эту песнь нотки тьмы и изначального мрака. Но паладин всё же был первой скрипкой в их дуэте.

Монахи умирали, но на месте погибших тут же появлялись другие. Приятелей окружала какофония, состоящая из лязга железа, бесконечного бормотания и безумного хихиканья.

Внезапно противники на их пути закончились, и маги буквально вывалились в просторный пустой круг, в центре которого стояли два человека в серых рясах. Рядом с ними лежал на брусчатке их собрат.

— А вот и кукловоды, — оскалился Мишико, откинув назад слипшиеся в кровавые сосульки волосы.

— Не нравятся мне эти два хрена, — констатировал Вел и оглянулся назад.

Их щедро усеянная трупами дорожка, которую они проложили по пути сюда, медленно сомкнулась. Но, к удивлению демонолога, монахи за ними не последовали, не посмев пересечь незримую границу.

Один из стоящих в центре круга медленно повернул голову к магам. Спустя несколько секунд его примеру последовал и второй.

— Смерть! — в один голос рявкнула толпа.

У паладина заломило в висках.

С тихим хлопком исчез Вел, тут же возникнув за спинами кукловодов.

Мастер тьмы поднял ладонь к лицу и сдул с неё иссиня-чёрное облако, направив его в

одного из странных церковников. Демонолог уже сделал полушаг в сторону второго, намереваясь просто полоснуть его ножом, как внезапная изумрудная вспышка резанула глаза. В источающий тьму щит пришёлся таранный удар, от которого тёмный мастер упал и прокатился кубарем по брусчатке несколько метров.

— Вел! — рывкнул паладин, смотря на то, как его приятель пытается подняться.

Изумрудная дрянь неспешно разъедала защиту демонолога, заставляя её распадаться на клочки и осыпаться копящими воздух хлопьями на серый камень. И пока один из монахов, закрыв лицо руками, упал на колени и раскачивался из стороны в сторону, второй неспешно повернулся к мастеру тьмы и соткал из воздуха длинную бледно-зелёную плеть.

— Лишь имя Его... — тихо произнёс Мишико.

В это время монах с плетью обратил свой скрытый капюшоном лик в сторону блондина и со свистом рассёк воздух хлыстом.

Боль в висках Мишико усилилась.

— Ты один из нас... Тебе уготовано место... Путь к силе... Нужно лишь... Брат... Он уже рядом... Истинное могущество... Место подле него... — вкрадчивый разноголосый шёпот буквально обволакивал сознание паладина, пугая мысли и лишая сил. — Лишь сильнейшим... Уже скоро... Жнец рядом... Примкни...

— Лишь имя Его! — тряхнув головой, выкрикнул Мишико.

— УМРИ-И-И! — голоса в голове паладина сорвались на истошный визг.

Но блондин уже набирал скорость, сближаясь с противником.

Широкий замах, и конец длинной плети кукловода щёлкнул в нескольких сантиметрах от паладина. Мишико внутренне напрягся. Слишком непривычным для него оружием решил воспользоваться противник. Новый замах монаха, и блондин, не дожидаясь последующего удара, исчезает в перламутре, чтобы возникнуть за его спиной.

— Лишь воля Его! — налитанный светом клинок двуручного меча обрушивается на укрытую серой тканью голову кукловода.

Снова изумрудная вспышка. Но Мишико, в отличие от приятеля, был к этому готов, уплотнив свою защиту до предела. И даже так его откинуло от кукловода на пару метров. К слову, и монах едва устоял на ногах.

— Умри! Преклонись! Он уже близко! Ты противишься неизбежному! — бесновались голоса, заглушая собой все остальные звуки.

— Лишь слово Его! — Мишико перехватил клинок и шевельнул кистью руки.

Ноги кукловода лизнул язычок белого огня, который через пару ударов сердца вырос в ревущий столп искрящегося пламени.

Паладин сделал осторожный шаг к объятому огнём противнику.

Щёлк!

Удар хлыста пришёлся на двуручник. Гнилостная плеть, обернувшись вокруг клинка, натянулась, медленно привлекая блондина к пожираемому белым огнём монаху.

— Сейчас... Сейчас, — прохрипел мастер тьмы, поднявшись на колени и утерев рукавом стекающую по подбородку кровь, — у меня тут ещё чуть-чуть осталось...

Увидев согнувшегося в приступе рвоты монаха, демонолог оскалился.

— А ты крепкий малый, — Велу удалось нашарить выпавший из руки нож. — Любой бы сдох уже. А ты ничего... Стоишь себе спокойно, потроха выблёвываешь.

Он не без труда поднялся на ноги и, крепко сжав рукоять длинного ножа, неверной походкой направился к стоящему на коленях церковнику. Тёмный щит окутал тело

демонолога и тут же схлопнулся. Вторая попытка была чуть успешнее. По крайней мере, защита держалась, хоть и была неоднородной, да вместо равномерного изливания смолянистой тьмы выплёскивала в воздух жидкие полупрозрачные облачка. Вел болезненно поморщился и деактивировал щит, вовсе оставшись без какой-либо защиты.

Мишико напрягал все свои силы, но его неумолимо тянуло к скрытому в пламени света противнику. Бросив взгляд на стремительно разлагающуюся сталь клинка, паладин напитал своё оружие сырой силой света.

Раздалось шипение, и под витками изумрудной плети показался багрянец раскалённого металла.

— Да что же ты такое, — сквозь стиснутые зубы прошипел блондин, напитывая клинок новой порцией света и совершая отчаянный рывок на себя.

Многострадальный меч не выдержал таких перегрузок и лопнул, распавшись на две неравные части.

— СМЕРТЬ! — проревела толпа монахов, подавшись вперёд.

Из белого пламени навстречу паладину шагнул кукловод. Его мерцающий гнилостной зеленью защитный кокон моргнул в последний раз и потух насовсем, обнажив жёлтый череп своего создателя, на котором ещё оставались клочки подгоревшей тлеющей плоти.

Ещё шаг.

Остатки лицевых мышц догорели, и усеянная заострёнными зубами нижняя челюсть монаха упала на камень брусчатки. Полностью чёрные, неживые глаза не сводили своего взгляда с блондина.

Свист.

Но кончик плети лизнул лишь исчезающий перламутр, оставшийся после прыжка паладина.

— Лишь воля Твоя, — прошипел Мишико, вгоняя напитанный силой света обломок меча в глазницу монаха.

— Лишь слово Твоё, — сталь покинула один глаз, но лишь для того, чтобы вновь принять в себя свет и устремиться во второй.

И снова. И снова.

Наконец, рука кукловода разжалась и выронила хлыст, который, упав, медленно растёкся бледной зеленью по камню. Сам же кукловод упал на колени и после очередного удара рухнул ничком на мощёную площадь.

— За Герхард! — паладин краем сознания уловил боевой клич защитников баронства и осмотрелся.

— Подожди, малыш, — бормотал Вел, делая ещё один шаг к содрогающемуся в судорогах служителю ордена, — ещё пара шагов, и дядюшка Вел тебя порадует. Добрый дядюшка — мастер в этом деле. Ты уж поверь мне, малыш! Главное — ты рас...

Когда стоящую на коленях фигуру, укрытую серой рясой, скрутило в очередном спазме, демонолог сдёргнул капюшон с бритой головы и, выплеснув в клинок остатки своего резерва, вбил его в основание черепа.

Чуть подумав, Вел горестно вздохнул и резко дёрнул рукоять вверх. С тихим щелчком клинок переломился, оставляя напитанное тьмой лезвие в монашьей голове.

— ...слабься, — демонолог устало сел рядом с завалившимся на спину телом и поморщился. — Ну и урод же ты! Я бы тебя с собой по бабам точно не взял. Вот Пашку взял бы. Да он всё чего-то стесняется...

Рядом с мастером тьмы булькал монах, изрыгая изо рта чёрную тягучую жижу, которая стекала по щекам и шее, собираясь в лужу на брусчатке. Бледное, синюшное лицо, тронутое разложением и испещрённое сеткой чёрных вен, не выражало никаких эмоций. В совиных, лишённых век глазах медленно затухала изумрудная зелень, оставляя после себя лишь блестящую стеклянную черноту.

— А чего стесняться-то? Ну, подумаешь, рожа малость попорчена. Так, наоборот, она лишь изюминку ему придаёт. Разве добряк Вел посоветует чего плохого? — продолжил свой монолог мастер тьмы, внимательно наблюдая за тем, как добывает своего противника паладин. — У него самый возраст для этого дела! Эх, мне бы его годы, я бы из борделей не вылезал. А он всё мычит там что-то. Вот вроде бы нормальный парень, а как до этого дела доходит — тюфяк тюфяком. А главное...

— За Герхард! — прервал демонолога рёв нескольких десятков глоток.

— Ладно, бывай! — мастер тьмы похлопал ладонью по груди кукловода и, поняв, что измазался в чёрной субстанции, небрежно вытер руку о его рясу. — Приятно было поболтать. Своим привет!

Вел с криком поднялся и направился навстречу приближающемуся паладину, сдирая с себя опостылевшее серое одеяние.

— Как? — Мишико был краток.

— Я пуст, — столь же коротко отчитался мастер тьмы. — Ты?

— Пойдёт, — отмахнулся блондин. — Кажется, ты всё же не зря корячился.

— Кажется, не зря, — согласился Вел и устало улыбнулся.

Демонолог обвёл взглядом пространство вокруг себя и хмыкнул.

Смех.

От безумного хихиканья не осталось и следа. Как не осталось его и от навязчивого бормотания. На их место пришли вопли боли и ужаса, подкрепляемые воодушевлёнными выкриками воинов баронства Герхард.

Смерть кукловодов сильно переменяла настроения среди окруживших двух магов служителей церкви. Кто-то выл и катался по мощёной площади, раздирая ногтями своё лицо. Кто-то просто упал, сжавшись в комок и пытаясь отгородить себя от всего происходящего вокруг. Ну а те, кто был покрепче, пришли в себя достаточно быстро и судорожно пытались понять, что же вокруг происходит и что им с этим теперь делать. Помочь в выборе правильного решения им вызвались те немногочисленные защитники баронства, которые ещё были в состоянии держать в своих руках оружие.

Ворота донжона распахнулись, и из них вырвались три десятка злых и смертельно уставших воинов, которые собрали остатки сил для контратаки и тут же ударили в так удобно подставленные спины монахов. Они не испытывали жалости ни к кому. Ни к лежащим на земле, в ужасе закрывшим головы руками в попытке отгородиться от реальности. Ни к сдающим и умоляющим о пощаде. Ни к пытающимся оказать хоть какое-то сопротивление. Каждого церковника находила сталь.

Не сказать, что у защитников эта вылазка обошлась совсем без потерь, но в сравнении с тем урожаем, который они собирали среди серых ряс, их собственные потери были ничтожны.

И служащие церковного ордена дрогнули.

Бросив своих раненных и дезориентированных братьев, лавина монахов качнулась и потекла по направлению к крепостным воротам, набирая скорость с каждым преодоленным

метром.

— Стоять! — трубный голос паладина раскатился над площадью.

Отступающие церковники старательно оббегали стороной искрящийся светом защитный купол, который располагался практически в центре площади. Как только последние монахи пронеслись мимо полусферы, она исчезла.

— Стоять! — между защитниками и спешно покидающими город монахами расположились два человека.

Первый, черноволосый тип со странно стриженными усами, усевшись прямо на лежащий посреди площади труп, деловито набивал табак короткую трубку. Занимался он этим столь беззаботно и увлечённо, будто находился не посреди кровавого сражения, а на дружеских посиделках в питейной за кружкой пива.

Второй, здоровяк с копной торчащих в разные стороны застывших сосулков волос, после того как убедился в том, что привлёк к себе внимание защитников крепости, поднял вытянутую руку с обломком меча на уровень глаз и разжал пальцы. Звякнув, многострадальный клинок подпрыгнул и затих на сером камне.

Угрюмые воины сгруппировались и, оцетинившись оружием, окружили полукольцом странную парочку.

— Кто из вас владетель сих земель? — паладин обвёл взглядом собравшихся воинов.

Тишина.

— Где барон? — подпустил стали в голос Мишико.

Отряд шевельнулся, уплотняясь, да согнулся в приступе сильного кашля боец с порванной щекой.

— Кто старший? — блондин был по-армейски краток.

Чуть помешкав, вперёд шагнул воин с боевым топором. Его попытался остановить рукой здоровяк с алебардой, но вышедший вперёд отстранился.

— Брось, Рэй, — произнёс он, — ты же сам всё видел. Хотели бы они нас прихлопнуть, то лясы тут точить не пригласили бы. Ведь так, господин... маг?

Взгляд серых уставших глаз переместился на паладина.

— Кто такой? — блондин проигнорировал вопрос.

— Гери Лейд, десят... Кхм. Теперь уже сотник баронства Герхард, — воин опёрся на древко своего топора и, повернувшись, обвёл рукой собравшихся защитников. — А это, собственно, вся сотня. Точнее, практически весь наш славный гарнизон.

— Хреновый расклад, сотник, — паладин грустно улыбнулся и протянул ладонь для рукопожатия. — Мишико. Мишико Молот. И без всяких господ.

Позади сотника присвистнул здоровяк с алебардой.

— Вы... паладин? Ну, тот, что с Сурийских врат? — пожимая крепкую руку, спросил Гери.

— Был им, — Мишико на миг задумался, но вскоре спросил — Так где барон?

— Господин ранен, — помрачнел сотник.

— Насколько серьёзно? — коротко спросил Мишико.

— Следующий рассвет он встретит в лучшем мире, — Гери осенил себя священным знаком.

— Дерьмо, — констатировал блондин и крепко над чем-то задумался.

— Почему вы остановили нас? Вы... на их стороне? — осторожно задал свой вопрос сотник.

— Их судьба решена. Забудь про них, сотник Гери Лейд, — паладин указал кивком головы на демонолога: — Мастер Вел неплохо знает своё дело. И да... Мы на своей стороне.

— А того... Ту мерзость, от которой пробивает липкий пот, вы уже убили? — Гери посмотрел на труп, сидя на котором попыхивал трубкой перепачканный кровью мастер тьмы.

— Как видишь, сотник. Как видишь, — погружённый в свои мысли паладин мазнул взглядом по демонологу.

— Но здесь три трупа, — осторожно продолжил сотник.

— Ага, — кивнул Мишико, — все трое тут.

Внезапно паладин встрепенулся, быстро пробежался взглядом по площади и посмотрел на мастера тьмы.

— Вел! Здесь только трое! Где ещё...

Х-Р-А-А-А!

Искрящееся светлое облако поднялось над крышами домов.

— Паша! — подавившись табачным дымом, прокашлял Вел.

— Это где-то возле храма! — выкрикнул Гери.

Мишико подскочил к ближайшему бойцу и, выхватив у него меч, развернулся к Гери.

— Веди меня туда, сотник! Самым, мать его, коротким путём веди! — ревел в лицо Гери паладин, схватив его за грудки.

— Рассредоточьтесь! Защищайте главное здание! — уже на бегу выкрикнул своему отряду сотник Гери.

Следом за ним бежал паладин и демонолог. Чуть замешкавшись, сорвался с места и Рэй, стараясь не отстать от приятеля.

— Сзади. Двое. Крыши, — скупой произнесла девушка, экономя дыхание.

Слишком мало времени прошло с момента нападения церковного ордена на её родную деревушку. И даже столь непродолжительный забег по узким улицам крепостного городка выбил молодой организм из колеи, наполняя лёгкие огнём, а ноги свинцом. Но она не отставала от юного мага и даже старалась быть полезной, периодически бросая взгляд назад и по сторонам.

— Вижу, — также сухо ответил Павел, — не попаду.

Начинающему магу казалось, что их изнуряющий марафон длится уже как минимум несколько часов.

Для Иваныча это был первый настоящий город этого мира, который он смог посетить, находясь при этом в сознании. И как же он его уже раздражал!

Привыкшего к упорядоченной типовой застройке своего родного мира Павла просто выводили из себя хаотично разбросанные приземистые домики из серого камня и испещрённые прорехами деревянные лачуги. И всё это нагромождение из дерева и камня изрезано многочисленными извилистыми улочками и переулками. К слову, по самой широкой улице, попавшейся начинающему магу, едва ли прошли бы три взрослых мужчины, идущих плечом к плечу.

Пикантности экскурсии по крепостному городу придавали преследующие юных дарований твари. Павел сильно ошибся при изначальном подсчёте количества отправившихся по его душу изменённых монахов. В этом причудливом лабиринте ему удалось уничтожить уже пятерых. Благо они не проявляли зачатков сообразительности и натыкались на беглецов поодиночке. И каждый из них обратился в пепел.

Изрядно пощекотала нервы встреча с ещё одной тварью, с которой юные маги едва не столкнулись нос к носу на очередном резком повороте узкой улочки. Тут смог всех удивить малыш Вали.

Жаба не растерялась и с боевым рыком покинула своё транспортное средство в лице замешкавшегося на секунду Иваныча, прилично разодрав ему плечо. Два длинных прыжка, и малыш Вали по-кошачьи забрался вверх по рясе обнюхивающего воздух монаха. Изменённый церковник дёрнулся, пытаясь скинуть с себя назойливое животное, но жаба, резко взмахнув лапой, вбила серповидные когти в его лицо. Тварь задрожала, и отворот капюшона серой рясы лизнул язык чёрного пламени. Следом второй. И третий.

Малыш Вали спрыгнул с пожираемого тьмой живого факела, и Павел ударом меча смахнул пылающую голову с плеч монаха.

— Чёрное пламя. От бурой жабы, — пробормотал юный маг, спешно усаживая спасителя к себе на плечи. — А ты не так прост, носатый!

Жаба в ответ лишь шумно шмыгнула носом и надменно выпучила глаза.

Теперь же твари скооперировались и загоняли добычу вдвоём, ловко перемещаясь по приземистым крышам, надолго пропадая из поля зрения начинающего мага. Иваныч уже мог слышать глухие удары перепрыгивающих со здания на здание тел и скрежет когтей по черепице крыш.

— Шпиль. Храм, — донёсся до Павла сипящий голос Мали.

— И? — спросил юный маг, бросив взгляд на возвышающуюся над крышами

конструкцию, украшенную священным знаком.

— Прихрамовая. Территория, — девушка выталкивала из себя слова на каждом выдохе. — Нет. Крыш.

— Понял. Поднажмём, — Павел резко свернул в узкую кишку, которая, как ему показалось, прорезала хибары какого-то совсем уж бедного района в нужном направлении.

Позади раздался треск пересушенных временем досок и грохот, вызванный падением чего-то тяжёлого.

— Или кого-то, — произнёс про себя начинающий маг, сбавляя скорость бега для того, чтобы пропустить вперёд себя начинающую отставать Мали.

Павел внутренне порадовался этой мысли. Появился шанс, что твари не настигнут их одновременно.

Спустя несколько минут петляющая узкая улочка выплюнула юных магов на небольшую площадь, прилегающую к местному храму.

Храм был стар и мрачен.

Монументальное здание из замшелого камня даже на первый взгляд было гораздо старше самой крепости. Обветренный массивный куб храма переходил в высокий шпиль, по которому стелилась искусно выполненная из металла колючая лоза. Ветвь оплетала шпиль и ближе к его окончанию скручивалась в сложный узел, образуя знак Создателя. В основании храма виднелись широкие двери, в которые спешно втягивалась толпа людей.

— А эти-то здесь откуда? — выдохнул Иваныч, разглядев среди людей фигуру в коричневой рясе. Церковник что-то кричал и активно жестикулировал.

Мали хотела что-то ему ответить, но не смогла. Забег по улицам крепости Герхард вытянул из неё все силы.

Павел оглянулся и заметил, как с крыши ближайшего к площади дома спрыгнула первая тварь.

Р-А-Х!

Первый искрящийся подарок начинающий маг отправил прямо на бегу. Шар пролетел в паре метров от твари и с грохотом впечатался в покосившийся деревянный домик. Из поднявшегося облака пыли и света вылетели измочаленные обломки брёвен.

— Дерьмо, — просипел начинающий маг, останавливаясь.

Р-А-Х!

Второе плетение поглотило их преследователя, разразившись роем белых искр.

Со стороны храма донеслись крики и детский плач.

Человек в рясе скинул капюшон, обнажив лысеющую седую голову и доходящую до груди окладистую бороду, и пристально посмотрел на юных магов. Задумчиво пожевав свою губу, старик сдвинул к переносице кустистые брови и решительным шагом направился к парочке.

— Где же ты, ублюдок? — произнёс Павел, шаря взглядом по окружающим храм домам.

Рядом, тяжело дыша, согнулась юная ведьма, пытаясь заглотить в себя как можно больше воздуха.

— Как посмели вы попать все законы Его?! — разразился гневной тирадой приближающийся к ученикам церковник.

— РУ-РУ? — малыш Вали, спрыгнув с нагретого им местечка на плечах Иваныча, сел перед стариком и принялся гипнотизировать его взглядом.

— Как решились вы на такое святотатство?! — не унимался подошедший.

Мали со стоном разогнулась и выставила перед собой длинный нож, который плясал в ходящих ходуном руках.

— Ты же уже давно должен был показаться, — процедил себе под нос Иваныч, остановив свой взгляд на одном из домов, в тёмном оконном проёме которого, как ему показалось, мелькнула какая-то бледная зелень.

— Вас всех настигнет кара Его! — церковник, казалось, не обращал внимания ни на старательно пучившую глаза жабу, ни на остриё ножа, смотрящее ему в грудь.

— Цыпа-цыпа-цыпа, — тихо пробубнил начинающий маг, взглядываясь в провалы окон.

— Опомнитесь, братья! Гибнут люди! Гибнут дети! Вспомните, что завещал нам Создатель наш! — распалялся старик.

Р-А-Х!

Плетение влетело точно в окно того дома, в котором Иваныч вновь увидел какое-то движение, распустившись внутри искрящимся цветком. Из-за поднявшегося облака пыли было невозможно рассмотреть того, что сейчас происходило внутри здания.

Седой церковник осёкся, наблюдая за иллюминацией, устроенной начинающим магом. У храма вновь заголосили.

Внезапно из-за пыльной завесы к храму метнулись три стремительных тени.

— Ох, ё... — только и смог выдать из себя Павел, спешно создавая, одно за другим, три плетения.

Одну из тварей окутал белый свет. Две её товарки смогли каким-то образом уклониться от летящих в их сторону шаров, неумолимо приближаясь к ученикам магов.

— РУ-У! — жаба с боевым кличем бросилась в атаку на приближающихся монахов.

Р-А-Х!

Искрящийся шар поглотил в светлой вспышке разрыва ещё одну фигуру в рясе.

— РУ-А! — тварь пыталась сдёрнуть вцепившегося в её живот малыша Вали.

— Держись, носатый! — Иваныч перехватил тяжёлый меч и устремился к последнему оставшемуся из нападавших.

Лезвие клинка с гулом разрезало воздух и врубилось в шею вертящейся на месте твари. Но вместо того чтобы просто снести голову изменённого монаха, оно перерубило позвоночник и завязло в теле.

Тварь дёрнулась, отчего её перерубленная голова запрокинулась назад и повисла мешком. Иваныча передёрнуло от вида висящей на одних мышцах и при этом клацающей зубами головы.

Тварь дёрнулась ещё сильнее, и рукоять меча выскользнула из рук начинающего мага. Монах завертелся из стороны в сторону, отчего поймать утерянное оружие для Павла оказалось делом вовсе не возможным.

— Посторонись, — ворчливо буркнул седой монах, потеснив Иваныча плечом.

Закатав рукава рясы и поплевав на широкие ладони, он примерился к засевшему в теле твари клинку.

— Благослови, Создатель! — выдохнул старик и, крякнув, метнулся к не желающему умирать монаху.

Павлу оставалось только удивлённо присвистнуть, наблюдая за ловкой работой пожилого церковника.

Раз!

И он уже ухватился за рукоять, торчащую из мечущейся из стороны в сторону спины.

Два!

И на крепких, покрытых шрамами руках вздуваются толстые канаты мышц.

Три!

Старик бьёт ногой в поясницу твари, и клинок с хлопанием покидает изменённое тело.

— РУ-У! — заверещал малыш Вали, когда тварь завертелась вокруг своей оси и принялась слепо полосовать когтями воздух.

Седой старик вновь примерился, замахнулся и с кхеканьем отсёк изменённому левую руку. Через несколько секунд процесс повторился, и на землю упала правая рука. Затем, также поочередно, пришла пора и нижних конечностей.

Павел с интересом наблюдал за работой пожилого служителя церкви, не забывая при этом поглядывать по сторонам в ожидании новых гостей. Старик орудовал клинком так, будто это было для него обычным рутинным делом. Да, в его движениях не было той завораживающей красоты и лёгкости, которые были у Мишико, когда тот брал в руки оружие и начинал свой танец смерти, но... Но седой церковник не совершал ни одного лишнего движения. Лишь скупые, экономящие силы, но при этом крайне продуктивные действия.

Раскрасневшийся старик удовлетворённо оглядел бьющийся в агонии обрубок и посмотрел на Павла, обнажив в улыбке крепкие белые зубы.

— За сегодня уже третий! Эх, и живучие же гниды, поглоти их пустота! — седой служитель не сводил взгляда своих выцветших глаз с сокрытого глубоким капюшоном лица начинающего мага. — А вы кто такие будете? На столичных братцев не больно-то похожи.

— Путники мы, — коротко ответил Иваныч, откидывая капюшон рясы.

— Путники, значит... — задумчиво протянул старик и внимательно осмотрел пришедшую в себя юную ведьму и жабу, которая по-кошачьи игралась с щёлкающей гнилыми зубами головой твари. — Хороши путники, что могут походя несколько гнилушек в пепел обратить. А к нам какими ветрами занесло?

— Попутными, — угрюмо ответил Павел и протянул руку в недвусмысленном жесте.

— Ох, и весёлый ты малый! — хохотнул старик и, перехватив клинок, протянул его рукоятью вперёд. — Где же тебя так потрепало-то? Вроде, молодой ещё, а рожу тебе будто демоны пережевали, да, прости, Создатель, высрали.

— Мир не без добрых людей, — уже теплее ответил Иваныч, принимая меч. — Ты тоже на смиренного служителя ордена не сильно похож.

— И много ты служителей-то повидал, парень? — при всей кажущейся балагурности седого церковника, цепкий взгляд его некогда ярких голубых глаз буквально ощупывал начинающего мага.

Иваныч хмыкнул и покачал головой. Ему почему-то imponировал этот крепкий старикан с выцветшими глазами цвета горных льдов.

— Повидал, — усмехнулся юный маг, — Много повидал. Да вот только если не считать паладина, то поговорить удалось пока лишь с тобой.

При упоминании паладина у старика на миг блеснули глаза.

— Дела-а-а, — протянул церковник, задумчиво оглаживая свою бороду. — Видимо, есть нам, о чём с тобой поговорить, парень. Заходи ко мне, как всё... Кхм. Закончится.

— Закончится ли? — поинтересовался Иваныч.

— Закончится, — кивнул старик. — Всё рано или поздно заканчивается.

— Я тебя слышал... — Павел вопросительно посмотрел в глаза служителя ордена.

— Авель, — помог юному магу старик, — отец Авель.

— Я тебя услышал, отец Авель, — продолжил Иваныч и, что-то решив для себя, добавил: — Там в храме... Люди?

— Верно, — подтвердил отец Авель, — где же ещё детям Его скрыться от напасти, как не в доме Его?

— Они там в безопасности? — уточнил Павел.

— Отец всегда позаботится о детях своих, — ответил старик, указав раскрытой ладонью на украшающий шпиль храма символ Создателя.

— Это я и хотел услышать от тебя, отец Авель, — Павел сделал вид, что ничуть не удивился увиденному. — Присмотришь?

— Вполглаза, — кивнул церковник.

— За кем? — вклинилась в их разговор Мали.

— Я надеюсь на тебя, отец Авель! — Павел вновь заглянул в старческие глаза.

— На всё воля Его, — старик осенил себя священным знаком и повернулся к юной ведьме, которая так и продолжала сжимать в руках длинный нож: — Пойдём, дочка. Вознесём молитву отцу нашему.

— Паша! — девушка растерянно посмотрела на начинающего мага.

Но Иваныч, ничего не ответив юной ведьме, повернулся к жабе и потрепал её по холке.

— Тебе тоже придётся пока остаться тут, малыш, — произнёс Павел, заглянув в жабы глаза. — Я надеюсь, ты не дашь её в обиду?

Малыш Вали тихо заурчал и боднул начинающего мага в ногу.

— Ну и славно, — тихо произнёс Иваныч, наконец поворачиваясь к Мали.

— Ты что задумал? — начинающая злиться юная ведьма ткнула пальцем в грудь Павла. — Ты же не собрался обратно?

— Ты даже злишься, как она, — улыбнувшись, произнёс юный маг.

— Что? — не расслышала Мали.

— У меня нехорошее предчувствие, — задумчиво ответил Иваныч. — Мне нужно вернуться. Там на площади... Всё пошло совсем не так, как предполагалось. Я не знаю, как это объяснить, но я точно уверен в том, что нашим учителям может понадобиться помощь.

— Я ведь тоже могу помочь! — глухо возразила девушка.

— Можешь, — кивнул Павел. — Ты молодец. Но мне будет гораздо спокойнее, если ты будешь в безопасности. Отец Авель не так прост, как кажется на первый взгляд. Да и малыш тебя в обиду не даст.

— Но я тебе не маленькая дево...

— Я скоро вернусь, — перебил юную ведьму Иваныч и аккуратно поправил прядь тёмных волос, которая упала на лицо девушки.

— Паша! — девушка хотела взять начинающего мага за руку, но её пальцы утонули в перламутровом облаке. Сам же начинающий маг появился в нескольких метрах от девушки и спешно уходил в сторону жилых кварталов.

— Пойдём, дочка, — отец Авель мягко взял растерявшуюся Мали под руку и направился в сторону храма. — Он, видимо, знает, что делает.

Юная ведьма подхватила малыша Вали и понуро последовала рядом с церковником, бубня себе под нос что-то нечленораздельное про излишне самоуверенных кретинов и слишком возомнивших о себе болванах.

— А ты не так прост, старый хрыч, — покачал головой Иваныч, стараясь запомнить фигуру, которая возникла над ладонью отца Авеля, когда тот указал ей на шпиль храма, —

Ты не так про...

До ближайшего дома оставалось всего с десятков метров, когда очередная безмолвная тварь метнулась из тёмного переулка навстречу Павлу.

— Слишком предсказуемо, — ухмыльнулся начинающий маг, сбросив с себя защитный купол и пытаясь разглядеть движение в облаке пепла.

Тишина.

Иваныч немного выждал и сделал шаг в сторону узкой улицы, из которой выскочил изменённый.

Внезапно по спине юного мага пробежался холодок, и нестерпимо заломило зубы.

— Что за дерьмо? — Павел уплотнил защиту и затравленно озирался по сторонам.

— Такой мягкий... Ещё не готов... Такой вкусный... Он оценит... Вкусный... Скоро... Преклонись... Жнец увидит нас... Он подготовит... — Иваныч обхватил ладонями уши, пытаясь заглушить навязчивый многоголосый шёпот, который зазвучал у него в голове.

В тёмном переулке показался силуэт человека в рясе. Павел оглянулся назад и увидел, как юная ведьма с отцом Авелем подходят к дверям храма.

— Ну, привет, ублюдок, — процедил сквозь стиснутые зубы Иваныч, смотря в светящиеся янтарём глаза неспешно приближающегося монаха.

— Смирись... Преклонись... Такой сладкий... Смерть... Хотим... Уже скоро... Прорва силы... Хотим... Хотим... Хотим... — шёпот становился всё назойливее, причиняя уже физическую боль.

Р-Р-Р-А-Х!

До предела накачанное силой плетение с тяжёлым гудением устремилось к мрачной фигуре церковника.

Павла обдало волной горячего воздуха. Кажется, взрывом снесло несколько домов.

— Умри! Умри! Умри! — визг нескольких десятков глоток разрывал голову юного мага на части.

— Бред, — выдохнул Иваныч, глядя на то, как из устроенного им искрящегося смерча шагнул окутанный бледно-зелёной дымкой монах.

Церковник вытянул вперёд руку, и с его ладони сорвался небольшой чёрный шарик размером с крупную виноградину. Шарик взмыл вверх, засветился мягким зелёным светом и медленно спустился вниз, повиснув в воздухе на уровне янтарных глаз монаха.

Р-Р-Р-А-Х!

Ещё один переполненный светом рой искр, сорвавшись с рук Павла, устроил огненный ад посреди расширившегося переулка, раскидывая в стороны массивные части стен и крыши попавших под удар домов. Искры от двух плетений перемешались, создав единый ревущий столп света.

Шею нещадно жгло раскалившимся камнем ошейника, а в нос начинающего мага ударил запах жжёного мяса. Голоса в голове бесновались, визжа что-то уж совсем неразборчивое.

— Да проглоти тебя бездна! — рыкнул Иваныч, увидев, как из яркого столпа искр вновь вышел чёртов монах, защитная дымка которого значительно потеряла в яркости и насыщенности, став едва заметной.

Церковник остановился, и в руках его возник огромный, светящийся гниlostно-зелёным цветом серп на длинной рукояти, с острия которого на землю капала какая-то бледная тягучая дрянь.

Монах сделал шаг к Павлу.

Второй.

Третий.

И вот он уже бежит, набирая скорость с каждым шагом. За ним неотступно следует светящийся шарик.

Р-Р-Р-А-Х!

Павел отправил очередное плетение и исчез в перламутровом облаке, разрывая дистанцию между собой и монахом.

Яркая изумрудная вспышка резанула по глазам начинающего мага, заставляя его зажмуриться. Проморгавшись, Павел с ужасом осознал, что человек с янтарными глазами стоит перед ним и уже поднял в замахе лезвие своего гигантского серпа.

Иваныч уплотнил до предела свой защитный кокон и попытался успеть парировать удар причудливого оружия двуручным мечом, даже и не пытаясь от него увернуться.

На этот раз те немногочисленные уроки, которые успел дать своему ученику паладин, сослужили добрую службу. Начинаящий маг успел в последнюю секунду.

Накачанный светом клинок двуручника с оглушительным хлопком столкнулся с древком огромного серпа, разбрасывая в стороны белые искры и бледно-зелёные брызги. Противники застыли и, скрестив оружие, пытались передавить друг друга голой силой. Рукоять двуручного меча начала стремительно нагреваться, но Павел раз за разом вливал в клинок силу света. Церковник от него не отставал, напивая своё оружие странной зеленью.

Ладони и шею начинающего мага нестерпимо жгло.

Павел краем глаза заметил, что капающая с изогнутого лезвия серпа белёсая дрянь, попадая на его защитный кокон, шипит и пузырится, медленно разъедая его защиту.

Светящийся шарик, выпущенный монахом, покругив немного в воздухе, застыл напротив лица Иваныча, притягивая к себе его взгляд. И чем глубже становился океан боли, испытываемой Павлом, тем ярче и живее плясал изумрудный костерок, который окутывал парящую в воздухе маленькую сферу.

В какой-то момент количество сил света и гнилостной зелени, которые были влиты в это противостояние с обеих сторон, достигло таких значений, что воздух наполнился характерным гулом. Мерно вращающийся шарик задрожал и начал колебаться, то приближаясь, то отдаляясь от лица юного мага, с каждым ударом сердца увеличивая скорость и амплитуду.

Из-под сжимающих рукоять меча ладоней Павла появились первые струйки едкого дыма.

— Дерьмо, — прошипел Иваныч, начиная осознавать, что долго он так не протянет.

Осознание этого факта подстегнуло юного мага разом влить в двуручник практически весь оставшийся у него резерв. Клинок в том месте, где он соприкасался с серпом, начал стремительно раскаляться докрасна. Монах дёрнулся. Его защитная зелёная дымка моргнула и с хлопком испарилась.

Шарик остановился, мелко задрожал и с резким свистом метнулся в сторону Павла.

У Иваныча будто бомба разорвалась в голове. От удара, пришедшегося по лицу, его зрение заволгло отголосками яркой вспышки, а его самого с силой опрокинуло на землю, выбив из лёгких весь воздух.

Церковника выгнуло дугой.

Он, выронив свой серп, обхватил голову руками и, раскачиваясь из стороны в сторону, принялся раздирать капюшон своей рясы.

Зрение к Павлу вернулось не сразу. И первым он увидел размытый силуэт, который медленно шёл к нему. Иваныч провёл ладонью по своему лицу, смахивая застилающую глаз кровь. Картинка стала чуть чётче.

На юного мага смотрела пара янтарных совиных глаз. Крупные глаза располагались на пожелтевшем черепе, испещрённом витиеватыми символами. Между острыми клиновидными зубами сомкнутых челюстей сочился белёсый гной. Точнее, даже не сочился, а толчками выдавливался, медленно стекая по подбородку.

Тварь медленно нагнулась для того, чтобы поднять своё оружие с земли.

Павел сделал над собой усилие и шевельнул рукой, пытаясь нащупать обожжёнными ладонями рукоять своего клинка. Наконец, спустя несколько секунд поиска, пальцы начинающего мага наткнулись на ещё не остывший металл.

— Ну вот и закончилось твоё путешествие, Паша, — прохрипел Иваныч, поняв, что он всё равно уже не успевает.

Тварь стояла над ним и в полной тишине поднимала для последнего удара свой зелёный серп. Затихли даже голоса в голове. Лишь стучало сердце, выбивая барабанную дробь в висках.

Внезапно раздался треск, и в голову твари влетела белая молния.

Монах пошатнулся и, вновь выронив своё оружие и упав на колени, оглушённо тряс головой.

— Хотя... — Павел мобилизовал все остатки своих сил для того, чтобы подняться на ноги.

Бросив в искорёженный клинок последние капли света из своего резерва, он просто ударил им, как копьём, в зубы твари. Лезвие с хрустом скользнуло внутрь.

Тварь задрожала в судороге.

— Теперь точно всё, — выдохнул Павел и дёрнул за рукоять меча вверх.

С сухим треском позвоночник твари лопнул, и она с противным скрежетом зубов о сталь клинка завалилась назад. Из устремлённых в ночное небо совиных глаз медленно уходил янтарь. Его сменяли багровые угли.

Павел, откинув в сторону изувеченный меч, опустился на колени и снова смахнул с лица кровь. Следом он посмотрел на обожжённые до обугленного мяса ладони, и, покачнувшись, рухнул рядом с телом монаха. Его сознание вновь накрыла благодатная тьма.

Голубь, сидящий на вершине шпиля, что венчал храм баронства Герхард, перемялся с лапы на лапу, и по-птичьи склонил голову, повернувшись единственным своим зрячим глазом к прихрамовой площади. Он сидел на этом шпиле с самого утра. Голубь видел начало штурма крепости. Голубь видел яростную оборону донжона его защитниками. Голубь видел, как отец Авель, защищая своих прихожан, самоотверженно отбивался сразу от двух изменённых монахов. А сейчас голубь наблюдал за окончанием боя между одноглазым юношей и невиданной доселе тварью.

— Курлы, — голубь снова потоптался на месте, давая кратковременный отдых своей здоровой лапке, и принялся деловито чистить клювом грязные, посеревшие от времени перья. Найдя под левым крылом последнее белоснежное пёрышко, птица ухватила его клювом и резким движением головы выдернула. Следом голубь вновь окинул взглядом

площадь и раскрыл клюв, отдавая перо на потеху лёгкому, шаловливому ветерку.

Ветер, вдоволь наигравшись с пёрышком, бережно уложил его между лежащими на земле юным магом и телом погибшей твари.

— Да ты можешь двигаться поживее, пожри тебя пустота?! — воскликнул низкорослый крепкий монах, пытаясь протиснуться вперёд.

В ответ ему сквозь многоголосую какофонию донеслось лишь раздражённое рычание.

Выжившие церковники, наконец, достигли выхода из проклятой крепости, которая вдоволь напилась их крови. Длинную центральную улицу, ведущую от въезда в город к главной площади, они преодолели достаточно скоро. Проблема возникла на самом выходе. Рухнувшие створки частично заблокировали и без того не слишком широкую арку ворот, формируя “бутылочное горлышко” для рвущихся на свободу служителей церкви. Образовалась натуральная давка.

Кто-то истошно закричал.

— Поглоти тебя бездна! — выругался всё тот же монах, споткнувшись обо что-то лежащее на земле.

Благо упасть было не так просто, так как со всех сторон его подпирали такие же спешащие покинуть крепость церковники. Служитель ордена посмотрел вниз и увидел, что споткнулся он о тело менее удачливого брата по вере. После того как по телу прошли несколько десятков ног, узнать погибшего было невозможно. Да, монах этим заниматься и не собирался. Он лишь брезгливо поморщился, наступая на перепачканную пылью и кровью рясу, укрывавшую раздавленное тело.

— Братья, стойте! — зычно прокричал седобородый служитель ордена, привлекая к себе внимание толпы, когда отступающие монахи всё же вырвались из сердца баронства и достигли своего полевого лагеря.

Выжившие рассредоточились по лагерю, спешно собирая свои немногочисленные пожитки.

— Братья, остановитесь! — седобородый подошёл к распятому на священном знаке брату Фили.

Те монахи, которые находились ближе к нему, остановились и посмотрели на пытающегося до них докричаться собрата.

— Чего глотку рвёшь, отец Корвин? — недовольно пробасил тучный служитель церкви. — Ноги уносить нужно. Не дай Создатель, воины проклятого баронства на атаку решатся. А у меня голова будто сама не своя, да руки ходуном ходят. Я даже не помню, как в этой крепости оказался, чтоб ей на нижний план провалиться! У братьев то же самое. Или ты один готов сдерживать натиск тех демоновых магов? Нет? Или же ты расправишься с теми яростными воинами? Снова нет? То-то же! Так что не мешай и дай братьям спокойно уйти.

— Точно! Дело говоришь! Уходить нужно! — загомонила разрастающаяся вокруг отца Корвина толпа.

— Тихо! — вновь прокричал отец Корвин и пытливо взглянул на оппонента. — А куда уходить-то?

— Ну, так в Соколиный оплот. Куда же ещё? — не задумавшись ни на секунду, ответил полный монах.

— В Соколиный опло-от? — протянул седобородый. — Ну тогда ответь-ка мне на один вопрос, брат. Что ты скажешь отцу Золену, когда он спросит тебя, какого демона ты вернулся обратно?

При упоминании старшего инквизитора монах вздрогнул и тут же сник. Собравшиеся вокруг церковники загудели, подобно рою пчёл.

— Что молчишь? Представил? — допытывался отец Корвин. — Представил. Вот и я не хотел бы оказаться в такой ситуации. Неизвестно, что ещё хуже — славная гибель на поле боя, или отец Золен, пребывающий в ярости.

— И что ты предлагаешь? — задумчиво почесал затылок монах.

— Думать, брат. Думать, — ответил отец Корвин. — Вряд ли баронские воины решатся сегодня на вылазку. Им эта победа тоже далась немалой ценой. Так что советую выставить дозор, набираться сил и думать о том, как нам всем быть дальше.

Седобородый служитель церкви оглядел всех собравшихся и громко прочистил горло, привлекая к себе их внимание.

— Братья! Нам сейчас необходимо... — обращение отца Корвина к монахам прервал испуганный крик.

Кричал один из братьев, задрав голову вверх и тыча пальцем в ночное небо.

Отец Корвин посмотрел туда, куда указывал перебивший его монах, и поблел.

На тёмном небосводе одна за другой стремительно гасли звёзды. Через какое-то время погасла и луна. Лагерь служителей церкви погрузился в кромешный мрак. Монахи замолчали, наблюдая за происходящим в гробовой тишине.

Внезапно где-то поблизости зазвучал звонкий детский смех. Ответил ему такой же залихватский хохот с другой стороны. И ещё. И ещё.

Спустя некоторое время отцу Корвину казалось, что детский искристый смех доносится со всех сторон, заглушая собой все прочие звуки. В какую-то секунду всё стихло столь же неожиданно, как и началось.

— Раз, два, три, четыре, пять! — игривый детский голосок нарушил звенящую тишину, повисшую над лагерем. — Выходи во тьме играть!

Отец Корвин создал над своей дрожащей ладонью тусклый светляк, пытаясь хоть как-то развеять сгустившийся мрак. Это всё, на что хватало его скромного дара. Свет, исходящий от плетения, упёрся в густой чёрный туман, который медленно ворочался, стелясь над землёй. Церковник добавил в светляк ещё силы, практически опустошив свой резерв.

Пятно света раздалось в стороны лишь на несколько десятков сантиметров.

— Коли вышел ты — беги, — плетение высветило маленькую златокудрую девочку лет десяти.

Девочка мило улыбалась и, чуть склонив голову набок, смотрела на отца Корвина.

Церковник нервно сглотнул, глядя на то, как по синюшным щекам ребёнка из уголков чёрных глаз скатываются тягучие тёмно-вишнёвые капли слёз. Слёзы, оставив свой след на юном лице, капали с подбородка девочки ей на грудь, образуя тёмное пятно на белом кружевном платье. Руки ребёнок держал за спиной.

— Отдав душу и кишки, — вкрадчивым шёпотом закончила девочка, резко махнув рукой, в которой оказался зажат большой ржавый нож.

Отец Корвин дёрнулся от острой боли, которая прострелила его живот, и попытался прикрыть рану ладонями, но ребёнок оказался проворнее, запустив туда руку первым. Девочка даже высунула длинный чёрный язык от усердия, пока что-то целеустремлённо искала среди внутренностей служителя церкви. Наконец, её лицо озарила радость, и она резко дёрнула рукой на себя.

Отец Корвин с ужасом смотрел на свою печень, находящуюся в детских ладошках.

Несмотря на угасающее сознание, церковник успел увидеть, как ребёнок сначала с удовольствием лизнул свой трофей, а следом и вовсе откусил от него немалый кусок. И, подняв перепачканное в крови лицо, залиvisto засмеялся. Детский смех вновь заполнил собой всё пространство. Только теперь в него вплетались крики боли и ужаса убиваемых обитателями нижнего плана монахов.

— Паша! — воскликнул Мишико, исчезая в перламутровой вспышке.

— Пожри тебя пустота! — рыкнул Вел, заставляя себя переставлять налившиеся свинцом ноги ещё быстрее. Демонолог уже и забыл, когда он последний раз так выматывался.

Улица, на которую их вывел сотник баронства Герхард, выглядела плачевно. Часть домов просто исчезла, раскидав по окрестностям обломки собственных стен и крыш. Лишь почерневшие каменные дымоходы почему-то устояли перед световым штормом, устроенным начинающим магом, и теперь одиноко возвышались мрачными надгробиями на месте гибели приютивших их жилищ.

У тех домов, которым повезло оказаться подальше от эпицентра сражения, были вырваны целые куски из стен.

Так что продвижение и без того истощённого мастера тьмы затруднялось ещё и тем, что улица буквально была завалена строительным мусором. Едкий пот жёг глаза демонолога, но он всё равно не отрывал взгляда от лежащих на прихрамовой площади тел, над которыми стояла на коленях найденная ими девочка. Рядом с девочкой навис старик в рясе. На руках старика пригрелся малыш Вали. За его спиной медленно собирались люди. Много людей.

— Только не помри, малыш, — прохрипел мастер тьмы, ещё поднаддав, — ты от меня так просто не избавишься.

— Жив? — внезапно появившийся возле Мали паладин склонился над телом своего ученика.

Девушка часто закивала, не отрывая взгляда от Павла. Мали аккуратно положила его руку к себе на колени и нежно коснулась обожжённой до черноты ладони начинающего мага. От её руки медленно потёк мягкий белый свет.

— Мне нужна вода и чистая ткань, — коротко произнесла Мали.

Паладин кивнул и поднялся.

— Сейчас всё принесут, дочка, — опередил его отец Авель и, подозвав к себе одного из прихожан, принялся что-то тихо ему перечислять.

Мишико внимательно посмотрел на церковника, но решил отложить все вопросы до более подходящего времени.

— У него сильное истощение, — тихо заговорила юная ведьма. — Ещё немного, и он бы сам себя выжег. Сейчас ему нужен отдых и должный уход.

Паладин кивнул и, устало выдохнув, посмотрел на залитое кровью лицо своего ученика. Его потряхивало. И он поймал себя на мысли, что, пожалуй, впервые после того как узнал о гибели Искры, он переживал за кого-то. Впервые с того момента его сердце выбивало напористый южный танец, вместо размеренного северного ритма. Неужели он так успел привязаться к этому худощавому парню? Осознание этого факта заставило его улыбнуться. Так, улыбаясь, блондин бегло глянул на искорёженную железку, некогда бывшую мечом

юного мага, и, отпихнув её ногой в сторону, принялся внимательно изучать тело убитого монаха.

— Арэль?! — удивлённо просипел подоспевший мастер тьмы. — Так ты жив, старый пердун?! А мне говорили, что твой прах по всему континенту ветром разнесло.

Отец Авель вздрогнул и медленно поднял глаза на демонолога.

— Кхм... Отец Авель, — поправил мастера тьмы церковник. — Тебя-то, Вел, тоже в нижнем мире с факелами ищут. Бедолаги ещё не подозревают, какое дерьмо им достанется после твоей бесславной кончины.

— Нет, Миш, ты это слышал?! — распаялся демонолог. — Кстати, ты в курсе, что это вроде как ты его своим молотом приголубил? Вот! Познакомься со своей мнимой жертвой!

— В-вы... Тот, о ком я думаю? Вы Мишико Молот? — голос отца Авеля слегка дал петуха.

Паладин поднял тяжёлый взгляд своих голубых глаз на человека в рясе.

— Он нам помог, — юная ведьма истолковала происходящую перепалку по-своему.

— Я твой должник, — посмотрев в глаза отца Авеля, кивнул паладин и указал ножом на демонолога. — Знакомы?

— Когда-то... Работали... Вместе, — седобородый церковник взвешивал каждое слово и смотрел на блондина, будто кролик на неспешно приближающегося удава.

— Работнички, — паладин усмехнулся и резким движением зажатого в руке ножа сделал длинный надрез на рясе погибшего монаха.

Откинув в сторону грязно-серую тряпку, которая когда-то была одеянием церковника, и внимательно присмотревшись к телу, Мишико удивлённо присвистнул.

— Сегодня прямо день встреч со старыми друзьями, — паладин зажжёт светляк, чтобы как следует рассмотреть татуировку на покрытой язвами и струпами груди изменённого. — Ну, здравствуй, Август!

— Госпо... Мишико, — негромко окликнул блондина Гери.

Паладин отвлёкся от изучения трупа и посмотрел на сотника, вопросительно подняв бровь.

— Девушка — целитель? — в голосе Гери было трудно скрываемое волнение.

— Да, — не стал вдаваться в подробности Мишико.

— А не могла бы она помочь господину?

— Это тебе не у меня спрашивать, сотник, — покачал головой паладин.

— Госпожа... — повернулся к юной ведьме Гери.

— Мали, — не отвлекаясь от перевязки бессознательного Павла, ответила девушка, — просто Мали. Сейчас закончу, и посмотрим на вашего господина. Помоги его приподнять.

— Конечно! — просиял сотник, метнувшись к юной ведьме.

Мишико пробормотал нечто одобряющее и вернулся к изучению татуировки на теле убитого его учеником монаха. Боевой серп, который обвивала колючая лоза.

— Август, Август, — тихо проговорил паладин, — во что же ты вляпался?

Мишико тяжело вздохнул и погрузился в воспоминания.

Они встречали тот закат, сидя прямо на парапете крепостной стены, свесив ноги вниз и прижавшись друг к другу плечами. Он и Искра. Она любила закаты. А он любил её. И этс

было их место. Место, где они молча проводили пару десятков минут, наслаждаясь заходящим за горизонт светилом и друг другом. Все обитатели Сурийских врат знали про эту маленькую слабость двух паладинов и старались избегать этой части стены в предзакатные минуты.

Прохладный вечерний ветерок приятно касался обожжённых дневным зноем лиц. А сытный ужин и небольшая порция вина расслабляли мышцы и обволакивали сознание, нагоняя сладкую дремоту.

— Тебя сегодня приглашал к себе настоятель? — Нария, несмотря на её мощь и грозную славу, была достаточно хрупкого, даже миниатюрного телосложения и обладала весьма тонким голоском.

Мишико покачал головой и заглянул в васильковую бездну её глаз.

— Столичные никак не успокоятся, — мягко улыбнулся паладин.

— Эти дуболомы никогда не понимали с первого раза, — ответила Искра и положила голову на его плечо. — Неужели так трудно осознать то, что нас с тобой и тут всё устраивает? Мы тут нужны. Мы на своём месте.

— На этот раз пожаловала инквизиция, — хмыкнул Мишико.

— А эти-то что тут забыли? — удивилась Нария.

— Не знаю, — нахмурился паладин. — Там какая-то мутная история. Настойчиво предлагали перевестись в столицу под их серое крылышко. Завлекали сладкими речами о силе и власти.

— Силе? Власти? — прервала его Искра.

— Вот и мне с этим не всё понятно, — кивнул паладин. — На прямой вопрос отвечали какими-то намёками и ужимками.

— Бред, — хмыкнула Нария.

— Не поверишь, — продолжил Мишико, — после очередного моего отказа чернильная душонка приняла многозначительный вид и обещала решить всё иначе.

— Пусть попробуют, — прыснула Искра.

За их спинами раздались тихие приближающиеся шаги.

— Август? — паладин повернулся и с лёгким недовольством посмотрел на приближающегося к ним человека.

— Командир, — Август коротко кивнул отдыхающим паладинам.

— Что-то случилось, Август? — Мишико спрыгнул с парапета и оглядел своего ученика и подчинённого.

Всегда собранный и серьёзный Август сейчас выглядел несколько растерянным.

— Командир... — начал было ученик, но запнулся и склонил бритую до блеска голову вниз, уперев взгляд в каменный пол.

— Ну же, ученик, — подбодрил Августа Мишико, — не будь размазнёй.

— Командир, — подчинённый поднял лицо и взглянул в глаза своему учителю, — я ухожу, командир.

— Вот как? — удивлённо поднял бровь паладин. — И, позволь узнать, куда же?

— Инквизиция, — коротко ответил Август.

— И что же тебя к этому побудило?

— Сила. Они обещают сделать меня сильнее, — выдохнул ученик.

— Тебе мало того, чем тебя наградил Создатель? — вклинилась в их диалог Искра.

— Много силы не бывает, — ответил Август.

— И зачем она тебе? — спросил Мишико.

Ученик, ничего не ответив, отвёл взгляд в сторону.

— Ты свободен, — раздражённо дёрнул плечом паладин.

Мишико не любил ошибаться в людях. Тем более в тех, в кого он вкладывал часть себя. Не дожидаясь ответа, паладин вновь забрался на парапет стены и устроился рядом с возлюбленной.

— Командир... — раздался за спиной тихий голос Августа.

— Я тебе больше не командир, Август. Ты свободен! — глухо ответил ему Мишико.

Август стиснул зубы и, резко развернувшись, отправился в сторону крепостных ворот, где его ожидал тот улыбающийся инквизитор из столицы. Позже Мишико узнал, что в тот день этот человек в серой рясе лишил Сурийские Врата семи сильных одарённых.

— Мишико! Мы готовы, — раздался за спиной паладина голос сотника.

Блондин тряхнул головой, прогоняя остатки воспоминаний, и поднялся.

— Ты как? — Мишико посмотрел на юную ведьму.

— Нормально, — кивнула та в ответ.

— Веди, сотник, — обратился паладин к Гери. — Посмотрим, что приключилось с вашим бароном.

Сотник часто закивал и заторопился к ближайшей улице.

— Вел! — Мишико окликнул беседующего с церковником демонолога и указал на труп монаха. — Тебе нести это дерьмо!

— Зачем? — удивился мастер тьмы.

— Хочу его изучить, — ответил паладин, бережно поднимая на руки бессознательного Павла.

— Тут самому бы добрести, — пробурчал себе под нос Вел и уже громче добавил: Арэль! Бери его за ноги!

— Я отец Авель! — уже на ходу возмутился седобородый церковник.

— Да похер, — устало выдохнул мастер тьмы, беря изменённого монаха за руки.

На транспорт в виде переносимого трупа тут же не преминула усесться бурая жаба.

Последние крики стихли, и густую, вязкую тьму над бывшим лагерем монахов разорвал первый робкий луч яркой луны. К стараниям естественного спутника присоединились переливающиеся звезды, и общими усилиями им всё-таки удалось развеять чёрный туман над щедро залитым кровью полем.

У бывшего шатра отца Говарда зажглась пара бледных, янтарных светлячков. Зажглась и тут же потухла. И вновь едва заметно зажглась. Но теперь уже не исчезла, набирая яркость с каждым ударом сердца.

Распятый брат Фили вздрогнул и медленно поднял изуродованное лицо вверх. В какой-то момент силы покинули его, и голова вновь безвольно упала на грудь. Остекленевшие, лишённые век глаза полыхнули янтарём, и голова вновь начала своё неспешное движение вверх.

Брат Фили столь же медленно оглядел бывший лагерь, и его тело снова содрогнулось. Руки оставались на месте. Взгляд распятого остановился на собственном левом предплечье. Янтарная вспышка, скрип стали о дерево, и спустя минуту брат Фили сжимал и разжимал кулак пробитой ножом руки. Снова вспышка, и освежёванное лицо монаха уткнулось в прохладную землю.

Спустя пару минут брат Фили медленно сел и осмотрелся по сторонам. Ещё через минуту он поднялся на ноги и попытался сделать пару шагов, но запутался ногами в собственных кишках и рухнул на землю. Побарахтавшись, он всё же вновь встал и, держа в руках большой клубок из своих внутренностей, неуверенными шагами побрёл к ближайшему трупу церковника.

Выронив кровавый ком прямо в пыль, брат Фили принялся сдирать с трупа его одеяние. Надев рясу, он поднял свою ношу и замер, переместив взгляд янтарных глаз на крепость. Смотрел долго, будто пытаясь запечатлеть в своей памяти каждую деталь. Наконец, он вздрогнул и, накинув на лишённую кожи голову капюшон рясы, неспешно отправился в сторону залитого лунным светом тракта.

— Он выживет? — побелевшие костяшки руки, сжимающей боевой топор, выдавали степень напряжения сотника.

В ответ на это юная ведьма лишь раздражённо дёрнула плечом. Рядом с ней над ложем барона склонился паладин. Они проводили какие-то непонятные для Гери манипуляции и тихо перешёптывались друг с другом.

До смерти вымотанный демонолог, просто рухнув вниз и облокотившись спиной на массивный резной стол, неспешно раскуривал трубку. Увидев заискивающий взгляд здоровяка с алебардой, мастер тьмы горестно вздохнул, но всё же достал кисет и передал его Рэю. Здоровяк благодарно улыбнулся и, довольно урча, устроился на укрытом ковром полу рядом с Велом.

Павла паладин бережно уложил тут же. Прямо на рабочий стол владельца Герхардского баронства, скинув с него всё лишнее на пол.

Отец Авель расхаживал по покоям, иногда останавливаясь возле барона. Во время остановок он наблюдал за действиями паладина и ведьмы, качал головой и принимался вновь измерять комнату шагами.

Мальш Вали безбожно храпел, устроившись рядом с бессознательным телом Павла.

— Я не знаю, что с ним, — устало произнесла Мали, отстраняясь от молодого барона. — В нём какая-то дрянь, которая заставляет организм отторгать свою быстро разлагающуюся плоть. Я с таким раньше не сталкивалась.

Паладин посмотрел в глаза сотника и лишь покачал головой.

Робкий огонёк надежды в глазах Гери тут же потух, и сотник, сгорбившись, опустился на пол рядом со своим другом.

— Как его зовут? — глухо спросил Мишико, рассматривая бледное лицо молодого парня.

— Рональд, — безжизненным голосом ответил Гери.

— Рональд, — тихо повторил паладин, не отрывая взгляда от юного барона. — Кто ещё остался из правящей ветви?

Сотник в ответ лишь покачал головой.

— Последний он в роду, — ответил за приятеля Рэй. — Батюшка его ещё два дня тому назад голову сложил. Он как раз с охоты возвращался, когда эти рясоносные мудаки нагрянули. Для нас это было полной неожиданностью. Новости сюда доходят нескоро... Церковники его тут же и порешили гурьбой вместе с личной гвардией. Если ничего не поменялось, то его тело до сих пор напротив крепости распято. Это они его, значит, специально выставили нам напоказ. В назидание. Уроды.

— Дерьмо, — согласился Мишико и, чуть подумав, обратился к юной ведьме: Сможешь привести его в чувство?

Девушка кивнула и вновь подошла к умирающему. Склонив своё лицо над лицом юного барона так, что казалось, будто они сейчас коснутся носами, девушка выдохнула маленькое белое облако, которое тут же скользнуло меж губ юноши. Мали так же молча поднялась и, отойдя, устало села на пол рядом с мастером тьмы.

— Отходим! Отходим! — хрипло прорычал молодой барон, взмахнув руками.

От резкого движения плоть на его руках чавкнула и повисла пузырящимися рукавами,

обнажив пожелтевшие кости. Руки опали на ложе безжизненными плетями, а барона выгнуло дугой от накатившего приступа боли.

— Тише, малыш. Тише. Сейчас всё пройдёт, — паладин положил свою ладонь на лоб барона и посмотрел на метнувшегося к нему сотника. Гери занял место возле блондина и, затаив дыхание, наблюдал за своим господином.

— Я умер? — просипел Рональд, когда приступ боли стало возможно терпеть.

— Нет, — тихо ответил ему Мишико.

Барон изучающе посмотрел на паладина. Следом он обвёл взглядом помещение, остановив его на Гери.

— Доложи обстановку, десятник Гери, — барон попытался сказать это громко, но у него получился лишь громкий шёпот.

— Противник выбит из крепости, — вытянулся в струну Гери. — Со слов паладина, противник уничтожен полностью.

При упоминании паладина барон посмотрел на Мишико. Тот ему в ответ лишь коротко кивнул.

— Наши потери? — прошептал Рональд.

— Со всего гарнизона десятков шесть выживших наберём, — сник сотник. — О потерях среди жителей Герхарда пока ничего сказать не могу.

Барон помрачнел и вновь закрыл глаза.

— Вы... Представитель церковного ордена? — после продолжительного молчания тихо произнёс барон.

— Уже нет, — мотнул головой паладин, посылая барону ещё одно плетение, смывающее боль, — я... знакомый твоей тётушки.

— Тётушки? — удивился Рональд и ненадолго задумался. — Тётушка... Паладин... Вы хотите сказать... Вы Молот? Тот самый Молот? Верный спутник Нарии Герхадской?

— Не такой уж и верный, как оказалось, — грустно ответил Мишико.

— А где тётя Нария? — юный барон попытался приподнять над своим ложем голову, но его снова сковал приступ боли.

— В лучшем из миров, — глухо произнёс паладин и взглядом подозвал к себе Мали.

— Жаль, — выдохнул Рональд, после того как юная ведьма помогла успокоить приступ боли. — Знаете... Я ведь так ни разу и не видел её. Но мой отец... Мой отец все уши мне прожужжал историями про великую Искру и её верного спутника, разящего Молота. Отец... Отец, ты здесь? А ты возьмёшь меня завтра с собой на охоту? Мы так давно с тобой не проводили время вместе... А помнишь...

Мишико с сожалением и грустью смотрел на то, как у начавшего бредить барона, медленно сползает капелька крови с уголка губ, оставляя вишнёвый след на бледной щеке. Паладин не мог понять, отчего его сердце сдавило колючими тисками. Было ли ему жаль умирающего юноши? Определённо, да. Но Молот на своём веку повидал столько смертей, что вид ещё одной не мог вызвать столь сильной эмоции.

— Что же ты так раскис, старик? — едва слышно пробормотал блондин, наблюдая за говорящим без умолку бароном.

Мишико остро ощутил, как в этот момент рвётся та последняя ниточка, что соединяла его с утекающим сквозь пальцы прошлым. Последнюю возможность хоть как-то отплатить добром его Искре прямо сейчас забирает костлявая. И виной тому...

Паладин крепко стиснул зубы и закрыл глаза.

— ... поэтому только Вам я могу доверить эту ношу, — сквозь пульсирующий грохот крови в ушах до паладина донеслись тихие слова Рональда. — Видимо, сам Создатель направил легендарного Молота в эти края в столь трудное время. И если хоть часть того, что о Вас рассказывал отец, является правдой, то я искренне верю в то, что Вы справитесь. Вы сможете защитить наш народ.

— Что?! Подожди, парень! Мы так не договаривались! — до Мишико начал доходить смысл слов юного барона.

— Десятник Гери Лейд! — голос умирающего барона наполнился силой.

— Я! — сотник в мгновение ока очутился возле ложа.

— Я, Рональд младший, владетель баронства Герхард, принимаю в род... — юноша вопросительно посмотрел на паладина.

— Мишико, — паладин, чертыхаясь про себя, назвал своё имя. И виной тому были глаза юноши. В них плескался океан боли, но лицо барона было сосредоточенно и одухотворённо.

— Я, Рональд младший, владетель баронства Герхард, принимаю в род Мишико, известного под именем Молот. Нарекаю его своим братом и даю ему имя Мишико Герхардский. Также даю ему право носить символ власти баронства — перстень с изображением фамильного герба, — голос юноши ни разу не дрогнул. — Готов ли ты, брат, заботиться о нашем крае и неустанно вести его к благополучию и процветанию? Готов ли ты?

— Готов, — сквозь крепко стиснутые зубы выдавил из себя паладин.

— Да будет так, — Рональд улыбнулся уголками губ. — Десятник Гери Лейд! Ты свидетельствовал принятию в род Герхарда Мишико, именуемого Молотом. Была ли процедура принятия проведена под давлением на род?

— Нет! — отчеканил сотник.

— Признаёшь ли ты себя вассалом Мишико Герхардского? — спросил юный барон и зашёлся в приступе кашля.

— Признаю, — ответил Гери и, повернувшись к палადину, встал на колени и склонил голову. Тот же жест повторил и Рэй.

— Добро пожаловать в семью, брат, — ослабевшим голосом произнёс Рональд и вновь закашлялся.

— Твою же мать, — тихо прошипел Мишико, наблюдая за тем, как вместе с кашлем из юноши уходит жизнь. Кровавая дорожка на щеке барона становилась всё шире и шире, пока не переросла в бойкий родник. В какой-то момент Рональд содрогнулся особенно сильно и затих. Насовсем. На лице юноши застыла довольная улыбка.

— Охренеть, — подавившись дымом, выдавил из себя мастер тьмы.

— Вот чего я меньше всего ожидал, так это так влипнуть, — пробормотал Мишико, вглядываясь в лицо почившего юноши. — Но ты молодец, парень. Достойный правитель и зрелый муж. Она сейчас гордится тобой, встречая тебя в садах Его. Спи спокойно... Брат.

В покоях барона раздалось шипение закипающего чайника, которое вскоре переросло в хрюканье и бульканье. Через несколько мгновений комнату заполнил собой гомерический хохот. Вел залиvisto смеялся и нахлёстывал себя по ногам.

— Он сделал тебя, паладин! — сквозь слёзы выдавил из себя демонолог. — Он обвёл тебя вокруг пальца, скинув этот груз с себя! Баронство! В раздираемом мятежом княжестве! С теми крохами, что остались от войска! С кучей голодных ртов на шее! Я бы на его месте тоже ускользнул в лучший мир. Так всё обстряпать — это талант!

— Не обращай внимания, — отмахнулся Мишико, заметив нахмурившегося сотника. — Пожилой, скорбный головой человек. Лучше помоги мне.

— Да, господин! — Гери принялся помогать паладину, который начал пеленать тело Рональда в простынь.

— Я не господин, — поморщился блондин, — Мишико. Ну, или командир, если тебе так будет удобнее.

— Удобнее, — согласился сотник. — Семейный склеп находится во дворе, командир.

— Тогда пойдём во двор, — кивнул паладин и, обернувшись, добавил: Отдых до рассвета. Завтра нам предстоит серьёзно поработать.

— Пожалуй, я тоже пойду, — тихо произнёс отец Авель, после того как паладин и сотник бережно вынесли тело Рональда из баронских покоев, — у меня там люди. Их нужно успокоить. И сообщить о... переменах.

Сказав эти слова, седобородый старик быстро улизнул из помещения.

— Можно подумать, мы сегодня отдыхали, — отсмеявшись, проворчал мастер тьмы и осмотрелся.

Рядом с ним, свернувшись калачиком, прямо на полу дремала юная ведьма. Откуда-то сверху доносился храп носатой жабы. Взгляд демонолога остановился на Рэе, который сидел, прислонившись спиной к рабочему столу, и прикрыл глаза. Вел без раздумий пихнул ему локтём меж рёбер. Здоровяк вздрогнул и вопросительно посмотрел на мастера тьмы.

— Служивый, — заговорщицки подмигнул ему демонолог, — вино есть?

— А? — недопонял его Рэй.

— Вино, говорю, есть? — Вел задал вопрос медленнее, нарочито растягивая слова.

— Да откуда мне знать? После такого-то, — раздражённо ответил здоровяк.

— Хреновый ты солдат, служивый, — поморщился мастер тьмы.

Рэй с трудом подавил в себе желание съездить в ухо излишне говорливому хмырю со странно остриженными усами. Остановил его только тот факт, что хмырь этот являлся знакомым их нового господина. А ещё все внутренние чувства Рэя буквально вопили о том, что хмырь не так прост, как кажется на первый взгляд.

— Тут караулка неподалёку, — немного отойдя, Рэй решил всё-таки не обострять конфликт, списав всё на очередную странность пришельцев, — там должна быть заначка.

— Ни слова больше! — просиял Вел. — Сразу чувствуется мудрость прошедшего через пекло ветерана! Неси нектар, боец! А я пока за детишками присмотрю вполглаза.

— А новый господин ничего не скажет? — почесал затылок здоровяк.

— С бароном я договарюсь, — отмахнулся мастер тьмы. — Ты ещё тут, служивый?

Рэй вздохнул и направился в сторону комнаты отдыха личной гвардии барона. Солдат прекрасно знал, что там всегда был припрятан запас алкоголя. Благо находилась караулка рядом с господскими покоем.

Вернулся здоровяк с двумя объёмными бутылками и свёртком солонины под мышкой, захватив из караулки всё, что там было. На всякий случай.

Демонолог за это время успел скинуть с баронской кровати все окровавленные тряпки и бережно переложить на неё спящую девушку, не забыв при этом укрыть её заботливо сорванной плотной шторой.

— Уже вернулся? — при виде нагруженного Рэя мастер тьмы просиял и протянул здоровяку руку: Вел.

— Рэй, — сгрузив свой скарб на стол, пожал руку здоровяк. — А мы точно от нового

барона не получим по шапке?

— Служивый, запомни! Маги никогда! Ты слышишь? Никогда не пьянеют! — наставительно поднял палец вверх мастер тьмы. — Да и что тут пить-то? Так, дёсны только сполоснуть.

Рэй вздохнул и откупорил первый сосуд.

— Что будем делать, командир? — задал терзающий его вопрос Гери.

Тело Рональда было уложено в специальную нишу в семейном склепе, и запечатано каменной плитой. После чего паладин вознёс молитву Создателю и дал возможность сотнику произнести прощальные слова.

— До рассвета отдых, — на ходу ответил Мишико. — Этот демонов день вымотал всех. Да и бояться нам пока некого. Обитатели нижнего плана живых не оставляют. Завтра же... Первым делом бери Мали и церковника и отправляй их к раненым. Пусть посмотрят. Всех горожан с серьёзными болячками туда же. Всех способных держать в руках оружие собирай возле донжона. Нужно понимать, чем мы располагаем.

— Понял, — кивнул Гери.

— Как дела с провизией и водой в крепости? — уточнил паладин.

— Про запасы провизии не знаю, — смутился сотник, — я этим раньше не интересовался. С водой же проблем нет. В городе несколько источников воды, пригодной для питья.

— Придётся интересоваться, — Мишико посмотрел на шагающего рядом Гери. — Хотя подожди. Лучше подбери грамотного человека, который будет за всё это отвечать. И, да. Я не переносу ложь и предательство. Если кого-то что-то не устраивает, пусть сообщат об этом сразу. Решим, что с ними делать. Тебя всё устраивает, сотник?

— А у меня есть выбор? — выдержав взгляд паладина, хмыкнул сотник. — Тут мой дом. Прежний барон был хорошим человеком и неплохим правителем. Каким будете Вы, покажет только время. Но в спину бить не в моих правилах. Если Вы об этом, командир.

— Такого ответа я и ждал от тебя, Гери, — кивнул Мишико. — Ладно, сотник. Всё завтра. Сегодня отдых. Отправь несколько человек приглядеть за воротами. Остальных парней гони отдыхать. Знакомиться будем завтра.

— Понял, — ответил сотник и, открыв перед паладином дверь, ведущую в комнату барона, замер.

— Нет! Ты определённо был неправ, носатый! — в стельку пьяный мастер тьмы тыкал грязным пальцем в опалённую жабью грудь. — Я, конечно, тоже не совсем по-дружески поступил, но зачем было трогать усы? Это же самое важное в этом деле! Это же символ! А теперь что?

— РУА! — невозмутимо шмыгнул покрасневшим носом малыш Вали.

— Да причём тут мех?! — возмутился Вел. — Это ерунда! Вот отрасли приличные усы и ни одна бородавочная красавица не устоит! Топчи, сколько влезет!

— РУ-РУ? — проурчал рыгун.

— Уговорил, демон красноречивый! Мир! — демонолог потрепал жабу по холке. — Давай-ка выпьем мировую! Эй, служивый! Служивый! А, ты уже спишь. Ну, отдыхай ветеран.

— РУ! — вклинилась в его монолог жаба.

— Так и я тебе о чём, говорю, — демонолог приложился к бутылке, занюхал жабой и,

наконец, посмотрел на замерших в дверях сотника и паладина. — О! А вот и их сиятельство пожаловали.

— Знаю, что это кажется невыполнимым, но привыкай, сотник, — Мишико хлопнул по плечу застывшего в проходе Гери. — Пойдём.

Сотник молча уселся рядом с новоиспечённым бароном и мастером тьмы и покорно принял в руки пузатую бутылку и несколько полосок мяса. Он с грустью осознал, что поспать ему сегодня, видимо, не получится.

— А-а-а-а! — над головой компании раздался надсадный вопль Павла. — Прочь! Уходите! Пошли вон, твари!

— Паша! — вскочил паладин.

Следом стол окружили все остальные участники попойки.

Глаза ученика были широко распахнуты, а покрытое коркой засохшей крови лицо исказила гримаса ужаса. Тело его выгнуло дугой. Перемотанные грязными тряпками руки полосовали воздух.

— Учитель, его глаз! — пробормотала разбуженная криками Мали.

— Вижу, — напряжённым голосом ответил паладин. — Дерьмо!

Взгляд всех присутствующих был прикован к пустой глазнице Иваныча. Точнее, некогда пустой. Сейчас там приютился чёрный блестящий шарик. И шарик этот слегка светился бледной зеленью.

— Интересееесно, — протянул Павел, разглядывая распростёртое на земле тело.

То, что он снова провалился в Астрал, Иваныч понял сразу. Атмосферу этого места сложно было спутать с чем-то иным. Клубящийся вокруг туман и полумрак. Именно полумрак, а не абсолютная тьма. Начинаящий маг так и не мог понять причину этого явления, так как ни одного источника света в этом месте он не видел.

И тишина. Находясь здесь, Павел понял, что означает понятие “абсолютная тишина”.

Но сейчас юный маг рассматривал своё тело. Он отметил, как подросли энергетические жгуты, которые раскинули свою сеть по его организму. Они стали ощутимо массивнее, а сама сеть приросла большим количеством новых отростков.

Тёмная скорлупа, скрывающая одно из полушарий мозга, покрылась ещё более частой вязью мелких трещин.

А на месте утерянного глаза ворочалась гнилостная зелень, которая выпустила из своего ядра несколько крохотных изумрудных щупалец. Протуберанцы медленно ощупывали пространство вокруг себя, постепенно заполняя зеленью всё большую и большую территорию. Когда щупальце натыкалось на пульсирующую от силы света артерию, оно вздрагивало и моментально втягивалось обратно в ядро. После чего снова робко выглядывало и начинало движение заново, но уже по другой траектории.

— Что же за дерьмо я подцепил? — Павел сам не заметил, как произнёс вслух не покидающий голову вопрос.

— Слеза жнеца, — ответил хриплый, скрипучий голос.

Будь Иваныч не в Астрале, он, пожалуй, получил бы разрыв сердца.

Резко развернувшись, начинающий маг практически столкнулся лицом к лицу со...

Стариком? По крайней мере, это существо когда-то им было.

На Павла тёмными провалами глаз смотрело лишённое скальпа старческое лицо, сотканное из того же бледно-зелёного тумана. Изъеденные язвами, впалые щёки, острый нос и вязь непонятных янтарных символов, которые проступали на скальпированном черепе.

Начинающий маг отшатнулся и увидел, что на старческой, обтянутой кожей груди напротив сердца зияла огромная дыра.

— Такой сильный, — проворковал старик, обнюхивая воздух, — такой вкусный. И такой... ЖИВОЙ?!

Рёв существа, казалось, разнёсся по всему Астралу.

Иваныч начал медленно отходить от твари.

— Как?! Я чувствую твою силу! — продолжал реветь старик. — Я чувствую твою боль! Но я не чувствую твоей души! Слеза должна была передать силу и душу!

— Что ты такое? — прошептал начинающий маг, пытаясь вынырнуть из Астрала.

Но его тело не хотело принимать его обратно.

— Жнец не примет силу без души! — тварь не унималась. — ААРГХ!

Старик поднял лицо вверх и завыл. Челюсти его при этом распахнулись настолько, что туда между ними спокойно пролез бы малыш Вали.

— Ну же! Давай! Возвращаемся, — тараторил Павел, безуспешно пытаясь вернуться обратно.

Закончив выть, старик вновь обратил свой лик в сторону начинающего мага.

— Ты всё равно отдашь её! — костлявый палец указал Иванычу на грудь. — Отдашь сам! Он ждёт!

— Ну, нахер! — Павел создал из света хлыст и стеганул им начавшую приближаться тварь.

Плеть прошла сквозь сотканное из тумана тело, не причинив тому никакого вреда. Туман расступился под светом и сгустился вновь.

В это время за спиной старика проявился человеческий, мерцающий зелёную силуэт. И ещё один. И ещё.

Иваныч выматерился и вновь стеганул по твари плетью, выпустив в неё ещё больше силы. Результат был тем же. Дед даже не почесался.

До Павла донёсся разноголосый шёпот. Силуэтов становилось всё больше.

— Как же достал этот конченный мир! — начинающий маг, отступая, с остервенением хлестал по призрачному старику. — Эти конченные твари! Эти безумные учителя! Хоть бы день пожить спокойно! Что вам всем от меня нужно?!

Страх постепенно перерос в раздражение. Раздражение в злость. А злость сменилась клокочущей яростью.

Плеть уже практически гудела от переполнявшей её силы.

— Ты отдашь свою силу и свою душу! — старик создал из зелёного тумана длинный, причудливо изогнутый клинок. — Она уже принадлежит ЕМУ!

Павел не мог заметить, как в его теле произошла очередная трансформация. Изрядно подросшее в размерах зелёное ядро втянуло в себя все отростки, уплотнилось и выстрелило щупальцами вновь, оплетая самый мощный энергетический канал. Зелень задрожала, но продолжила удерживать светящийся перламутровый жгут.

— Он живой... Сильный... Вкусный... Он уже пометил его... Но слеза... Жнец рядом.. Но он живой... — голоса раздавались со всех сторон.

Призрачные фигуры постепенно сужали кольцо вокруг старика и юного мага.

— А-а-а-а! — заорал Павел, размахивая плетью. — Прочь! Уходите! Пошли вон, твари!

Очередной взмах, и у сотканного из тумана деда отвалилась рука.

Старик и Иваныч неверяще уставились на растекающийся зелёной жижей обрубок.

— ЧТО-О?! — взревел старик.

Иваныч посмотрел на то, как по его хлысту из света пробежали изумрудные искры, и нехорошо оскалился.

— Вот теперь мы с тобой поговорим, дедуля — зловеще произнёс начинающий маг, нанося удар плетью по призрачной твари.

— Умри! Умри! Умри! — заверещали силуэты.

— Ты всё равно уже... — начал было старик, но очередной удар развалил его голову пополам.

— Обязательно, — довольно пробормотал Павел, глядя на то, как призрачные фигуры ринулись к образовавшейся после гибели деда зелёной луже и принялись её с жадностью поглощать, — но позже. А сейчас...

Ощущения не подвели Иваныча. Его вновь накрыла темнота.

— Ваше Святейшество? — в просторный рабочий кабинет вошёл человек в серой рясе, опоясанный красным кушаком.

— А, Густав! Проходи. Как раз о тебе вспоминал, — широкоплечий мужчина улыбнулся и указал кивком бритой головы на один из простых, но удобных стульев, расположенных в таком же функциональном кабинете, лишённом всяких излишеств. Под белой, свободного кроя рубашкой хозяина кабинета угадывался крепко сложенный торс. Завершали его образ льняные штаны и сапоги из мягкой кожи. И только украшавший правую руку неприметный перстень говорил о том, что этот молодой человек является никем иным как понтификом всей империи Карлом Вторым.

— Рассказывай, — кивнул Карл, после того как Густав займёт своё место за длинным столом.

Человек в рясе тихо прочистил горло и пододвинул к себе довольно детальную карту Гирионской империи.

— В целом всё проходит согласно плану, Ваше Святейшество, — начал вещать Густав, не обратив внимания на то, как Карл, встав за его спиной, опёрся на спинку стула, на котором тот сидел. — Остались отдельные очаги сопротивления, разбросанные по империи, да есть некоторые проблемы в Кардальских степях и в Северных землях.

— Подробнее, Густав. Давай по порядку. Нам некуда торопиться, — мягко произнёс понтифик, заглядывая в карту через плечо подчинённого.

Человек в рясе содрогнулся. Он прекрасно помнил, что сотворил этот с виду добродушный и улыбчивый человек с его предшественником.

— Как скажете, Ваше святейшество, — наконец справился с эмоциями Густав. — Итак, в Гирионской метрополии всё прошло достаточно гладко. Ряд подкупленных Вами аристократов и военачальников склонили чашу весов в сторону Церкви и заставили императора спешно отступить вместе с изрядно потрёпанными остатками своей личной гвардии.

— Всё-таки ускользнул? — спросил понтифик. — И где же сейчас наш светлоликий?

— По имеющейся информации, он спешно пересёк Роанское княжество и осел в Бирийских землях. Там находится родовая крепость его супруги, — ответил человек с красным кушаком и поморщился. — Крепость крайне неудобна для штурма. Прикажете его оттуда выковыривать?

— Плевать на него, Густав, — отмахнулся Карл Второй, — он уже ничего не решает. Продолжай.

— Остриндское и Силийское княжества полностью под нашим контролем, Ваше Святейшество, — продолжил Густав, — также подавляются последние очаги сопротивления в Тайском княжестве и Лиранских землях.

— Хорошо, — кивнул понтифик, — продолжай.

— В Роанском и Бирийских княжествах братья столкнулись с ожесточённым отпором, — внезапно покрывшийся испариной Густав оттянул край воротника своей рясы и выпалил: — Своими силами они могут не справиться, Ваше святейшество! Нужно что-то с этим делать!

— Всё верно, Густав, — хмыкнул Карл и, приблизив свои губы к его уху, тихо спросил:

— Знаешь, почему нас покинул твой предшественник?

Человек в рясе затравленно покачал головой.

— Он мне лгал, Густав, — столь же тихо и вкрадчиво ответил на свой же вопрос Карл, — а больше всего я не люблю, когда мне лгут.

Густав замер истуканом, сверля замершим взглядом видимую одному лишь ему точку на карте империи.

— Ты молодец, Густав! — отпрянув от стула, продолжил понтифик: — Мне нравятся честные люди. Не бойся говорить правду, Густав. И не бойся проявлять инициативу.

Карл развернулся и отправился к своему месту во главе стола. Порывистые движения понтифика говорили о том, что его переполняет сила и энергия.

— Неудивительно, что мы столкнулись с данной проблемой, Густав, — продолжил Карл, устроившись на своём месте. — Что Бирийское, что Роанское княжества являлись одними из самых активных участников тех яростных войн, что гремели на нашем континенте сотни лет назад. У них с тех времён и до сих пор прекрасные укрепления, и одни из самых умелых воинов в империи, Густав. Я подумаю над тем, как нам решить этот вопрос. Дальше.

— В Кардальских степях, в Северных и Сурийских землях мы поступили так, как Вы и велели, Ваше Святейшество, — справившись с дрожью в голосе, доложил Густав. — Братья заняли крупнейшие населённые пункты и ожидают дальнейших распоряжений.

— Прекрасно, Густав, — вновь улыбнулся Карл Второй, — прекрасно. А по поводу сопротивляющихся княжеств...

Что хотел предложить понтифик, Густаву в тот момент так и не довелось узнать, так как их беседу прервала внезапно распахнувшаяся входная дверь.

— Ваше Святейшество! — в распахнутую дверь заглянул монах из личной охраны понтифика. — К Вам брат со срочным посланием.

— Запусти, — недовольно поморщился Карл.

Монах кивнул и удалился.

— Ваше Святейшество! — в кабинет понтифика ввалился залитый кровью монах. — Нападение, Ваше Святейшество!

— Густав? Твой орёл? — Карл Второй вопросительно посмотрел на своего подопечного.

— Какое ещё, к демонам, нападение? Здесь? В центре империи? — начинающий багроветь Густав чеканил каждое слово, — Доложи, как положено!

— Ваше Высокопреосвященство! — ещё больше побледнел монах. — Неизвестные маги проникли в Священные Гроты! Там творится что-то ужасное!

Карл Второй удивлённо поднял бровь.

— Докладывай. По. Порядку, — казалось, что Густава от прилива дурной крови вот-вот хватит удар.

Это казалось невозможным, но монах сбледнул ещё. Кажется, до него начало доходить то, что его судьба сейчас висит на волоске.

— По порядку. Ага, — церковник шумно сглотнул стоявший в горле комок. — Ваше Высокопреосвященство! Братья из Гротов в полдень не вышли!

— Ты кретин?! Какие ещё, к демонам, братья?! — взревел Густав.

— Так это... — монах запнулся, но вскоре вновь затараторил: — Указом Его Святейшества, с прошлого года всем братьям запрещено заходить в залы, где погребены его

предшественники. Наказано было лишь оставить це-ре-мо-ни-альный, прости Создатель, пост в Зале встреч. На посту этом всегда находятся четверо братьев, что сменяются дважды в сутки.

— Дебил! — Густав подскочил со своего места, но, увидев осуждающий взгляд понтифика, бухнулся обратно. — Я это и без тебя всё знаю! Что с нападением?!

— Так я и говорю, Ваше Высокопреосвященство, братья из Зала Встреч не вышли! — выпалил вконец теряющий нить разговора монах. — Собственно, смена заподозрила, что братья с вином малость перебрали. Там ведь был Колин Красная Морда, а он тот ещё любитель глаза залить...

— Доклад! — вновь взревел Густав, посмотрев украдкой на понтифика.

Карл Второй наблюдал за происходящим с загадочной улыбкой на лице. Всё бы ничего, но Густав прекрасно помнил, как ровно с такой же улыбкой понтифик, прямо на общем собрании, сломал шею его предшественнику. За ложь. По крайней мере, именно так прокомментировал свой поступок этот улыбочивый молодой человек.

— В общем братья зашли внутрь и тоже пропали, — продолжил монах, утирая рукавом бегущую из носа каплю крови. — Мы подождали малость и решили следом заглянуть. Долго решали, кому эта честь выпадет... В итоге, брат Родин мне по глазу съездил и внутрь Священных Гротов втолкнул.

Густав еле удержался от того, чтобы не завывать.

— Так вот значит, проморгался я, к полутьме по привычке да осмотрелся вокруг, — вновь затараторил монах. — И только глаза-то привыкли, смотрю, а в Зале Встреч только один из братьев остался! На четвереньках стоит и головой очумело трясёт. Кровищу с лица по сторонам разбрызгивает. Тут дверь, что в Гроты ведёт, распахнулась, и оттуда две чёрные ручищи выметнулись! Они брата за ноги — хватать! Хрясь! И вовнутрь-то его и затащили! А у меня в голове голоса зазвучали.

— Ручищи? Голоса? — от улыбки на лице понтифика не осталось и следа. — О чём говорили голоса?

— Так к себе зазывали, Ваше Святейшество! — нахмурился монах. — Ещё что-то прс жнеца какого-то всё талдычили. Как голоса зазвучали, так меня будто пыльным мешком по маковке хряснули! Голова вообще соображать перестала. Да ещё и носом кровь пошла. Я ноги в руки, и оттуда дёру!

Густав сокрушённо помотал головой, прокручивая в ней все мыслимые казни для своего подопечного, и посмотрел на понтифика. Но, к его удивлению, Карл Второй буквально светился от радости.

— Как тебя зовут, доблестный воин? — вкрадчиво спросил монаха Карл.

— Тори, Ваше Святейшество! — приосанившись ответил монах.

— Прекрасно! — понтифик хлопнул в ладоши. — Скажи мне, Тори. В тебе ютится хоть крупица дара?

— Да, Ваше Святейшество! — Тори улыбнулся, показав перепачканные кровью зубы. — Создатель наградил меня даром света. Правда, совсем уж крохотным.

— Поверь, мой друг, этого будет достаточно, — рассмеялся Карл. — Густав!

— Да, Ваше Святейшество? — церковник с готовностью поднялся.

— Найди мне ещё одного одарённого. Мне нужна тьма. Объём дара не имеет значения, — не убирая улыбки со своего лица, произнёс понтифик.

— Будет сделано, Ваше Святейшество, — склонился Густав.

— И не сомневаюсь, Густав, — кивнул Карл Второй, — и не сомневаюсь. Пойдём, друг Тори! Нас с тобой ждёт одно важное дело.

— Ваше Святейшество! Как быть с тем, что происходит в усыпальнице? — спросил Густав.

— Эту проблему я решу сам, — поднимаясь, ответил понтифик. — Жду тёмного. Срочно. У Священных Гротов. После чего сразу организуй собрание. У нас впереди очень... продуктивная беседа. Всё! Выполняй!

Густав коротко поклонился и вышел из кабинета.

— А ты, друг Тори, пока расскажи-ка мне всё более подробно, — Карл приобнял за плечо перепачканного в крови монаха, увлекая его за собой на выход.

— Так что рассказывать-то, Ваше Святейшество? — смутился брат Тори.

— Всё, мой друг! — хохотнул понтифик. — Рассказывай всё.

Возле входа в усыпальницу всех высших чинов церкви уже было выставлено оцепление из молчаливых служащих инквизиции. Двое монахов коротко кивнули, и расступились перед понтификом, пропуская его внутрь полукольца. Возле самой усыпальницы Карла Второго уже ожидал Густав с переминающимся с ноги на ногу крепким церковником.

— Ваше Святейшество! Это брат Далин. Это он мне в глаз залепил, — запричитал за спиной понтифика Тори.

— Прекрасно! — хохотнул Карл и посмотрел на Густава.

Тот в ответ лишь поклонился и сделал два шага назад.

— За мной! — приказал понтифик и шагнул в полумрак усыпальницы.

За ним понуро последовали братья Тори и Далин.

Оказавшись в Зале Встреч, Карл замер на месте, прикрыл глаза и глубоко вдохнул пахнувший затхлостью и свежей кровью воздух.

— Он уже здесь, — оскалившись, прошептал понтифик и уже громче добавил: — Вы двое! За мной!

— Но, Ваше Святейшество, там же...

— Бегом! — рявкнул Карл, обрывая невнятное бормотание Тори, и решительным шагом направился вглубь Священных Гротов.

— Голоса, Ваше святейшество! — едва поспевая за понтификом, пробормотал Тори. — Снова эти голоса в голове!

— Это отлично! — засмеялся Карл, ещё увеличивая свой темп.

Трое служителей церковного ордена пересекли торжественный Церемониальный зал и мрачный Зал Последнего Слова. Следом они пересекли первый уровень захоронений и спустились во второй.

— Долго нам ещё? — прохрипел брат Далин, уже напрочь забыв про положенный церемониал. Едва переставляющий ноги Тори лишь бессильно свесил голову и что-то бессвязно бормотал. Монахи даже не обратили внимание на то, что все многочисленные склепы, мимо которых они проходили, были вскрыты.

Карл Второй остановился и, раздражённо дёрнув щекой, посмотрел на отстающих спутников. В тишине усыпальниц, нарушаемой лишь надсадным дыханием и бормотанием монахов, прозвучали слова на доселе незнакомом шипящем языке. Коротко полыхнуло зеленою, и за спинами служителей церкви появились две чёрные, как смоль, сильно тронутые разложением безликие твари.

Понтифик произнёс ещё одну фразу и, круто развернувшись, вновь продолжил свой

путь. Дальше. На самый нижний уровень захоронений. В самое сердце Священных Гrotов. Твари молча подхватили вяло сопротивляющихся монахов и устремились за Карлом Вторым.

— Поздравляю вас, братья! Вам выпала честь стать свидетелями поистине эпохального события для этого мира! — торжественно произнёс Карл Второй, глядя на сброшенных тварями прямо на грубо обработанный каменный пол монахов. Те в ответ лишь застонали и слабо пошевелились.

Понтифик расхохотался и повернулся в сторону обширной ниши в полу. По преданию, в этой нише был запечатан прах первого императора этого мира. Единственного возведённого в ранг святых правителя. И глубиной эта ниша была в несколько десятков метров. Сейчас же печать была вскрыта, а сам бассейн был доверху заполнен теми останками служителей церковного ордена, которые удалось собрать со всей усыпальницы. А также останками тех, кто здесь трудился на протяжении последнего года. Карл достаточно щепетильно подходил к вопросу сохранения некоторых своих тайн.

— Я вновь приветствую тебя, Повелитель! — понтифик встал на одно колено на самом краю ниши и посмотрел на то, как среди груды костей ворочается изумрудный туман. — Очередной мир готов подставить тебе своё нежное подбрюшье. Очередное окно, открытое с моей помощью, перерастёт во врата. И, отворившись, врата эти выпустят сонм твоих слуг, что захлестнут этот забытый своим Творцом мир с головой. Я видел это десятки раз. Я делал это десятки раз. Я исполнил свою клятву с лихвой. После падения этого мира ты обязан вернуть мне то, что некогда забрал.

Изумрудный туман полыхнул янтарём.

— Да будет так, — тихо проговорил Карл и произнёс несколько коротких фраз на шипящем языке.

Безмолвные твари подхватили стонущих монахов и потащили их к краю могилы первого императора.

— Прими их силу, Повелитель! — проговорил понтифик. — И вкуси их души.

Карл Второй поочередно полоснул ножом удерживаемых тварями монахов по шеем и отступил на несколько шагов назад. Безмолвные силуэты бросили своих узников на груды костей, заполняющую нишу.

Раздался сосущий, чавкающий звук, и ещё шевелящиеся монахи принялись стремительно усыхать. Через минуту звук стих.

— Окно открыто, — прошептал Карл Второй.

Груда костей, наполнявших могилу, задрожала и медленно поползла вверх. Янтарный свет озарил лицо понтифика Карла Второго.

— Ваша Светлость, что же вы покинули свои владения, даже не попрощавшись со мной? — довольным голосом промурлыкал вошедший в свои покои Золен Рейнс и сел за накрытый стол.

Старший инквизитор отрезал небольшой, исходящий ароматным паром кусок запечённого мяса, нанизал его на длинную двузубую вилку и отправил себе в рот. Прожевав порцию, он запил её рубиновым вином из изящного стеклянного фужера.

— Угоститесь, Ваша Светлость? — вопросительно поднял бровь Золен. — Нет? Как хотите. А я, если Вы не против, поем. Скопилось, знаете ли, масса дел, требующих моего

личного присутствия. Я уже и начал забывать, когда последний раз мог позволить себе трапезу в спокойных условиях. Не поверите, но всё приходится делать на ходу!

Инквизитор продолжил неспешно насыщаться, явно получая наслаждение от умело приготовленной пищи. С другой стороны стола за его трапезой наблюдал князь Николас. Руки князя были заведены за высокую спинку массивного стула и там связаны. Ноги его были привязаны к ножкам стула. Из рта светлейшего князя торчал конец кляпа, оборудованного из заботливо скомканной грязной тряпки. Левый глаз Николаса украшал внушительных размеров кровоподтёк. Сам же светлейший князь от испытываемого ужаса дико вращал глазами и протяжно мычал.

— Фух! — насытившись, Золен отодвинул от себя опустевшую тарелку и, откинувшись на спинку стула, посмотрел на своего гостя. — Знаете, Ваша Светлость, я не раз представлял себе нашу встречу в этих скромных апартаментах. О! Я даже с нетерпением ожидал её. Я смаковал её и так, и этак. Я представлял себе, как медленно вспорю Ваше жирное брюхо и буду украшать своё старческое логово гирляндой из Ваших благородных кишок. А Вы будете за этим наблюдать и давать мне дельные советы по тому, каким образом их лучше развесить. У Вас ведь такой изысканный и утончённый вкус. Как и у любого истинного благородного. Я представлял, как буду мелко Вас нарезать. Снимая с Вас слой за слоем, будто с переросшей луковицы. Я представлял, как... Я многое успел себе представить за время наших с Вами бесед, Ваша Светлость. И вот Вы тут. У меня в гостях. И знаете что?

Покрывшийся липким потом князь затравленно замотал головой.

— Мне на тебя плевать, Николас, — спокойным и размеренным голосом ответил старший инквизитор. — Ты оказался настолько ничтожным, князь, что даже элементарной злости вызвать не можешь! Не говоря уже о ненависти. Твои люди пытаются хоть как-то бороться. Восточные провинции были застигнуты врасплох. Там мы сработали чисто. Западные уже пытались оказать хоть какое-то сопротивление. Северные баронства вообще застряли костью у нас в горле! Бьются как демоны. Они умирают, но не сдаются! Вот к кому невольно испытываешь чистые чувства! Их хочется ненавидеть! Ненавидеть и уважать. А ты? Ты даже не поинтересовался судьбой своих земель, задав стрекоча сразу, как запахло жареным. Ты ничтожество, Николас. И кроме брезгливости и лёгкого раздражения не способен вызвать ничего. И сейчас я смотрю на тебя, а вижу лишь жирную кучу дерьма, об которую не хочется замараться. Не хочется, но придётся!

Золен посмотрел в глаза князя, но, не увидев там ничего, кроме животного ужаса, сокрушённо покачал головой и поднялся со своего места.

— Не бойся, Николас. Ты умрёшь быстро. В твоих муках нет смысла. Нет, будь в тебе хоть крупица дара, тебе пришлось бы пострадать. И поверь мне, страдать пришлось бы много. Помнишь графа Джереми? О! Вот это человек! Я проникся к нему искренней симпатией. Так вот, он протянул почти двое суток! Я не желал подобной участи этому человеку, но его дар... Он не оставил мне выбора, — старший инквизитор раскрыл ладонь, и над ней взметнулся вверх небольшой шарик из чёрного камня. — Знаешь что это, бывший князь бывшего княжества?

Николас, засмотревшись на парящий в воздухе шарик, вновь замотал головой.

— Конечно! Откуда тебе это знать, — хохотнул Золен. — Это то, что поднимет наш орден с колен. Это дар нашего понтифика Карла Второго. Это то, что дарует нам силу, забирая её у тех, кто этой силы не достоин. А достойны её, как ты можешь понять, лишь сыны церкви. Но есть одно маленькое условие: источник силы должен страдать перед

смертью. Он должен буквально сходить с ума от переполняющей его боли. Независимо от того, телесная это боль или душевная. И чем сильнее дар у источника, тем тщательнее нужно подходить к этому вопросу, Николас. Так что ты можешь выдохнуть, князь. Ты всего лишь пустышка. Поэтому ты умрёшь быстро.

Инквизитор вытянул в сторону руку, и в ней появился сотканный из зелёного тумана изогнутый нож. Золен Рейнс сделал шаг в сторону забившегося в путах князя, но резко остановился.

— Кстати! Забыл тебя поблагодарить, Николас, — старший инквизитор подошёл к камину и, взяв с него небольшую шкатулку, поставил её перед князем. — Узнаёшь? Мои люди нашли эту занимательную вещицу в твоей резиденции. Удивительная штука! Никакой магии. Только чистая механика. А каков результат!

Золен несколько раз крутанул небольшую рукоятку, которая выступала из шкатулки. Комната наполнилась звуками незамысловатой лиричной мелодии.

— Я думаю, это разбавит твою тоску по утекающей никчёмной жизни, Николас, — произнёс Золен, делая шаг к связанному князю.

Внезапно плавающий в воздухе шарик разразился яркой янтарной вспышкой.

Проморгавшись, князь посмотрел на замершего на месте инквизитора. Взгляд его затянутых бледно-зелёной поволокой глаз так же замер на месте. Спустя несколько секунд старик вздрогнул, широко улыбнулся и медленно опустился на стул рядом с Николасом, так и продолжая смотреть в одну точку. Тишину нарушали лишь мелодия, которая лилась из шкатулки, и взволнованное сопение князя.

— Он уже здесь, — доверительно прошептал князю Золен, продолжая довольно улыбаться.

После этого инквизитор медленно поднял руку с зажатым в ней туманным ножом, и столь же медленно провёл лезвием по собственному горлу.

У поседевшего князя сильно запекло в груди. Ему не хватало воздуха, но он с ужасом продолжал смотреть на сидящего рядом с ним и счастливо улыбающегося старика, серая ряса которого на груди окрашивалась в вишнёвый цвет.

Только лишь механическая шкатулка продолжала невозмутимо наполнять комнату переливчатыми звуками заложенной в неё неизвестным мастером мелодии.

— А тебе идёт, — улыбнулась юная ведьма, протягивая Павлу миску с горячей разваристой кашей.

— Спасибо! — поблагодарил её за заботу начинающий маг. — Пока ещё не довелось посмотреть на себя со стороны.

Иваныч поставил обжигающую подживающие ладони посуду рядом с собой и аккуратно коснулся правого глаза. Вместо уже ставшей привычной пустоты его пальцы наткнулись на тёплый гладкий камень.

— Больно? — участливо поинтересовалась Мали, опускаясь на лавку рядом с Павлом.

— Сейчас уже терпимо, — зажмурился Иваныч, пережидая очередную волну голосов.

Голоса в голове начали преследовать юного мага с того момента, как он очнулся в баронский покоях. Они шептали. Они говорили. Они срывались на крик. И Павел не мог найти от них защиты. Когда Иваныч спросил об этом учителей, те в ответ лишь развели

руками.

— Не поверишь, но я им даже вижу! — вернулся к теме своего нового приобретения Павел, после того как шёпот в голове стих.

— Видишь? — удивилась юная ведьма.

— Ага, — довольным голосом ответил Иваныч, — вижу. Будто через грязное зелёное стекло. Но вижу.

— Никогда прежде о подобном не слышала, — покачала головой девушка и указала на миску, — Ешь! А то остынет.

Павел улыбнулся и взял посуду в ещё плохо слушающиеся руки.

— Ты чего такой довольный сегодня? — спросила у жующего парня Мали.

— Люди, — ответил Павел и обвёл пространство вокруг себя рукой с зажатой в ней деревянной ложкой. — Они не убивают друг друга. А трудятся вместе. Помогают друг другу.

— И что? — непонимающе посмотрела на него ведьма.

— Я первый раз такое вижу, — пожал плечами юный маг и вернулся к содержимому миски.

Мали посмотрела на оживлённую площадь возле храма. Хмыкнула и последовала примеру друга.

Паладин и демонолог с самого утра развили по всей крепости бурную деятельность.

Мишико начал утро со знакомства с защитниками крепости. Обсудил с ними планы на случай внезапного появления противника. Назначил временных десятников. Выбрал вместе с сотником оптимальные маршруты патрулей и места для выставления дозоров. Проинспектировал оружейные и провизионные склады.

Продуктов, слава Создателю, пока было в достатке. Но паладин всё равно решил собрать провизию со всего города и разместить её в донжоне. Питание для всего города было решено организовать из одного котла. Для этого дела мастер тьмы при помощи отца Авеля набрал полтора десятка женщин и выделил им под городскую кухню ещё несколько помещений в центре крепости. Готовую пищу людям раздавали возле донжона и храма.

После чего паладин собрал всех незадействованных в службе военных и объявил им, что на сегодня они похоронная команда. Нужно было похоронить собственных павших. И нужно было что-то делать с трупами монахов. К этому делу присоединилось и несколько десятков горожан.

Вел же набрал пару десятков крепких мужиков и отправился с ними на восстановление крепостных ворот.

Юную ведьму отдали под начало отца Авеля и отправили в храм, который временно превратился в лазарет. Раненых хватало.

В общем, все, кроме Павла, были при деле. Ему было поручено восстанавливаться и набираться сил. Но начинающий маг долго лежать не смог и напросился в помощники к Мали.

— Спасибо! — сыто произнёс Иваныч, откладывая в сторону миску.

— А мне-то за что? Не я же готовила, — удивилась девушка.

— За заботу, — ответил начинающий маг.

— Не благодари, — Мали улыбнулась и кивком головы указала на спорящих о чём-то учителей: — Вот уж от кого не ожидала заботы и такого участия.

Мишико и Вел в компании отца Авеля и Гери что-то активно обсуждали за обедом, устроившись неподалёку от учеников.

— Они добрые, — так же растянул губы в улыбке Павел, — странные. Порой неадекватные. Но добр... Что это?

Начинающий маг смотрел на осколок его каменного ошейника, который упал ему на колени.

— А? Что ты сказал? — девушка посмотрела на друга. — Паша? ПАША!

Мёртвенно-бледный Павел, не выпуская из рук кусок своего украшения, потихоньку заваливался набок. Левый глаз его был затянут тьмой. В правом же плескался янтарь.

Первым на крик девушки среагировал паладин.

— Вел! Началось! — паладин отбросил в сторону миску и исчез в перламутровой вспышке.

— Твою... — подавившегося кашей демонолога поглотила тьма.

Появившись возле ученика, паладин подхватил на руки ничего не понимающую девушку и снова исчез в белой вспышке.

— Давай, парень. Будь первым, кто ломает законы этого грёбаного мира, — бормотал мастер тьмы, формируя вокруг себя и парализованного ученика самую мощную защиту из тьмы, на которую был только способен.

— Что происходит? — непонимающе спросил отец Авель, принимая от паладина на руки юную ведьму.

— Создатель одарил его обеими сторонами дара, — резко ответил Мишико. — Две силы сейчас встретятся в нём. Молись, святой отец!

Новая вспышка, и паладин уже образует защитный купол поверх щита тьмы.

— Ну же! Ученик! Удиви меня! — прохрипел демонолог, вливая весь свой резервуар в защитное плетение.

Тело Павла резко выгнуло дугой.

Больше книг на сайте - Knigoed.net